

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В.ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Сун Цзясюань

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ
КОНФЛИКТЫ 1860-Х ГГ. В ОСМЫСЛЕНИИ Л.Н. ТОЛСТОГО**

Специальность 5. 9. 1. Русская литература и литературы народов

Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

кандидат филологических наук

Ю. И. Красносельская

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Польское восстание 1863-1864 гг. в оценке Л.Н. Толстого и его осмысление в «Войне и мире»	20
1.1. Эволюция отношения Толстого к польскому вопросу.....	20
1.2. «Польский вопрос» в освещении русской прессы 1860-х гг. и в оценке русских литераторов	25
1.3. Газетные сообщения о польском восстании 1863 г. в восприятии Л.Н. Толстого	36
1.4. Влияние польского вопроса на генезис «Войны и мира».....	47
Глава 2. Генезис мотива австрийской измены в «Войне и мире»	56
2.1. Мотив австрийской измены в «Войне и мире»: ключевые эпизоды и их функции	56
2.2. Исторический генезис мотива австрийской измены: русско-австрийские взаимоотношения в XIX в. и внешняя политика Австрийской Империи в 1850-1860 гг...62	
2.3. Образ Австрии в русской публицистике середины XIX в.....	69
2.4. Австрия и австрийская политика в осмыслении Л.Н. Толстого	75
Глава 3. Фигуры Бисмарка и Наполеона III в осмыслении Л.Н. Толстого: к проблеме «роли личности в истории» в «Войне и мире»	85
3.1. Наполеоновский миф в европейской культуре и политике XIX в.	85
3.2. Исторический фон наполеоновского мифа во второй половине XIX в.: прусский вопрос и деятельность Бисмарка	88
3.3. Исторический фон наполеоновского мифа во второй половине XIX в.: деятельность Наполеона III	94
3.4. Образы Бисмарка и Наполеона III в русской литературе второй половины XIX в.....	98
3.5. Бисмарк и Наполеон III в творческом воображении Толстого	110
Заключение	128
Библиография	132

Введение

Настоящая работа посвящена восприятию Л.Н. Толстым внешней политики Российской империи 1860-х гг. и межгосударственных, а также межнациональных конфликтов этого времени. Нас будет интересовать и личное отношение писателя к внешнеполитическим событиям, и творческое их переосмысление. Таким образом, **предметом исследования** является рецепция Толстым европейских дипломатических и военных конфликтов 1860-х гг. Соответственно, **объектом** исследования являются художественные произведения писателя, его дневники, письма, а также автодокументальные источники, принадлежащие перу его современников (дневники и письма его близких и знакомых, воспоминания о Толстом). Эти материалы иллюстрируют и восприятие писателем окружающего мира в целом, и, главное, его отношение к политическим событиям¹. Кроме того, в работе мы активно обращаемся к материалам периодической печати Российской империи второй половины XIX в., позволяющей воссоздать военно-политическую обстановку эпохи и, соответственно, оценить степень оригинальности и актуальности толстовских суждений, раскрыть их происхождение. В указанный период в России все более значимую роль играло общественное мнение, превращаясь в один из инструментов, влияющих даже на внешнюю политику государства². Газеты и журналы не только отображали идеи и мнения, существующие в различных кругах общества, но и воздействовали на формирование и изменение взглядов читателей³. Особенное внимание будет обращено на статьи тех журналистов, которые были знакомы с Толстым или чьи материалы могли читаться или просматриваться им. В этой связи стоит прежде всего выделить «Московские

¹ См.: Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым: воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого 1907 - 1908 г. М.: Изд. Толстовского музея, 1928. 204с; Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. / Ред. С.А. Макашин. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1—2; Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904—1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. М.: Наука, 1979—1981. (Лит. наследство; Т. 90); Толстая С.А. Дневники: в 2 т. 1862-1900. М.: Художественная литература, 1978.

² См.: Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. М.: Просвещение, 2007. С. 149.

³ См.: Юртаев С.А. Внешняя политика О. фон Бисмарка в 1871-1890 годах в отражении общественного мнения России: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 12.

Ведомости» и «Русский Вестник» М.Н. Каткова, которые можно отнести к консервативному направлению русской прессы. Газета «Московские Ведомости» после польского восстания 1863 г. становится особенно популярной в России и, судя по всему, читается в это время Толстым. В настоящем исследовании также привлекаются для анализа такие популярные периодические издания, как «Вестник Европы», «Санкт-Петербургские Ведомости», «Северная Почта», «Голос», «Современник», «Исторический Вестник».

Исторические события отображались не только в русской публицистике, но и в научных публикациях, а также на страницах художественных произведений. Если говорить о произведениях особенно значимых публицистов и писателей, которые либо общаются с Толстым в 1860-е гг., либо оказывают существенное влияние на общественное мнение и даже государственную политику, то здесь, помимо Каткова, можно выделить таких авторов, как И.С. Аксаков¹, А.И. Герцен², Ф.М. Достоевский³, М.П. Погодин⁴, Н.А. Попов⁵, Ю.Ф. Самарин⁶, И.С. Тургенев⁷, Ф.И. Тютчев⁸, А.А. Фет⁹ и др. В их сочинениях нередко встречаются рассуждения о межгосударственных конфликтах 1860-х гг., что определяет обращение к ним.

Сразу подчеркнем, что в центре внимания будут публицистические и художественные материалы 1860-х гг., т.е. прежде всего нас интересует синхронная событиям шестидесятых годов реакция на них Толстого. Это означает, что центральным **объектом** изучения будет книга «Война и мир» (1863-1869), работе над которой Толстой посвятил большую часть

¹ См.: Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860-1886. Т. 1-7. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1886-1887.

² См.: Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954-1966.

³ См.: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.

⁴ См.: Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 832 с.

⁵ См.: Попов Н.А. Россия и Сербия: Историч. очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. Ч. 1-2. М.: К. Солдатенков, 1869. Ч. 2. 657 с; Австрийская публицистика перед введением дуализма. 1865-1866. Киев.: изд. Н.П. Задерацкого, 1878. 52 с.

⁶ См.: Самарин Ю.Ф. Сочинения Ю.Ф. Самарина в 12 т. М.: Д. Самарин, 1877-1911.

⁷ См.: Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978-2014.

⁸ См.: Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1913. 712 с.

⁹ См.: А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

шестидесятих годов. Здесь отрефлексированы не только понятия войны и мира (и осмыслены конкретные военные кампании – наполеоновские войны начала XIX в.), но и дипломатии, претендующей на внесение весомого вклада в определение судеб Европы (по мнению Толстого, безосновательно¹). Если материал для своей книги Толстой черпал преимущественно из исторических источников (хотя, как будет показано, это не исключает и его осовременивания), то подспорьем для философских выводов писателя о движении народов и их взаимодействиях не в меньшей степени служили события 1860-х гг.

В то же время спорадически привлекаются и разножанровые материалы более раннего или позднего времени, которые более рельефно выражают отношение писателя к намечающимся или уже произошедшим событиям европейской и российской истории, проясняют его недостаточно четко сформулированную в 1860-е гг. позицию или же, напротив, свидетельствуют о существенной эволюции общественно-политических и философских воззрений писателя от 1850-х к 1880-1900-м гг. Так, дневник семейного врача Толстых Д.П. Маковицкого 1904-1910 гг. предоставляет весьма обширную и невероятно ценную информацию по интересующим нас вопросам, поскольку там приводятся многочисленные высказывания Толстого о его нынешнем и прежнем отношении к политическим событиям минувших времен. В своих поздних художественных и публицистических произведениях Толстой также часто касается тех внешнеполитических конфликтов, которые пришлось на 1860-е гг., хотя имели и более давнюю историю, и последующее развитие: так, он неоднократно обращается к польскому вопросу (ср. такие произведения, как «За что?», «Ответ польской женщине», «Хаджи-Мурат» и др.), которому будет посвящена первая глава работы.

¹ Ср. гл. 4 первой части эпилога: «Движение народов начинает укладываться в свои берега. Волны большого движения отхлынули, и на затихшем море образуются круги, по которым носятся дипломаты, воображая, что именно они производят затишье движения. Но затихшее море вдруг поднимается. Дипломатам кажется, что они, их несогласия, причиной этого нового напора сил; они ждут войны между своими государями; положение им кажется неразрешимым. Но волна, подъем которой они чувствуют, несется не оттуда, откуда они ждут ее» // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981. С. 256.

Об **актуальности** исследования свидетельствует то, что в настоящее время толстоведы часто обращаются к изучению политических взглядов Толстого, в том числе рассматриваемого периода — 1860-х гг. Они также стремятся вписать публицистические и литературные высказывания Толстого в контекст журнальной периодики эпохи Великих реформ, подчеркивая, что творчество писателя содержит массу злободневных отсылок и размышления о национальном пути России, об общественно-политических и экономических преобразованиях, которые осуществлялись в это время правительством Александра II. Однако вопросы внешнеполитические, связанные с осмыслением Толстым событий, происходящих прежде всего в Европе, затрагиваются историками литературы гораздо реже, что подтверждает **новизну** работы.

Степень научной разработанности темы. Уже в критических статьях современников писателя, таких, как А.С. Норов, Н.Н. Страхов, П.А. Вяземский и др., обсуждался вопрос об источниках «Войны и мира», о корректности воссоздания Толстым эпохи Отечественной войны 1812 г. Некоторые из критиков подчеркивали «осовременивание» Толстым изображаемой исторической эпохи: об этом тонко писали К.Н. Леонтьев¹ и П.В. Анненков². Так, первый отмечал, что «Война и мир» верна психологически, но не исторически, она не передает дух описываемого времени, отображая скорее особенности той эпохи, когда эта книга создавалась. Таким образом, факт проникновения в текст книги Толстого отголосков 1860-х гг. был в целом очевиден уже первым читателям, однако они были склонны трактовать это обстоятельство как недостаток, как склонность Толстого к анахронизмам. Наша задача — более детально и безоценочно изучить эти анахронизмы, вернув их в тот исторический контекст, в котором они зародились.

¹ См.: Леонтьев К.Н. О романах гр. Л. Н. Толстого: Анализ, стиль и веяние: (Критический этюд). Писано в Оптиной пустыни в 1890 г. М.: тип. В.М. Саблина, 1911. 152 с.

² См.: Анненков П.В. Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир» // Анненков П.В. Критические очерки. СПб: изд. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 414 с. Статья впервые опубликована в журнале «Вестник Европы» (1868, февраль, книга 2-я, стр. 774—795).

Изучение взглядов Толстого на историю, в том числе военную, традиционно играло важную роль и в толстоведении: здесь следует выделить работы Н.Н. Апостолова¹, И.И. Бендерского², Т.А. Лепешинской³, Д. Ливена⁴, коллективный сборник «Tolstoy on War»⁵. Л.И. Соболев в своей комментарии к «Войне и миру» дает подробные указания на источники некоторых реалий, эпизодов и номинаций из книги Толстого⁶. Сопоставляя исторические события с эпизодами «Войны и мира», Соболев наглядно выявляет как различия, так и совпадения между ними. Его подход позволяет глубже проанализировать и влияние внешнеполитической обстановки 1860-х гг. на замысел и содержание шедевра Толстого.

В определенной степени интересующие нас вопросы затрагивались и в биографических исследованиях. Так, в книге «Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1855 по 1869 год»⁷ Н.Н. Гусев обращается к таким периодам в жизни Толстого, как участие в Крымской войне или путешествие за границу. Чтобы полнее воссоздать круг интересов и идей Толстого, Гусев обращается и к описанию внешнеполитической обстановки в мире, например, описывает развитие капитализма и наполеоновской идеи во Франции во время пребывания там Толстого и обращает внимание на чувство отвращения, которое вызывали эти процессы у писателя.

В настоящее время заметно вырос интерес к изучению непосредственно политической позиции Толстого разных десятилетий – как в ее эксплицитном виде, так и в имплицитном, предполагающем возможность аллюзий к разным

¹ См.: Апостолов Н.Н. Лев Толстой над страницами истории: историко-литературные наблюдения. М.: Комиссия по ознаменованию столетия со дня рождения Л. Н. Толстого, 1928 (Ленинград: Типо-лит. "Красн. печатник" Гостехиздата). 296 с.

² См.: Бендерский И.И. История между литературой и наукой: философско-методологический анализ «Войны и мира» Л.Н. Толстого: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.08. М., 2016. 137 с.

³ См.: Лепешинская Т.А. Роман Л.Н. Толстого «Война и Мир» как исторический источник в изображении событий Отечественной войны 1812 г. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Омск, 2006. 255 с.

⁴ См.: Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807-1814. М.: РОССПЭН, 2012. 677 с.

⁵ См.: Tolstoy on War: Narrative Art and Historical Truth in «War and Peace». Ithaca; London: Cornell University Press, 2012. 246 с.

⁶ См.: Соболев Л.И. Комментарий к книге Л.Н. Толстого «Война и мир». М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 360 с.

⁷ См.: Гусев Н.Н. Л.Н. Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 916 с.

актуальным сюжетам в художественных произведениях писателя. Начало серьезного изучения этой темы было положено классическими трудами Б.М. Эйхенбаума, который, в частности, встроил становление замысла «Войны и мира» в контекст общественно-политической жизни 1860-х гг.¹ По утверждению Эйхенбаума, «Война и мир» была задумана как злободневное произведение, направленное против русских радикалов. Касался исследователь и осмысления Толстым межнациональных вопросов, например польского. В другой классической работе русского формализма – «Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир»² В.М. Шкловского – также подчеркивается политизированность сознания писателя в годы создания романа.

Позднее к этой теме обратилась американская исследовательница К. Фойер в книге «Генезис “Войны и мира”»³. Опираясь на Эйхенбаума, Фойер проводила изучение художественного текста сквозь призму истории идеологий. Реконструируя ранний замысел «Войны и мира» как политического романа, она пришла к выводу, что он был задуман Толстым под влиянием не только пореформенной ситуации в России 1860-х гг., но и внешнеполитических обстоятельств 1850-60-х гг. Идеи русских радикалов воспринимались Толстым как пришедшие прежде всего из Франции, что заставило исследовательницу обратиться к анализу ситуации во Франции от Великой Французской революции до эпохи правления Луи-Наполеона. Она пришла к выводу, что Толстой заинтересовался эпохой Наполеона Бонапарта во многом под влиянием своих впечатлений от посещения Франции в 1857 г. и чтения французских историко-политических трудов, в частности А. де Токвиля⁴.

Эти идеи были подхвачены и развиты в новейших научных работах, предопределив характер восприятия творчества Толстого как политически злободневного, но обычно «трансцендирующего» политику путем осмысления

¹ См.: Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

² См.: Шкловский В.Б. Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М.: Федерация, 1928. 249 с.

³ Фойер К.Б. Генезис «Войны и мир». СПб.: Акад. проект, 2002. 332 с.

⁴ См.: там же. С. 224.

на ее основе более глобальных и многоаспектных философских тем и проблем. Во многих работах, посвященных рецепции Толстым Крымской войны середины 1850-х гг., демонстрируется связь между новым типом вооруженного противостояния наиболее влиятельных государств того времени и новаторской поэтикой прозы, которая разрабатывается молодым писателем под влиянием его опыта военной службы¹. Так, в относительно недавней, но уже ставшей классической книге О.Е. Майоровой «From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology», посвященной становлению национального самосознания в Российской империи середины XIX в., толстовские «Казачи» и «Война и мир» рассмотрены как своего рода реплики в полемике с И.С. Аксаковым и М.Н. Катковым, прежде всего по польскому вопросу². Майорова проанализировала реакцию Толстого как создателя «Войны и мира» на оживленные дискуссии о войне и русской нации, усилившиеся во время польского восстания 1863 г. По ее мнению, споры по поводу Польши обусловили и организацию художественного пространства в третьем томе «Войны и мира»³.

В свою очередь, Ю.И. Красносельская в статье «1866 год в «Войне и мире» Л.Н. Толстого: сцена созыва народного ополчения и ее социально-политические источники» продемонстрировала, как на ряд эпизодов третьего тома «Войны и мира» воздействовали дебаты в русской прессе о политическом представительстве, также связанные с общеевропейской повесткой 1860-х гг.⁴ В другой работе того же автора, «Каракозовское дело в «Войне и мире»: генезис мотива несостоявшегося цареубийства и репрезентация политического насилия

¹ См.: Зорин А.Л. Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения. М.: Новое литературное обозрение. 2020. С. 15-16; Калинин И.А. Севастополь в августе 1855 года. Война, фотография и хирургия: рождение поэтики модерна // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 (116/117). С. 32-74; Франк С. Видимая и невидимая война в Крыму // Крымский текст в русской культуре: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 4-6 сентября 2006 г. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. С. 126-145.

² См.: Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855-1870. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2010. P. 94-154.

³ См.: Майорова О. Народная война и пчелиный улей: нация и империя в «Войне и мире» // Новое литературное обозрение. 2024. № 4 (188). С. 103.

⁴ См.: Красносельская Ю.И. «1866 год» в «Войне и мире» Л.Н. Толстого: сцена созыва народного ополчения и ее социально-политические источники // Slověne. 2021. Vol. 10, № 2. С. 193-216.

Львом Толстым», говорится о «польском следе» в деле Д.В. Каракозова 1866 г. Его можно обнаружить в тех сценах «Войны и мира», в которых описывается желание Пьера совершить покушение на Наполеона¹.

Таким образом, обращаясь к осмыслению Толстым межнациональных конфликтов 1860-х гг., исследователи чаще всего комментируют его реакцию на «польские дела». Кроме того, исследуя более поздний период творчества Толстого, 1870-е гг., толстоведы нередко касаются его отношения к славянскому вопросу в целом. Известно, что в «Анне Карениной» Толстой негативно высказывался о добровольческом движении, целью которого было освобождение славянских народов из-под ига Османской империи. Этот сюжет проанализирован в недавней книге «Жизнь творимого романа» М.Д. Долбилова, показавшего, как мода на панславизм воздействует на поэтику толстовского романа, заставляя Толстого видоизменять «идейно-политические портреты героев»². К анализу восьмой части «Анны Карениной», где обсуждается славянский вопрос, также обращались М. Деннер³, Ю.И. Красносельская⁴, И.Ш. Юнусов⁵.

Итак, в современных исследованиях не только существенно проясняются политические взгляды Толстого, которые прежде рассматривались схематично и зачастую, так сказать, приносились в жертву философско-религиозным и литературным установкам писателя (исключением являются работы Эйхенбаума и Шкловского), но и обнаруживаются интересные пересечения между обсуждаемыми русским обществом политическими событиями и сюжетным развитием толстовских произведений, динамикой образности в них.

¹ См.: Красносельская Ю.И. Каракозовское дело в «Войне и мире»: генезис мотива несостоявшегося цареубийства и репрезентация политического насилия Львом Толстым // Новое литературное обозрение. 2022. № 5 (177). С. 17–30.

² Долбилов М.Д. Жизнь творимого романа: от авантекста к контексту «Анны Карениной». М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 504.

³ См.: Denner M. Resistance Is Futile, but Nonresistance Might Work: The East and Russia in Tolstoi's Political Imagination, 1905–10 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16. No 1. P. 42–46.

⁴ См.: Красносельская Ю.И. «Тень» К.С. Аксакова в полемике Л.Н. Толстого с панславистами 1877 г. // Складчина: Сб. ст. к 50-летию проф. М.С. Макеева. М.: ОГИ, 2019. С. 137–157.

⁵ См.: Юнусов И.Ш. Проблема национального характера в русской литературе второй половины XIX века: И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой: дис. ... доктора филол. наук. СПб, 2002. 514 с.

Выявление таких корреляций входит и в нашу задачу. Однако упомянутых выше ученых все же занимал в основном отклик Толстого на внутреннюю политику Российской империи. Внешнеполитические вопросы обсуждались ими скорее в контексте взглядов Толстого на межнациональные отношения в целом. Значимость национального вопроса в XIX в. хорошо известна¹, и исследователи русской литературы занимаются, главным образом, осмыслением вопроса о том, как Толстой понимал специфику и задачи русской нации и ее взаимоотношения с другими народами, прежде всего населяющими многонациональную Российскую империю². Мы же сконцентрируемся на более узкой теме, связанной с восприятием Толстым межгосударственных отношений, дипломатических нот и переговоров, а также военных столкновений 1860-х гг. Следует изучить различные внешнеполитические сюжеты в их взаимосвязи, показав, что Толстой не просто откликается на отдельные новости, но и в целом достаточно активно следит за внешнеполитической повесткой дня, которая, в свою очередь, подпитывает его творческое воображение.

В 1860-е гг. Российской империи пришлось выстраивать новые дипломатические траектории вследствие того, что после поражения в Крымской войне и распада Священного союза она в международном отношении оказалась в изолированном положении. Международная обстановка в целом также была нестабильной: польское восстание, амбиции Наполеона III, процесс объединения Германии вызывали беспокойство чиновников и военных России. Нас будут интересовать преимущественно четыре центральных политических «вопроса» 1860-х гг., которым будут посвящены соответствующие главы

¹ См.: Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. 206 с.

² См.: Бояновска Э. Был ли Толстой колониальным землевладельцем? Проблемы частной собственности и поселенческий колониализм в башкирской степи // Новое литературное обозрение. 2023. № 4 (182). С. 156–183; Красносельская Ю.И. Непротивление злу в эпоху военных альянсов: (франко - русские торжества 1893 года в оценке Л. Н. Толстого и его сподвижников) // Новое литературное обозрение. 2023. № 6 (184). С. 154-170; Юнусов И.Ш. Проблема национального характера в русской литературе второй половины XIX века: И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой: дис. ... док. филолог. наук: 10.01.01. СПб, 2002. 514 с.; Hokanson K. Writing at Russia's border. Toronto: Univ. of Toronto press, cop. 2008. 308 с.; Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855-1870. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2010. С. 94-154.

диссертации: польский, австрийский, прусский и французский. Сразу оговоримся, что польский вопрос нельзя, конечно, в полной степени считать внешнеполитическим, поскольку Польша являлась частью Российской империи, хотя и боролась за утраченную после ее третьего раздела свободу. В этом отношении это скорее межнациональный конфликт. В то же время в русском обществе царила убежденность, что действия польских политиков и шляхты в целом определяются Европой, прежде всего Францией, так что польский вопрос воспринимался как международный, а не сугубо «домашний», даже если многим и хотелось, цитируя А.С. Пушкина, чтобы он был «спором славян между собою». Соответственно, польский вопрос «тянул» за собой французский, а также и австрийский с прусским, поскольку Польша была поделена между Россией, Австрией и Пруссией, и все происходящее в Польше так или иначе затрагивало интересы крупнейших западных держав. Оговоримся также, что за рамками рассмотрения оставлен ряд актуальных внешнеполитических вопросов эпохи (например, связанных со взаимоотношениями России и Североамериканских штатов), что позволит сосредоточиться на европейских делах, в наибольшей степени интересовавших русскую прессу и Толстого.

Указанные вопросы позволяют судить об общеевропейских процессах этого времени, а кроме того, они так или иначе оказались в поле зрения Толстого. В его дневниках и письмах этого времени помимо сведений о работе над романом «Война и мир» отображается его отношение к внешнеполитической обстановке 1850-1860-х гг. Чтобы изучить эту обстановку и военные конфликты эпохи, мы обращались к трудам профессиональных историков, посвященным указанным событиям. Среди них следует отметить работы Д. Ливена¹, В.Г. Резуненкова², Л.К. Роотса³, Л.И. Нарочницкой⁴, А.А.

¹ См.: Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 678с.

² См.: Резуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 358с.

³ См.: Роотс Л.К. Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863-1864. Таллин, 1957.

Комзоловой¹, Н.И. Хитровой², И.М. Катаева³, Е.В. Сироткиной⁴, Е.В. Котовой⁵, П.И. Королева⁶, В.Н. Чудовского⁷, С. Лесника⁸, Н.О. Козлова⁹, А.Л. Нарочницкого¹⁰, П.П. Черкасова¹¹, В.В. Дегоева¹², Ю.Л. Михайловой¹³ и др. Отдельно следует отметить сборники, в которых содержатся дипломатические документы и мемуарные источники¹⁴.

Итак, общая **цель** работы состоит в том, чтобы проанализировать политическую и художественную реакцию Толстого на указанные внешнеполитические вопросы. Он осмыслял события 1860-х гг. и как беллетрист, и как публицист, и как философ, учитывая весь спектр мнений по этим вопросам, но сохраняя подчас и свою оригинальную позицию. Для

241с.

⁴ См.: Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М.: Госполитиздат, 1960. 287с.

¹ См.: Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 380с.

² См.: Хитрова Н.И. Польское восстание 1863 года и сближение с Пруссией // История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Междунар. отношения, 1997. С. 68-73.

³ См.: Катаев И.М. Россия и Австрия. М.: Т-во И.Н. Кушнерев и К^о, 1914. 48 с.

⁴ См.: Сироткина Е.В. Восточный вопрос, Крымская война и конец «Священного альянса» в австрийско-российских отношениях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2018. Т. 18, выпуск 1. С. 77–83.

⁵ См.: Котова Е.В. Политика Австрии накануне и в период Крымской войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 8 (94). URL: <https://history.jes.su/s207987840011044-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840011044-7. [Дата обращения: 10.05.2024]; Она же. Германский вопрос во внешней политике Австрийской империи в 1850—1866 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016050-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840016050-4 [Дата доступа]: 10 января 2024 г.

⁶ См.: Королев П.И. Борьба Пруссии и Австрии за гегемонию в немецком мире в 1850-1860-х и позиции А.М. Горчакова // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований» 2011 г. Выпуск 7. С. 39-47.

⁷ См.: Чудовский В. Н. Война за Шлезвиг-Гольштейн 1864 года. Санкт-Петербург: Тип. т-ва Общественная польза, 1866. 299 с.

⁸ См.: Лесник С. Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе // Красный архив. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1939. Том 2 (93). С. 51-118.

⁹ См.: Козлов Н.О. Шлезвиг-Гольштейнский вопрос в трудах российских историков второй половины XIX столетия // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19(1). С. 256-264.

¹⁰ См.: Нарочницкий А.Л. Международные отношения европейских государств от Июльской революции во Франции до Парижского мира. (1830-1856 гг.) М.: тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1946. 60 с.

¹¹ См.: Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856-1870) М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2015. 450 с.

¹² См.: Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 494с.

¹³ См.: Михайлова Ю.Л. Балтийский вопрос в российской прессе и публицистике накануне и во время франко-прусской войны (вторая половина 1860-х – 1871 г.) // Европа: междунар. альманах. 2006. Вып. 6. С. 75 - 85.

¹⁴ См.: История дипломатии: Сборник под ред. В. П. Потемкина. 3 т. Т. I: История дипломатии. М.: Соцэкгиз, 1941; История международных отношений: В трех томах: Т. I: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017; История Франции: в 3 томах. / Ред. коллегия А.З. Манфред. М.: Наука, 1972.

достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- изучить взаимоотношения Российской империи с другими (главным образом, европейскими) государствами в XIX в. вообще и межнациональные и межгосударственные конфликты 1860-х гг., в частности. Особое внимание мы уделяем таким событиям, как польское восстание 1863-1864 гг., датско-немецкая война 1864 г. и австро-прусская война 1866 г.;

- обобщить и сопоставить высказывания русских публицистов 1860-х гг., связанные с происходившими тогда историческими событиями;

- выявить отношение Толстого к этим событиям;

- рассмотреть отражение межгосударственных конфликтов 1860-х г. в творчестве Толстого, прежде всего в «Войне и мире».

Последняя задача предполагает, в свою очередь, изучение тех обстоятельств внешнеполитической реальности, которые были особенно интересны для Толстого как художника, откликающегося не на злобу дня как таковую, а только на то, что могло активизировать его философское и образное мышление. Конкретнее говоря, будет показано, как под влиянием внешнеполитических конфликтов 1860-х гг. Толстой

- 1) выстраивает свое отношение к проблеме роли личности в истории;

- 2) формирует отношение к проблеме политической/дипломатической «измены»;

- 3) размышляет над тем, насколько частное событие истории предопределяет большой международный резонанс.

Анализ этих вопросов позволяет вынести на обсуждение следующие **положения**:

- 1) Круг общения и чтения Толстого в 1860-е гг., а также его личный опыт (прежде всего военный опыт 1850-х гг.) вольно или невольно вынуждают его размышлять о политических событиях, дипломатических переговорах и перекройке карты Европы в 1860-х гг. (о польском восстании 1863-1864 гг., об австро-прусской войне 1866 г.,

о завоевательных походах Бисмарка и Наполеона III). Это утверждение заставляет пересмотреть устойчивое представление о Толстом этого периода как писателе и человеке, погруженном в дела семейные, хозяйственные и художественные и не слишком активно следящем за современной политической жизнью и газетными дебатами, а подчас и вовсе высказывающем демонстративную незаинтересованность происходящим¹.

- 2) Толстой не только реагирует на указанные события внешней политики, но на их основе вырабатывает ряд философских представлений об исторических закономерностях, роли политического лидера в судьбах отдельной нации и всего мира, о принципах взаимоотношений народов: так, многообразие точек зрения на польский вопрос делает его для писателя хорошим примером человеческой неспособности познать объективную природу событий; дебаты о далекоидущих амбициях Наполеона III и Бисмарка усиливают толстовские сомнения в способности одного человека воздействовать на ход истории; «переменчивость» австрийской политики в отношении России подпитывает убежденность в принципиальной непредсказуемости будущего.
- 3) Эта рефлексия, в свою очередь, отображается в художественных произведениях Толстого, прежде всего в «Войне и мире», где не только восстановлена ситуация в Европе начала XIX в., но и присутствуют прямые и косвенные отсылки к современным внешнеполитическим

¹ Ср.: «Великие реформы, начавшиеся после отмены крепостного права, дали начало невиданной в истории России общественной дискуссии. Цензурный режим ослаб, тиражи газет и журналов резко выросли, и их страницы были полны самых яростных споров о «вопросах», как называли тогда самые животрепещущие проблемы текущего времени. Толстой, как всегда, пошел против течения. Запершись в Ясной Поляне, он воображал героическое прошлое, когда дворяне и крестьяне могли понимать друг друга, и пытался воссоздать это взаимопонимание в совершенно иную эпоху и при радикально изменившихся обстоятельствах» // Зорин А.Л. Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения. М.: НЛО, 2020. С. 35.

событиям и упоминания политических лидеров 1860-х гг.

- 4) Внешнеполитические конфликты современности способствуют становлению и развитию отдельных художественных мотивов в прозе Толстого (например, австрийский вопрос активизирует значимость мотива политической измены в «Войне и мире»).

Методологическая основа исследования. Мы опираемся на такие значимые для современного литературоведения междисциплинарные методологии, как интеллектуальная история, история идеологий, культурная мифология, а также на классический метод реального комментария к художественному тексту. Эти методы применяются в тех значимых для исследования работах, которые были приведены выше (труды Б.М. Эйхенбаума, О.Е. Майоровой, Л.И. Соболева, К. Фойер, М.Д. Долбилова). Как уже отмечалось, мы также активно привлекаем работы историков, посвященные внутренней и внешней политике Российской империи середины XIX в., поскольку настоящее исследование предполагает использование междисциплинарных инструментов анализа текста, что соответствует современной литературоведческой практике. Для того чтобы изучить воздействие внешнеполитических реалий на произведения Толстого, необходимо хорошо представлять историческую ситуацию изучаемого периода, умело контекстуализируя высказывания писателя на злободневные политические темы.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и выводы могут, с одной стороны, служить основой для комплексного осмысления внешнеполитических вопросов в произведениях Толстого; с другой — использоваться для дальнейшего изучения воздействия исторических событий на его философское мышление.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов при чтении общих и специальных курсов по творчеству Толстого, а также проведении семинарских занятий по истории

русской литературы второй половины XIX в.

Степень достоверности положений и выводов диссертационной работы обеспечивается большим объёмом исследуемого материала и последовательной аргументацией выносимых на защиту положений.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 197 позиций. Общий объём работы – 148 с.

Во введении обосновывается постановка вопроса, приводится история его рассмотрения в российской и иноязычной исследовательской литературе, обосновываются цели и задачи диссертации.

Первая глава «Польское восстание 1863-1864 гг. в оценке Л.Н. Толстого и его осмысление в “Войне и мире”» посвящена, главным образом, рецепции Толстым польского восстания 1863-64 гг., пришедшегося на начальный период работы над «Войной и миром». В качестве отдельного, прежде подробно не анализировавшегося сюжета исследуются причины, по которым Толстой на протяжении 1863 г. дважды высказывал желание принять участие в подавлении восстания. Анализируется отношение Толстого к Польше и полякам и описывается, как под влиянием его окружения в нем могло сформироваться негативное отношение к этой нации, что, в конечном итоге, предопределило ироничное отношение к полякам в раннем творчестве писателя и в «Войне и мире». В то же время, эта ирония подчас уступает место более амбивалентному отношению к Польше, связанному с философско-этическим релятивизмом автора «Войны и мира».

Во второй главе «Генезис мотива австрийской измены в “Войне и мире”» подробно описываются конфликты с участием Австрии, которые могли обратить на себя внимание Толстого. Также мы обращаемся здесь к итало-австрийским и австро-прусским отношениям 1850-60-х гг. и их рецепции русским обществом. Отдельно мы останавливаемся на толстовских военных впечатлениях времен Дунайских походов русской армии и Крымской кампании,

которые могли выработать в Толстом представление об Австрии как «изменнице» России. Исторически достоверный мотив австрийской измены в «Войне и мире» формируется не без влияния этих современных написанию романа представлений Толстого об Австрии.

В третьей главе «Фигуры Бисмарка и Наполеона III в осмыслении Л.Н. Толстого: к проблеме “роли личности в истории” в “Войне и мире”» мы расширяем тему, обращаясь и к прусскому, и к французскому вопросам в понимании Толстого. Основная идея главы состоит в том, что агрессивная деятельность прусского министра-председателя Бисмарка и французского императора Наполеона III по расширению владений Пруссии и Франции соответственно и повышению их влияния на международной арене (что в конечном итоге привело к конфликту этих государств – франко-прусской войне 1870-71 гг., закончившейся объединением Германии и падением режима Луи-Наполеона) в определенной степени обусловили интерес Толстого к фигуре Наполеона Бонапарта и его военным походам начала XIX в. Иначе говоря, эти современные события способствовали обращению Толстого к изучению исторического периода, воссозданного в «Войне и мире», и осмыслению писателем вопроса о влиянии «великих людей» на судьбы народов и ход истории.

В заключении подводятся итоги исследования, приводятся выводы, полученные на основе анализа материала.

Библиография содержит использованные художественные источники, публицистические материалы авторства Толстого и его современников, а также научные работы исторического и литературоведческого характера, помогающие воссоздать широкий контекст политической и культурной жизни эпохи, в котором формируются идеи и образы автора «Войны и мира».

Апробация работы. Тема диссертации была утверждена на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Работа прошла апробацию на кафедре истории русской

литературы при защите НКР. Основные результаты проведенного исследования представлены в форме докладов на научных конференциях (XII Международная научная конференция «Текстология и историко-литературный процесс» 2023, 16-18 марта 2023; XIII Международная научная конференция «Текстология и историко-литературный процесс» 2024, 15-17 марта 2024; Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2024», 12-26 апреля 2024).

Результаты исследования отражены в четырех статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

Сун Цзясюань. Газетные сообщения о польском восстании 1863 г. в восприятии Л.Н. Толстого // Litera. 2024. № 1. С. 277-286. (0,7 импакт-фактор РИНЦ 2022 – 0,248]

Сун Цзясюань. Бисмарк в философской и художественной концепции Л.Н. Толстого и в восприятии современников // Вестник Пятигорского государственного университета. 2024. №2. С. 66-71. (0,7 а.л.). [импакт-фактор РИНЦ – 0,190].

Сун Цзясюань. Мотив австрийской измены в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» и его источники // Литература в школе. 2024 № 4. С. 44-54. (0,8 а.л.). [импакт-фактор РИНЦ – 0,312].

Сун Цзясюань. Фигура Наполеона III в творческом осмыслении Л.Н. Толстого и его современников // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2024. № 8. С. 175-180. (0,6 а.л.). [импакт-фактор РИНЦ – 0,121].

Глава 1. Польское восстание 1863-1864 гг. в оценке Л.Н. Толстого и его осмысление в «Войне и мире»

1.1. Эволюция отношения Толстого к польскому вопросу

Тема «Толстой и Польша» в целом неплохо изучена. Исследователи посвящали свои работы и рецензии творчества Толстого в Польше¹, и восприятию самим Толстым Польши, поляков и польского вопроса². Второй из обозначенных аспектов темы традиционно трактуется следующим образом: до религиозного переворота 1880-х гг. Толстой относился к полякам скорее критически, подчас описывая их в сатирическом виде, хотя в целом эта тема не была для него особенно важной. Но, когда персонажи-поляки у него появляются, Толстой выражает скорее неприязнь к ним (особенно к служащим России), что отражает взгляды его социального окружения³. Можно вспомнить образы поручика Непшитшетского, который пытается «прислужиться важному князю»⁴ или юнкера Жвадческого из «Севастопольских рассказов», выражающие пренебрежение или даже презрение Толстого к полякам. В творчестве Толстого чаще всего речь идёт о польских офицерах, поскольку с ними он служил во время Крымской войны. Они же послужили прототипами образов поляков в «Войне и мире». По сравнению с русскими военными, отличающимися скрытым, но непритворным героизмом, польский офицер представлен здесь как шумный, болтливый⁵. Таковы, к примеру, сдавшийся в плен в начале боя Пржебышевский или хвастун - офицер Здржинский,

¹ См.: Пиотровска И. Рецензия позднего Льва Толстого в польской прессе: Процессы информационного и культурного трансфера. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. 262 pp.

² См.: Бялокозович Б. Толстой в Польше (1858-1962) // Литературное наследство. 1965. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. Т. 72. № 2. С. 249–296; Домбровская М. Польша и поляки в произведениях Льва Толстого // Новая Польша. 2000. № 2. С. 21–26; Пиотровска И. Специфика польской рецензии Л. Н. Толстого в свете оппозиции «Россия — Европа» (на материале юбилейных откликов 1908 г.) // Slověne. 2019. Vol. 8, № 1. С. 352–367; Рыкунина Ю.А. Поляки и русские в повести Л.Н. Толстого «За что?» 1860-х годов // Новый филологический вестник. 2008. № 1. С. 176–180.

³ См.: Домбровская М. Польша и поляки в произведениях Льва Толстого // Новая Польша. 2000. № 6. С. 23.

⁴ См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1935. С. 37. В дальнейшем все ссылки на это издание даются с указанием тома и страниц в скобках.

⁵ См.: Домбровская М. Польша и поляки в произведениях Льва Толстого // Новая Польша. 2000. № 6. С. 23.

пафосных рассказов которого о подвиге Раевского стыдится Николай Ростов. Двусмысленно высказывается кн. Андрей Болконский и о министре иностранных дел Адаме Чарторижском (Чарторыйском): «Это один из самых замечательнейших, но неприятнейших мне людей»¹.

Напротив, поздний Толстой пересматривает свое отношение к полякам и угнетенной Польше, высказываясь о них с симпатией и признавая свою прежнюю недооценку этого актуального вопроса. В июле 1908 г. Толстой признавал, что его детское предубеждение к полякам сменилось примирением с ними: «Во мне в детстве развивали ненависть к полякам. И теперь я отношусь к ним с особенной нежностью, оплачиваю за прежнюю ненависть»². Вполне вероятно, что «ненависть» к полякам была связана с польским восстанием 1830 г., которое вызвало шовинистические настроения у многих представителей русского дворянства той эпохи³. Только много лет спустя Толстой освободился от внушенных ему в детстве чувств.

Во-первых, благодаря контактам с польскими выдающимися людьми, такими как Мариан Здзеховский⁴ или Август Цешковский⁵, Толстой осознал мученичество и угнетение поляков (см.: 53, 436; 68, 165; 72, 151). В письме к Здзеховскому от 10 сентября 1895 г. особенно отчётливо отражается сочувствие Толстого к угнетенному польскому народу: «Я, не будучи поляком, поспорю с каждым поляком в степени отвращения, негодования к тем диким и глупым мерам русских правительственных лиц, которые употребляются против веры и языка поляков; поспорю и в желании противодействовать этим мерам...» (68,

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 томах. Т. 4. М.: Художественная литература, 1979. С. 318.

² Цит. по: Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым: воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого 1907 - 1908 г. М.: Изд. Толстовского музея, 1928. С. 185.

³ См.: Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 86.

⁴ Мариан Здзеховский (1861-1938) был польским литературоведом, историком литературы и культурологом, профессором Виленского университета и одним из основателей и теоретиков польской эмпирической литературной критики. Он уделял особое внимание русской литературе и, в частности, творчеству Толстого. В 1900 г. Здзеховский выпустил работу о «Воскресении», в которой сосредоточился на концепции «нравственной религии» Толстого. Письма Толстого (см. 68, 165; 72, 152) подтверждают его контакты со Здзеховским.

⁵ Август Цешковский (1814-1894) был известным польским философом и политическим деятелем, чьи философские работы оказали значительное влияние на развитие польской культуры.

167). Во-вторых, на его новое отношение к полякам также повлияли религиозные убеждения Толстого. В поздний период он отрицает узкий патриотизм, исповедуя христианскую любовь ко всем людям, что получило отражение в таких статьях, как «Христианство и патриотизм» (1893-1894), «Патриотизм или мир?» (1895), «Патриотизм и правительство» (1900). Толстой отрицает то, что патриотизм в настоящее время является добродетелью, поскольку он «требуе́т от людей прямо противоположного тому, что составляет идеал нашей религии и нравственности, не признания равенства и братства всех людей, а признания одного государства и народности преобладающими над всеми остальными» (37, 241). Он утверждает, что конфликты между нациями спровоцированы правительствами: «Правительства искусственно нарушают мир, существующий между народами, и вызывают между ними вражду» (90, 435). По его мысли, разные народности могут объединиться под эгидой христианства, и тогда патриотизм станет ненужным: «Христианское просвещение одинаково внутренне преобразило все эти государства, дав им одни и те же основы, патриотизм стал уже не только не нужен, но стал единственным препятствием для того единения между народами, к которому они готовы по своему христианскому сознанию» (39, 63). В этом отношении он даже опережает современных ему публицистов, поскольку считает национальный вопрос неважным, устаревшим.

Но, исходя из отрицания государства, поздний Толстой не одобряет и борьбу поляков за свою национальную независимость. По его мнению, борьба порабощенных народов за освобождение противоположна «закону Христа». Писатель подчёркивает, что надо заботиться «не о патриотизме, а о том, чтобы, внося в жизнь тот свет, который есть в нас, изменять ее и приближать к тому идеалу, который стоит перед нами» (68, 169). Он критикует не только жестокость угнетателей по отношению к угнетенным, но и усилия последних активно противостоять угнетателям.

Толстой в последний период своей жизни отрицает войны и отстаивает

принцип «непротивления злу насилием», советуя полякам не участвовать в освободительных движениях или общественных организациях. Писатель интерпретирует христианское учение в духе абсолютного пацифизма, согласно которому любое насилие, в том числе в интересах самозащиты или защиты другого, является неприемлемым. В «Ответе польской женщине» (1909) Толстой обращается к полякам с призывом отречься от борьбы и насилия, предлагая вместо этого устремиться к осознанию и применению высшего закона любви. Он пишет: «Освобождение Польши, как и всех поработенных народов и всех поработенных людей, в одном: в признании людьми высшим законом жизни закона любви, включающего в себя непротивление и потому не допускающего ни само насилие, ни какое-либо участие в нем» (38, 155).

Таким образом, с точки зрения Толстого, то, что делают поляки, приводит не к спасению народа, а к уничтожению единства людей, их братства, а значит негативно воздействует и на польский народ. Безусловно, его осуждение польской национально-освободительной борьбы вызывало неприязнь у польской общественности. В частности, Г. Сенкевич воспринял Толстого как «образец русской ретроградности»¹.

Поздний Толстой освещает польскую тему не только в религиозно-философских и публицистических трактатах и статьях, но и в своем художественном творчестве. Его известная повесть «За что?» ярко свидетельствует о переломе в отношении к Польше: в ней писатель сочувственно описал польское национально-освободительное движение 1830-1831 гг. и угнетение поляков, их борьбу, повседневную жизнь и стремление к свободе. Персонажи рассказа – изгнанный в Сибирь поляк Мигурский и его жена Альбина – были созданы на основе историй реальных людей. Толстой заимствовал сюжет из «Сибири и каторги» С.В. Максимова (1891), где автор рассказал о происхождении и эволюции института ссылки,

¹ Цит. по: Пиотровска И. Специфика польской рецепции Л. Н. Толстого в свете оппозиции «Россия — Европа» (на материале юбилейных откликов 1908 г.) // Slověne. 2019. Vol. 8, № 1. С. 357.

описав и историю пребывания в Сибири участников польских восстаний. Труд Максимова вызвал эмоциональную реакцию Толстого: «Какие люди ужасы делают! Животные не могут того делать, что правительство делает»¹.

В рассказе метафорой сложных и запутанных взаимоотношений между Польшей и Россией служит жизнь пана Ячевского: «Он юношей вместе с Мигурским-отцом служил под знаменами Костюшки и всеми силами своей патриотической души ненавидел апокалипсическую, как он называл ее, блудницу Екатерину II и изменника, мерзкого ее любовника Понятовского, и так же верил в восстановление Речи Посполитой, как верил ночью, что к утру опять взойдет солнце. В 12-м году он командовал полком в войсках Наполеона, которого он обожал. Погибель Наполеона огорчила его, но он не отчаивался в восстановлении хотя и искалеченного, но все-таки царства Польского» (42, 85).

Главный герой рассказа Мигурский полон патриотизма, бескорыстия и самопожертвования. Он не раскаивается в участии в национальном движении, «за которое он отдал часть своей жизни и готов отдать остаток ее, и что если бы завтра явилась новая возможность, он поступил бы так же» (42, 89). Его жена Альбина полна восторженной жизнерадостности и также стремится к свободе. В повести изобличаются лицемерие и коварство русской имперской политики, им противопоставлена духовная возвышенность и нравственная чистота поляков: «Николай Павлович делал смотры, парады, учения, ходил по маскарадам, заигрывал с масками... когда какой-нибудь смельчак решался просить смягчения участи ссыльных декабристов или поляков... он... останавливал на чем попало свои оловянные глаза и говорил: «Пускай служат. Рано» (42, 94).

Итак, отношение Толстого к полякам претерпело значительную эволюцию от негативного или даже враждебного к сострадательному и гуманистическому, что сказалось и на изменении идейного содержания образов поляков в его

¹ Цит. по: Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904—1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1979. С. 37. (Лит. наследство; Т. 90).

творчестве. Тем не менее, не все аспекты этой темы кажутся нам хорошо проработанными. Ниже мы исследуем восприятие Толстым польского восстания 1863 г. Этот переломный момент русской истории XIX в. не мог не попасть в поле зрения писателя и вызвал у него неоднозначную реакцию, которую мы бы хотели изучить более детально. Это не только позволит нам полнее реконструировать обстоятельства жизни Толстого в 1863 г., но и приблизит нас к лучшему пониманию того, как и почему именно в это время начинается его работа над «Войной и миром», книгой о взаимоотношениях народов. Однако для осуществления этих задач необходимо сначала вкратце коснуться роли восстания в российской политической и культурной жизни.

1.2. «Польский вопрос» в освещении русской прессы 1860-х гг. и в оценке русских литераторов

В середине 1860-х гг. польский вопрос стал «роковым» для русского общества, расколов его на враждебные лагеря. Польское восстание 1863-64 гг. было уже не первой попыткой поляков вернуть утраченную свободу, однако именно это восстание пришлось на первое пореформенное десятилетие в России, когда социально-экономическая действительность стремительно менялась, а в прессе шла ожесточенная полемика публицистов консервативного, либерального и радикального лагерей. Это способствовало существенному расхождению мнений по вопросу польского восстания.

Дискуссия велась не только по поводу причин очередного русско-польского конфликта, но и по поводу способов его прекращения, военных и административных мер, использованных русским правительством в Царстве Польском и Западном крае. В то же время польский вопрос оказался значим и в социально-экономическом отношении, поскольку в Польше в это время отрабатывались экспериментальные, прогрессивные принципы освобождения крестьян от крепостной зависимости. Кроме того, польский вопрос был важен и во внешнеполитическом отношении, ибо подавление восстания Российской

империей оказывало влияние на ее международную роль и на отношение к ней западноевропейских стран. Таким образом, польский вопрос получил огромное значение и для русского общества, и для внутренней и внешней политики российского государства.

Предметом особенно оживленных споров стал Северо-Западный край. В него вошли земли, приобретенные Россией в результате разделов Речи Посполитой. К началу 1840-х гг. он состоял из шести губерний: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской¹. С момента его присоединения к империи его интеграция в последнюю стала важной задачей русского правительства. В конце 1855 г. виленским генерал-губернатором был назначен В.И. Назимов. При нем край стал экспериментальной площадкой по освобождению крестьян, поскольку другие регионы еще не начинали активных действий по подготовке отмены крепостного права. С одной стороны, политика примирения сблизила центральную власть с жителями края, с другой – умеренная политика вызвала у поляков надежды на обретение национальной свободы.

Польское восстание 1863 г. стало кульминацией ряда событий, происходивших в Польше в период с 1860 по 1862 г. Для полноценного понимания предыстории восстания следует рассмотреть этот важный период.

Начиная с середины XIX в., русская политика в Царстве Польском была отмечена рядом последовательных уступок. В 1856 г. император Александр II объявил амнистию участникам восстания 1830–1831 гг., разрешив эмигрантам вернуться и поступать на государственную службу после трех лет примерного поведения². Несмотря на требование использования русского языка, повсеместно звучала польская речь, и поляки жили относительно свободно, хотя политически оставались несвободными. Однако уступки и компромиссы не

¹ См.: Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. С. 20.

² См.: Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. // Русский Сборник: исследования по истории России. Том XV. Польское восстание 1863 года. М.: Модест Колеров, 2013. С. 13.

принесли русскому правительству ожидаемого результата. С 10 (22) июля 1860 г. в Варшаве стали происходить антиправительственные манифестации, что застало русское правительство врасплох¹. Д.А. Милютин вспоминал: «В 1860 г. агитация в Царстве Польском приняла уже характер вызывательный»². В 1860-1861 гг. проводились массовые религиозные службы и процессии, которые носили патриотический характер. Одним из ярких инцидентов стало Варшавское восстание 27 февраля 1861 г.: после молебна в память о деятелях восстаний 1794 и 1830 гг. на улицах города произошли столкновения между польскими демонстрантами и русскими войсками. На фоне нарастающих волнений Александр II был вынужден смягчить политику в отношении Царства Польского, что предполагало создание Государственного совета королевства и Правительственной комиссии духовных дел и народного образования во главе с поляком-католиком³. Ряд либеральных реформ был направлен на восстановление широкой автономии для русской Польши. Однако поляки не были удовлетворены этим.

События 1860-1861 гг. сыграли важную роль в накоплении недовольства и формировании революционного движения, которое переросло в Январское восстание. 10 (22) января 1863 г. в Царстве Польском вспыхнуло вооруженное восстание, которое распространилось и на Западный край (состоявший из Северо-Западного и Юго-Западного). Восстание продолжалось более 500 дней. В связи с отсутствием единства среди восставших, слабой вооружённой силой, отсутствием поддержки со стороны крестьянства и западных держав в июне 1864 г. восстание окончилось провалом. Однако оно вызвало серьезное беспокойство российских властей и привело к активизации антипольской политики.

Примирительная политика Назимова уже не соответствовала текущей

¹ См.: там же. С. 19.

² Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М.: Рос. фонд культуры: Студия "Тритэ" Никиты Михалкова, 1999. С. 54.

³ См.: Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. С. 90.

обстановке. Царю нужен был генерал-губернатор, который бы более твердо управлял Северо-Западным краем, разрешая социальные и политические конфликты между местной и центральной властью. По предложению М.Н. Каткова 1 мая 1863 г. виленским генерал-губернатором был назначен М.Н. Муравьев, получивший за свою жестокость прозвище Вешатель. Муравьев установил военное положение в управляемых им губерниях и организовал крупномасштабные карательные экспедиции против восставших; репрессивные меры включали массовые аресты, публичные казни мятежников и их приверженцев, а также ссылки на поселение и каторжные работы¹. Он увольнял чиновников польского происхождения и назначал русских на их места². После того, как вооруженное восстание было в основном подавлено, генерал-губернатор взялся за борьбу с католицизмом: он закрывал большинство католических монастырей, обложил налогом собственность католической церкви³. Таким образом, предпринятые меры были чрезмерно радикальными и неоправданно жестокими (некоторые даже встретили оппозицию со стороны крепостников и консервативных государственных деятелей вроде министра внутренних дел П.А. Валуева), но Муравьев добился своей цели по интеграции Северо-Западного края и Царства Польского в состав империи. Тем не менее, жестокие меры при подавлении восстания вызвали возмущение западных держав, что способствовало их вмешательству в польские дела, о чем еще будет говориться ниже.

Эти бурные события и начинания — и польское восстание, и социально-экономические реформы в Северо-Западном крае и в Царстве Польском — закономерным образом вызвали интерес русских писателей и публицистов.

Как уже отмечалось, их позиции кардинально различались, что привело к

¹ См.: Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. С. 71-73.

² См.: там же. С. 46.

³ См.: там же. С. 47.

оживленной полемике. Польский вопрос оказывается в центре общественного внимания во многом потому, что он был связан не только с вопросом о политическом курсе империи, но и с актуальным национальным вопросом: «Публицистика 1860-х годов превратила культ войны в доминирующую форму национального мифотворчества и обогатила его обновленными националистическими конструктами, которые определили дискурс войны в последующие десятилетия»¹. Польская угроза активизировала национальное самосознание, заставляла вырабатывать «русскую» идею, консолидирующую нацию перед лицом опасности. Ощущение внешней угрозы прежде всего было вызвано опасениями, что Россия утратит власть не только над Польшей, но и над Западным краем. Популярной была такая версия развития событий, согласно которой Польша будет претендовать и на якобы исконно принадлежащие ей земли Западного края, на Литву и Белоруссию, которые и в России привыкли считать своими. Поэтому уступки Польше, дарование ей автономии или независимости были, казалось, чреваты распадом Российской империи².

Именно эта мысль и обусловила популярность М.Н. Каткова и его изданий в публике, начиная с 1863 г. В то время как из-за ограничений цензуры и скрытой симпатии к полякам либеральные публицисты предпочитали хранить молчание или высказываться сдержанно, Катков открыто выступил с требованием решительного подавления восстания. Газета «Московские ведомости» становится его главным орудием, в ней он отстаивает мнение о необходимости жестких мер в Польше. Как показали в своих исследованиях О.Е. Майорова³, А.И. Миллер⁴, А. Реннер⁵, В.А. Твардовская⁶, успех Каткова

¹ Майорова О. Война и миф: память о победе над Наполеоном в годы Польского восстания (1863-1864) // Новое литературное обозрение, 2012. № 6. С. 179-180.

² См.: Катков М.Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. 1863 г.: Вып. 1-3. М.: Унив. тип., 1887. С. 525.

³ См.: Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855—1870. Madison, Wisconsin, 2010. 277 с.

⁴ См.: Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 316 с.

⁵ См.: Renner A. Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the «invention» of national politics // Slavonic and East

предопределялся тем, что он апеллировал к национальному чувству русских, видя себя их общественным лидером, голосом нации, историческая миссия которой состоит в созидании сильного единого государства. Поэтому он указывал на необходимость удержания Польши вооружённой рукой и настаивал на обязательности диктатуры как долгосрочном плане управления этими территориями. Он рассматривает Польшу как часть Российской империи, и для него самое важное – защитить целостность последней: «Дело не в обладании самою Польшей, а в том, чтобы так или иначе было обеспечено спокойствие в значительной части исконно русских областей; чтобы была обеспечена целостность состава Русского государства»¹. Катков упрекал правительство в том, что оно проводит антинациональную политику, и в итоге заставил к себе прислушиваться.

Польский вопрос также занимал важное место в славянофильской публицистике, поскольку он предполагал дискуссию о судьбах славянских народов в целом, о возможности их союза с учетом давних исторических и культурных связей. Правда, Польшу нередко выделяли из числа славянских народов - прежде всего как католическое государство. Главной славянофильской площадкой для обсуждения польского вопроса становится газета «День» И.С. Аксакова. В отличие от Каткова, Аксаков указывает на независимость этого вопроса от административных соображений. В статье «По поводу притязаний Поляков на Литву, Белоруссию, Волынь и Подолию», опубликованной в «Дне» от 6 октября 1863 г. (№ 40), он пишет: «Вопрос об отделении от России Западнорусского края есть вопрос не административный, а земский; не местный только, а всенародный и всерусский»². Аксаков, критически рассматривая претензии поляков на восстановление границ Польши 1772 г., акцентирует

European Review. Vol. 81. №4 (Oct 2003). P. 659-682.

⁶ См.: Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия: (М.Н. Катков и его изд.). М.: Наука, 1978. 279с.

¹ Катков М.Н. Польский вопрос // Русский вестник. 1863. Т. 43. № 1. С. 477.

² Аксаков И.С. По поводу притязаний Поляков на Литву, Белоруссию, Волынь и Подолию (1863) // Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860-1886. Т. 1-7. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело; Еврейский вопрос. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1886. С. 20.

внимание на том, что Малороссия, Белороссия и Великороссия образуют неразрывное, цельное и неделимое единство, и попытка их разделения может быть приравнена к раздроблению тела на отдельные части¹. Действия поляков, считает он, вызывают раздражение в русском народе, приводят к уменьшению сочувствия русского общества к Польше. Аксаков возлагает надежду на создание «всенародного польского сейма»² для выражения польского всенародного мнения. Он признает необходимость диктатуры для подавления мятежа, но отрицает ее в будущем. Эта система управления отдаляет от либеральных ценностей и от морали вообще: «Разве этот способ управления не так же ли тяжёл для нас, для нашей совести, как он тяжёл для Польского чувства и Польского благосостояния»³. Аксаков склонен к нравственным решениям политических проблем, а не к пропаганде репрессий.

В свою очередь, Ю.Ф. Самарин в статье «Современный объем Польского вопроса» 1863 г. рассматривает польский вопрос с точки зрения борьбы латинства со славянством. Польша, будучи изначально племенем славянским, приняла в себя элементы латинского мира. Однако славянские и латинские стихии несовместимы. Иными словами, история Польши рассматривается как внутренний конфликт латинства и славянства: «Как две души, заключенные в одном теле, славянство и латинство вели и доселе ведут внутри самой Польши борьбу непримиримую, на жизнь и смерть»⁴. Самарин подчеркивает, что польский вопрос «как историческую тяжбу двух просветительных начал, олицетворившихся в двух народностях»⁵, нельзя уместить в области политики, возложив надежду на государственное переустройство. Самарин предлагает

¹ См.: там же. С. 21.

² Аксаков И.С. Как узнать, где именно Польша и чего она желает (1863) // Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860-1886. Т. 1-7. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело; Еврейский вопрос. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1886. С. 63. Опубликовано в газете «День», 1863, 15 апреля, № 15.

³ Аксаков И.С. Польский вопрос должен быть разрешен как земский русский вопрос (1863) // Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860-1886. Т. 1-7. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело; Еврейский вопрос. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1886. С. 78. Опубликовано в газете «День», 1863, 11 мая, № 19.

⁴ Самарин Ю.Ф. Современный объем Польского вопроса (1863) // Самарин Ю.Ф. Сочинения Ю.Ф. Самарина: В 12 т. Т. 1. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. М.: Д. Самарин, 1877. С. 342. Опубликовано в газете «День», 1863, 21 сентября, № 38.

⁵ Там же. С. 343.

довольно умозрительный план разрешения польского вопроса посредством выхода Польши из союза с латинством и примирения со славянством, когда она станет «одним из племен славянских, служащим одному с ними историческому призванию»¹.

Итак, славянофилы пытаются смотреть в глубь проблемы, не ограничиваясь политической плоскостью, а перенося вопрос в плоскость культурологическую и историческую. Поэтому они не склонны пропагандировать крутые меры военного и политического характера по обузданию Польши, понимая, что проблема заложена на национальном уровне.

Сходная точка зрения была присуща почвенникам. В.С. Нечаева в своей книге «Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских "Время". 1863-1863» подробно проследила историю закрытия журнала братьев Достоевских «Время», тоже связанного с польским вопросом. Как известно, причиной прекращения журнала стало то, что Н.Н. Страхов под псевдонимом «Русский» поместил в нем нашумевшую статью «Роковой вопрос». В ее первой части Страхов сопоставляет польский народ с русским как цивилизованный народ - с варварами. Польша имеет основания рассматриваться как представитель цивилизации, «страна святых чудес»², не уступающая другим членам европейской семьи. В сравнении с ней цивилизация России слаба: «Все это едва имеет историю, все это недавно и бледно, как запоздалое и усиленное подражание»³. Во второй части статьи, впрочем, Страхов выражает надежду на особую историческую роль русского народа. Он подчеркивает, что «мы должны положиться именно на народ и на его самобытные, своеобразные начала»⁴, чтобы доказать, что в «цивилизации коренной» русский народ не уступает полякам. Что касается поляков, то те должны «отказаться от той доли своей

¹ Там же. С. 345.

² Страхов Н.Н. Роковой вопрос // Время, 1863. № 4. Современное обозрение. С. 154.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 161.

гордости, которая опирается на их высокую цивилизацию»¹.

Редактору же «Времени» Ф.М. Достоевскому было присуще негативное отношение к полякам. Тема Польши и поляков пронизывает его творчество, и чаще всего поляки представлены в роли мошенников, обманщиков и негодяев. В «Записках из Мертвого дома» Достоевский впервые обратился к теме польских политических заключенных на каторге, акцентируя внимание на их высокомерии и глубокой неприязни к русским: «...в казармах наших была еще целая кучка поляков, составлявшая совершенно отдельную семью, почти не общавшуюся с прочими арестантами. Я сказал уже, что за свою исключительность, за свою ненависть к каторжным русским они были в свою очередь всеми ненавидимы»². После польского восстания 1863 г. неприязнь Достоевского к полякам нарастала с каждым днем, о чем свидетельствует роман «Игрок», опубликованный в 1866 г. Здесь писатель создает образ поляка как наглеца и мошенника: «Тут то и подскочил полячок. <...> Бабушка все время не щадно ругала его, и хоть тот беспрерывно “стелился под стопки паньски”, <...> я сам видел своими глазами, убей бог на месте, — тут же у ней со стола воровал»³. В то же время писатель в «Ответе редакции «Времени» на нападение “Московских Ведомостей”» (1863) утверждал, что европейская цивилизация чужда Польше: цивилизация, которая естественно возникла в Европе, в Польше (возможно, потому что поляки - славяне) развила антинародный, антигражданственный и антихристианский дух⁴.

Наряду с неприязнью к Польше и полякам в русской культуре существовало и сочувственное отношение к ним. Его разделяли писатели либеральной и радикальной направленности. Симпатии к полякам часто были свойственны революционно настроенным литераторам. Еще в первой половине

¹ Там же. С.162.

² Достоевский Ф.М. Записки из Мёртвого дома // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. Записки из Мертвого дома. Л.: Наука, 1972. С. 54–55.

³ Достоевский Ф.М. Игрок // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы. 1862-1866; Игрок: Роман. Л.: Наука, 1973. С. 281.

⁴ Достоевский Ф.М. Ответ редакции «Времени» на нападение «Московских Ведомостей» (1863) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. Статьи и заметки, 1862-1865. Л.: Наука, 1980. С. 99.

века декабрист А.И. Одоевский в стихотворении «При известии о польской революции» (1831) описывал польское восстание 1830 г. как борьбу братьев за свободу¹. В 1860-е гг. продолжателем дела декабристов и решительным противником катковской линии в отношении Польши стал А.И. Герцен, который в своей газете «Колокол» не раз отзывался на польскую тему. Публицист рассматривает польское восстание как национальное движение, а потому открыто поддерживает борьбу Польши как нации за свободу. Герцен подчеркивал, что Польша имеет право на политическое самоопределение: «Польша, как Италия, как Венгрия, имеет *неотъемлемое, полное* право на государственное существование, *независимое* от России»². Критикуя идею военной диктатуры, Герцен предложил план федерализации соплеменных государств. Публицист говорит о свободной федерализации, т.е. соединение России и Польши должно быть их свободным выбором, а не принуждением³. Однако из-за пропольских симпатий редактора «Колокол» стал уступать по популярности «Московским ведомостям», поскольку страх распада империи оказался слишком силен в русском обществе.

Усиление консервативных настроений в обществе и в провластных кругах можно подтвердить и на примере близких Толстому литераторов. Так, известно, что поклонниками Каткова становятся В.П. Боткин и А.А. Фет (с последним Толстой в это время ведет оживленную переписку, которой мы еще коснемся). Боткин пишет Фету 24 марта 1863 г.: «Душевная тревога, произведенная во мне Польским возмущением, не утихает и стала хроническою. Читать иностранные газеты нет возможности: до такой степени они полны клозетами и ненавистью к России. Все рады возможности ослабить и уничтожить Россию; наша одна надежда на силу и мощь России. Я никогда не подозревал в себе такой национальной струны, которая теперь обнаружилась; все другое замерло во

¹ См.: Одоевский А.И. При известии о польской революции (1831) // Одоевский А.И. Полное собрание стихотворений Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1958. С. 142.

² Герцен А.И. Россия и Польша (1859) // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 14. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 18. Опубликовано в газете «Колокол», 1 марта 1859, № 37.

³ См.: там же. С. 35.

мне»¹.

Итак, Боткин видит за польским восстанием сговор европейских государств против России, что делает восстание серьезным вызовом Российской империи. Он также винит русских радикалов («пустоголовых прогрессистов») в том, что они потакают польским надеждам на восстановление независимости. Публицистика Каткова на этом фоне кажется ему отдушиной: «Вчера добыл книжку *Русского Вестника* за январь. Заметка Каткова о Польских делах превосходна: вот настоящий государственный взгляд на дело. Наши безмозглые прогрессисты не могут понять его, драпируюсь в свой абстрактный и пустой либерализм»².

В свою очередь, Фет и вовсе был готов принять участие в подавлении польского восстания. Это становится очевидным из его переписки с Боткиным, особенно из письма Боткина к Фету от 16 марта, в котором первый замечает: «Совершенно сочувствую твоему стремлению вступить снова в полк, при известии о польском восстании»³. Однако это намерение Фета не осуществилось. В дальнейшем Фет выражал одобрение статьями Каткова, в письме Боткину от 8 мая 1863 г. утверждая: «Одни Московские Ведомости – понимают всю возможность настоящего польского восстания, и Катков действительно выражает народное чувство»⁴. Кроме того, он выразил удовлетворение по поводу назначения Муравьева генерал-губернатором Северо-Западного края: «Надо бы только крепко стоять за свое, а сила всегда *солому ломит*»⁵.

Стоит отметить, в каких выражениях Фет высказывался по поводу польского восстания и в письмах Толстому. 6 мая 1863 г. Фет пишет: «... самый мерзкий червяк, гложущий меня червяк, есть поляк. Готов хоть сию минуту стащить с гвоздя саблю и рубить ляха до поту лица, это все

¹ А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Кн. 1. Т. 103. С. 334.

² Там же.

³ Там же. С. 333. Письмо Фета неизвестно.

⁴ Там же. С. 337.

⁵ Там же. С. 340.

противоестественные системы уступок»¹.

Более того, даже известный своим либерализмом И.С. Тургенев в этот момент близко к сердцу принимает польские дела: как он пишет Е.Е. Ламберт 6 (18) июля 1863 г. из Баден-Бадена, «я никогда не чувствовал себя таким русским, как именно теперь - и много бы дал, чтобы побывать на родине»². В то же время он был убежден, что «мы должны бороться с поляками, но не должны ни оскорблять их, ни смеяться над ними и пр.»³.

Обратимся теперь к описанию позиции Толстого 1860-х гг. по польскому вопросу и попробуем понять, насколько оригинальной она была.

1.3. Газетные сообщения о польском восстании 1863 г. в восприятии Л.Н. Толстого

В письме А.А. Толстой от 14 ноября 1865 г. Толстой демонстративно выражал свое равнодушие к полякам и их проблемам: «Я и не сочувствую тому, что запрещают полякам говорить по-польски, и не сержусь на них за это, и не обвиняю Муравьевых и Черкасских, а мне совершенно все равно, кто бы ни душил поляков или ни взял Шлезвиг-Голшт[ейн] или произнес речь в собрании земск[их] учреждений» (61, 115). Эта индифферентность кажется удивительной с учетом позднейшей моральной философии Толстого. Более того, такие суждения вроде бы дают основания говорить не просто о равнодушии Толстого к судьбам поляков, но и о его имперской позиции, проявляющейся в нежелании осуждать военное подавление польского восстания. Заметим, что ряд исследователей утверждает, что имперскость в самом деле была присуща этому писателю — не только до, но и после его религиозного переворота⁴.

¹ Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. В 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 366.

² Тургенев И.С. Письмо к Е.Е. Ламберт // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. Т. 5: Письма: 1862-1864. М.: Наука, 1980. С. 195.

³ Там же. С. 197.

⁴ См.: Бояновска Э. Был ли Толстой колониальным землевладельцем? Проблемы частной собственности и поселенческий колониализм в башкирской степи // Новое литературное обозрение. 2023. № 4 (182). С. 156–183;

Казалось бы, отклики Толстого на восстание 1863 г. это подтверждают. В письме А.А. Фету от 1...3 мая 1863 г. Толстой высказывает намерение вернуться в армию (напомним, что в 1850-е гг. Толстой служил на Кавказе, а затем принял участие в Крымской войне): «Что вы думаете о польских делах? Ведь дело-то плохо, не придется ли нам с вами и Борисовым снимать опять меч с заржавевшего гвоздя?» (61, 17). Как мы уже видели, Фет оказался с Толстым солидарен, полагая необходимым дать полякам жесткий отпор. О воинственном желании Толстого мы узнаем и из дневника С.А. Толстой (это желание, разумеется, не одоблившей). В записи от 22 сентября 1863 г. говорится: «На войну. Что за странность? Взбалмошный — нет, не верно, а просто непостоянный <...> Поставил в такое положение, что надо жить и постоянно думать, что вот не нынче, так завтра останешься с ребенком, да, пожалуй, еще не с одним, без мужа. Все у них шутка, минутная фантазия. Нынче женился, понравилось, родил детей, завтра захотелось на войну, бросил. Надо теперь желать смерти ребенка, потому что его я не переживу. Не верю я в эту любовь к отечеству, в этот *enthousiasme* в 35 лет. Разве дети не то же отечество, не те же русские? Их бросить, потому что весело скакать на лошади, любоваться, как красива война, и слушать, как летают пули. Я его начинаю меньше уважать за непостоянство и за малодушие»¹.

Правда, вопрос о том, какая именно «война» имеется в виду С.А. Толстой, вызывает разногласия. Согласно комментариям к дневникам С.А. Толстой, речь идет о войне на Кавказе², которая еще не была завершена³. Другие исследователи все же склоняются к тому, что речь идет о польском восстании. В таком случае возникает, конечно, вопрос о причинах толстовского намерения.

Thompson E.M. *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*. Westport, CT: Greenwood Press, 2000. 240 pp.

¹ Толстая С.А. Дневники: в 2 т. 1862-1900. Т. 1. М.: Художественная литература, 1978. С. 61-62.

² Кавказская война длилась с 1817 по 1864 год. В конце 1863 г. близились к завершению активные боевые действия на территории Западного Кавказа, в частности в районе Черкесии, а также проходили массовые депортации местного населения – главным образом черкесов, а также убыхов, абазин и некоторых других групп. Эти народы были депортированы в Османскую империю. Это стало подтверждением завершения Кавказской войны.

³ См.: Толстая С.А. Дневники: в 2 т. 1862-1900. Т. 1. М.: Художественная литература, 1978. С. 527.

Однако четкого ответа на него толстоведы чаще всего не дают, ограничиваясь комментариями психологического рода. Кроме того, в их поле зрения попадает обычно лишь один из эпизодов 1863 г. – либо весенний, либо осенний. Так, Н.Н. Гусев не комментировал майский план Толстого, а сентябрьский объяснял тяжестью его семейной жизни, заставляющей вспомнить ответ князя Андрея в «Войне и мире» на вопрос, зачем он идет в армию: «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь — не по мне!»¹. Сходным образом оценивает этот эпизод Эйхенбаум, рассматривая его в связи со становлением замысла «Войны и мира». В желании Толстого отразилась, по его мнению, «эмоциональная и эстетическая сторона военных увлечений» писателя, т.е. в нем ощутимо своего рода «молодечество», присущее некоторым героям Толстого, отправляющимся на войну в поисках сильных и ярких впечатлений². Как полагает исследователь, эти провоенные настроения, вкупе с общим интересом современников писателя к Отечественной войне, 50-летие которой отмечалось в 1862 г., и способствовали началу работы Толстого над книгой, ставшей «Войной и миром».

Более содержательной с исторической точки зрения представляется версия С.С. Дорошенко, который в книге «Лев Толстой - воин и патриот» утверждал, что поводом к желанию Толстого принять участие в войне было не столько польское восстание само по себе, сколько угроза объявления западными державами войны России: «Он собирался на «войну» лишь в том случае, ежели бы такая действительно возникла в России с западными странами, но усмирять поляков Толстой явно не намеревался»³. Нам близко такое понимание проблемы и вообще стремление исследователя перенести внимание с семейных обстоятельств Толстого на военно-политические, однако и Дорошенко,

¹ Гусев Н.Н. Л.Н. Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. С. 615.

² См.: Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 461.

³ Дорошенко С.С. Лев Толстой - воин и патриот: Воен. служба и воен. деятельность. М.: Сов. писатель, 1966. С. 290.

встраивая польское восстание в контекст европейского внешнеполитического кризиса начала 1860-х гг., не проясняет деталей этого кризиса, заставившего Толстого вспомнить боевую молодость. Цитируя и письмо Толстого Фету, и дневник С.А. Толстой, исследователь не анализирует, что конкретно происходило в мае и сентябре 1863 г. на театре боевых действий в Польше и в дипломатических сферах Европы.

В этом разделе работы мы попробуем воссоздать этот внешнеполитический контекст, тем самым ответив на вопрос, почему план пойти на войну появляется у Толстого дважды с некоторым интервалом – весной и осенью 1863 г. Отталкиваясь от газетных сообщений о польском восстании за апрель-май и за сентябрь 1863 г., мы реконструируем международную и военно-политическую обстановку того времени и объясним таким образом пробудившийся в это время интерес Толстого к современным событиям.

Мы будем опираться, главным образом, на публикации Каткова в «Московских Ведомостях» – не только потому, что этот печатный орган в это время становится особенно популярным в России, но и потому, что Толстой в начале 1860-х гг., отказавшись от сотрудничества с другими изданиями, печатался исключительно в катковском «Русском Вестнике». Здесь опубликованы роман «Казачья жизнь», рассказ «Поликушка» и первые части будущей «Войны и мира» (роман «Тысяча восемьсот пятый год»), а также несколько объявлений (см: 61, 182; 205; 212-213). Есть все основания полагать, что «Московские Ведомости» попадали в круг толстовского чтения и потому, что в его письмах 1860-х гг. встречаются отсылки к публикациям газеты (61, 138; 157-158). Косвенное воздействие публикаций «Московских Ведомостей» на творческое воображение Толстого во время создания «Войны и мира» убедительно описано и в книге О.Е. Майоровой¹.

При этом, Толстой не разделял целиком и полностью политических

¹ См.: Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855-1870. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2010. P. 130.

взглядов Каткова, что подтверждает то же письмо к А.А. Толстой от 14 ноября 1865 г., в котором он говорит о своем равнодушии к полякам: «Почему вы говорите, что я поссорился с Катковым? Я и не думал. Во-первых, потому что не было причины, а во-вторых, потому, что между мной и им столько же общего, сколько между вами и вашим водовозом» (61, 115). По всей видимости, «Московские Ведомости» в первую очередь удовлетворяли толстовской потребности в получении новостей и лишь во вторую – были близки ему идеологически. Хотя в целом Толстой в это время был настроен в политическом смысле достаточно умеренно: к 1863 г. он уже расходится с демократическими изданиями вроде «Современника» и на рубеже 1863-1864 гг. пишет антинигилистическую комедию «Зараженное семейство». Так что в целом он не был тогда склонен проблематизировать основания российской внешней и внутренней политики с той решительностью, которая будет присуща ему в поздние годы, когда, как мы видели, он выражал глубокое сочувствие польскому народу. Однако, испытывая в 1860-е гг. ту же неприязнь к «прогрессистам», что и Боткин, он в это время почти не высказывался и в защиту того «государственного смысла», выразителем которого был Катков. Вероятно, даваемые газетой оценки событий могли оказывать на него некоторое воздействие, однако Толстого всегда отличала самостоятельность суждений (в разговоре с западником он мог высказываться в славянофильском духе, а в разговоре со славянофилом – в западническом). В любом случае процитированное письмо к А.А. Толстой, где он упоминает о поляках, подтверждает, что он, вопреки своим словам, вовсе не был равнодушен к политическим новостям, ведь он перечисляет не случайные, а самые что ни на есть злободневные темы середины 1860-х гг. Таким образом, он, очевидно, следил за прессой, что может помочь нам ответить на вопрос о том, почему именно в мае и сентябре 1863 г. он выражал желание отправиться на войну. Соответственно, нам нужно вновь обратиться к исторической стороне дела и газетным публикациям (прежде всего, в «Московских Ведомостях»), чтобы

понять, что происходило на международной арене вообще и в Польше, в частности, в те моменты 1863 г., когда Толстой выражал воинственные желания.

Вспыхнувшее в январе вооруженное восстание с наступлением весны распространилось на Западный край. В апреле действия повстанцев принимают еще более обширные размеры. Как информировали «Московские Ведомости», «повсюду бродили партии от 10 до 50 человек, которые бесчинствовали в местах, незанятых войсками, вешали там мирных жителей, даже женщин, заподозренных в преданности правительству»¹. Поскольку повстанцы были рассеяны повсюду, надежда на скорое подавление восстания не оправдалась. В конце апреля в Варшаве образовалось тайное народное правительство, польские патриоты усилили своё сопротивление против России, стремясь к восстановлению независимости своей родины². Именно с этого момента борьба поляков за свободу стала вызывать особенно негативную реакцию в русском обществе, поначалу скорее сочувствовавшему борьбе поляков за свободу, но не желавшем отторжения от Российской империи ее западных регионов.

К этому времени польское восстание обратило на себя внимание и европейских государств и повлекло за собой их вмешательство в конфликт, который Российская империя считала своим внутренним делом. 5 (17) апреля послы Англии, Франции и Австрии вручили в Петербурге ноты вице-канцлеру князю А.М. Горчакову. Англия считала правомерным свое участие в польских делах как участница Венского конгресса 1814-1815 гг. Взяв за основу Венский трактат, определявший принципы разделения Польши между Россией, Австрией и Пруссией, Англия потребовала от России выполнения трактата и прекращения военных действий. Как писали «Московские Ведомости» от 28 апреля, на самом деле вмешательство Англии объяснялось тем, что она «надеется обделать дела на Востоке»³ и желает использовать польское восстание, чтобы получить там свободу действий. Кроме того, Англия

¹ Московские Ведомости, 1863, 12 апреля, № 78.

² См.: Московские Ведомости, 1863, 19 апреля, № 83.

³ Московские Ведомости, 1863, 12 апреля, № 78.

чувствовала себя ущемленной вследствие сближения французского и русского правительств после окончания Крымской войны, а потому стремилась «свести на нет франко-русское сближение»¹. В силу этого сближения с Россией французский кабинет, в свою очередь, поначалу был равнодушен к польскому восстанию. Однако, когда в дело вмешалась Пруссия, заключившая с Россией 27 января (8 февраля) конвенцию о возможности перехода вооруженного русского отряда через прусскую границу для преследования польских инсургентов², Франция изменила первоначальную нейтральную позицию и вмешалась в польский вопрос, мотивируя это желанием восстановить порядок в Европе. Однако «Московские Ведомости» в номере от 28 апреля отмечали и собственную заинтересованность Франции в изменении европейской карты: для выполнения этой грандиозной цели «потребовалось бы от нас <России — С.Ц.> Финляндия и Польша, а от Австрии — Галиция. Вознаграждение за все эти пожертвования можно выкроить из Турции, которая служит запасным фондом на всякий случай. Устроив это дело по своему желанию, императору французов не трудно было бы расширить Францию до Рейна»³.

Для достижения этой цели Франция еще в начале апреля начала, во-первых, искать военной и моральной поддержки у Италии, Швеции, Испании и других государств, а с другой - стремилась побудить Австрию и Англию к действиям в пользу Польши, настроив их против России, что констатировали «Московские Ведомости» в выпуске от 2 мая⁴. Австрия присоединилась к Англии и Франции, в то же время надеясь, по объяснению Каткова, на то, что Россия изыщет «какие-либо способы прекратить волнения в сопредельных с Австрией областях, угрожающие ее собственному спокойствию»⁵.

Д.А. Милютин в своих воспоминаниях отмечает, что образование

¹ Хитрова Н.И. Польское восстание 1863 года и сближение с Пруссией // История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Междунар. отношения, 1997. С. 69.

² См.: Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. С. 152.

³ Московские Ведомости, 1863, 28 апреля, № 91.

⁴ См.: Московские Ведомости, 1863, 2 мая, № 94.

⁵ Московские Ведомости, 1863, 26 апреля, № 89.

национального правительства, Жонда, подтверждало масштабные цели восстания, притязания поляков на получение полной независимости и восстановление Польши в границах 1772 г.¹ Он также детально анализирует сложное положение Австрии в польском вопросе. По его мнению, Австрии приходилось вести сложную игру: с одной стороны, она желала сблизиться с западными державами для того, чтобы получить их поддержку при столкновениях с Италией и Пруссией; ее нежелание принимать сторону России было также связано с тем, что это бы возбудило против Австрии ее польских поданных (особенно в Галиции, где польское дворянство играло значительную роль); с другой же стороны, Австрия не хотела и торжества Польши, поскольку опасалась, что пожар восстания и в этом случае может распространиться на Галицию².

Нетрудно заметить, что проанализированные нами сообщения появились в «Московских Ведомостях» в те самые дни, когда Толстой писал свое письмо Фету. Воссоздав международную обстановку весны 1863 г. на основе газетных сообщений и современных научных представлений о польском восстании, можно констатировать, что новая общеевропейская война, о которой упоминал Дорошенко, казалась как никогда неизбежной именно в конце апреля – начале мая, что позволяет объяснить озабоченность Толстого военными делами в этот момент. Сообщения газет заставляли его вспоминать Крымскую войну 1853-1856 гг., в которой несколько европейских держав вступили в коалицию и нанесли России серьезный ущерб. Как отмечает современный исследователь, «опасность в случае столкновения с бывшими противниками по Крымской войне потерпеть поражение была реальной»³. Боткин в письме Фету от 16 марта и вовсе допускал, что цель поляков – «не только ослабление России, но

¹ См.: Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863-1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 167.

² См.: Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863-1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 129.

³ Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2013. Т. 15: Польское восстание 1863 года. С. 89.

удаление ее из Европы в Азию»¹. Толстой, видимо, тоже считал, что антирусская коалиция использует польский вопрос для ослабления России.

Однако напряженная ситуация разрядилась к июню. Назначенный 1 мая виленским генерал-губернатором Муравьев использовал, как уже отмечалось, чрезвычайно жесткие меры для подавления восстания: из его донесений видно, что действия русских войск в конце мая были направлены к окончательному очищению края от «бродящих еще шаек»². Если же говорить о внешнеполитической обстановке, то несмотря на то, что в мире все больше распространялись слухи о приготовлениях к всеевропейской войне, антирусская коалиция не принимала никаких мер, предваряющих реальное объявление войны. «Московские Ведомости» заявляли, что финансовые приготовления коалиции к войне не ведутся³, т.е. западные державы только запугивают Россию. Видимо, осознав мнимость глобальной военной опасности, Толстой и перестал размышлять о том, чтобы лично отправиться в Польшу.

После временного летнего затишья поворот в польских вопросах произошел в конце сентября: речь английского дипломата графа Росселя, произнесенная 15 (27) сентября 1863 г. в городе Блейргоури (Шотландия), поставила под сомнение право России владеть Польшей и вновь актуализировала споры европейских держав по польским делам. Россель заявил, что, поскольку Россия не выполнила обязательств, наложенных на нее Венским трактатом, ее право на Польшу «едва ли может быть сохранено»⁴. Это заявление было равносильно признанию Польши полноценной «воюющей стороной», что, в свою очередь, означало, что польскому вопросу придавался уже не внутрироссийский, а европейский характер. Позиция Росселя получила поддержку Франции, которая, не желая закрыть себе дорогу к Рейну, сделала аналогичное заявление. Франция желала бы, «чтобы поляки признаны были

¹ А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Кн. 1. Т. 103. С. 333.

² Московские Ведомости, 1863, 28 мая, № 114.

³ См.: Московские Ведомости, 1863, 31 мая, № 116.

⁴ Московские Ведомости, 1863, 22 сентября, № 206.

воюющей стороной» и чтобы России был поставлен ультиматум из шести пунктов «для немедленного приведения их в действие»¹. Однако осторожная Австрия не желала поддерживать ни Англию, ни Францию и осталась в стороне, поскольку признание инсургентов воюющей стороной привлекло бы к театру войны Галицию и было бы предвестием неизбежной войны с Россией².

Периоды затишья и «усиления предприимчивости» польских отрядов чередовались в зависимости от характера дипломатических сношений держав— «покровительниц Польши». Как отмечали «Московские Ведомости» в начале сентября, «настоящее положение в Варшаве чрезвычайно натянуто. Поляки находятся в тревожном, лихорадочном состоянии, ждут каких-то строгих мер и готовы исполнять их»³. В сочетании с возобновившейся дипломатической кампанией против России международная ситуация осенью 1863 г. сделалась еще напряженнее, чем весной. Как признавали «Московские Ведомости», «когда дипломатические переговоры на основании Венского трактата прекратились, — политика, принятая против нас в Европе, будет действовать еще сильнее, чем прежде, политика, направленная к тому, чтобы разжигать страсти, затруднять и смущать наше правительство»⁴. По мере усиления связей между Францией, Австрией и Англией уже не оставалось надежд на возобновление заключенного в 1815 г. Священного союза Австрии, Пруссии и России, так что в международном сообществе Россия оказывалась беспомощной и одинокой. Как указывала «Северная Почта», официальное издание Министерства внутренних дел России, английская «Times» объявила, что для трех поддерживающих Польшу держав «возможны только два выхода, или безропотно покориться, или объявить войну»⁵. Как полагали «Санкт-Петербургские Ведомости», Франция была в состоянии разжечь войну даже без помощи Австрии и Англии: «Она

¹ Там же.

² См.: Санкт-Петербургские Ведомости, 1863, 22 сентября, № 211. С. 862.

³ Московские Ведомости, 1863, 7 сентября, № 194.

⁴ Московские Ведомости, 1863, 22 сентября, № 206.

⁵ Северная Почта, 1863, 20 сентября, № 206.

могла бы действовать сама в воинственном и революционном духе»¹.

Таким образом, есть все основания полагать, что и в этот момент озабоченность Толстого польским вопросом возникла не спонтанно и не только под влиянием домашних обстоятельств, но и под влиянием газет: в сентябре у него были все основания смотреть на ситуацию пессимистически. Как мы видим, ровно в тот самый день, когда в «Московских Ведомостях» было опубликовано сообщение о французском требовании признать Польшу «воюющей стороной», Толстой и заявляет жене о намерении пойти на войну.

Однако и в этот раз худшие опасения не подтвердились. Поскольку побудительным мотивом вмешательства западных держав в польские дела было скорее осуществление своих внешнеполитических целей, чем помощь полякам в освобождении от России, ни одна из держав так и не решилась рискнуть ввязаться в полноценную войну за Польшу. Поэтому признание за инсургентами прав «воюющей стороны» без их реальной вооруженной поддержки могло восприниматься Российской империей как пустая угроза. Кроме того, оказавшись перед лицом вполне возможного столкновения с западными державами, Россия смогла обрести в качестве союзника Соединенные Штаты. Прибытие русской эскадры в США 13 (25) сентября оказало огромное влияние на отношения Российской империи с Англией и Францией, придав первой «большую самостоятельность и свободу в ее европейских союзах»². Наконец, в самом Царстве Польском военные действия затихали, новостей о «больших шайках» больше не поступало. Продолжавшаяся около семи месяцев дипломатическая борьба вокруг польского вопроса подходила к концу, Россия избавилась от угрозы внешней войны, а желание Толстого «снять меч с заржавевшего гвоздя» отпало.

1.4. Влияние польского вопроса на генезис «Войны и мира»

¹ Санкт-Петербургские Ведомости, 1863, 21 сентября, № 210.

² Московские Ведомости, 1863, 5 октября, № 215.

Таким образом, во время польского восстания Толстой был не только поглощен семейной жизнью и хозяйством, но и достаточно чутко следил за политическими новостями. Вполне вероятно, правда, что в вышеприведенных беседах с близкими выражалась скорее его озабоченность ситуацией в целом, чем реальная готовность ехать в армию. По крайней мере, его дневниковые записи 1863 г. такой готовности не подтверждают. Однако эта озабоченность польским вопросом могла иметь не только политическое, но и философское происхождение и наполнение. Как будет показано в этом, заключительном разделе главы, мысль о польском восстании могла наложить отпечаток на толстовское творчество этого времени.

В письме к А.А. Толстой от 17-31(?) октября 1863 г. Толстой сообщает о работе над романом «из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени» (61, 23). Как полагают исследователи, творческая работа Толстого активизировалась еще в начале 1863 г., однако до осени он скорее всего был занят романом «Декабристы» или каким-то сходным замыслом; начало же работы, собственно, над «Войной и миром» скорее следует относить к концу лета – началу осени 1863 г.¹ С этого момента литературные занятия Толстого прочно связываются с эпохой Отечественной войны 1812 г., и обращение к этой теме во время польского восстания кажется не случайным.

Во-первых, о чем уже писала О.Е. Майорова, публицисты 1860-х гг. активно использовали память о 1812 г., чтобы сплотить русскую нацию: «Кульٹ 1812 года примирял непримиримое — абсолютистскую монархию и народный суверенитет. Патриотическая пресса артикулировала этот парадоксальный конструкт в начале 1860-х — в то время, когда верховная власть сама поддерживала надежды общества на расширение свобод, дарование конституции и введение представительных институтов»². Идеи «народной

¹ 5 сентября 1863 г. появляется первое точное свидетельство работы над романом из эпохи 1812 г.: «Вчера мы много говорили о 1812 г. по случаю намерения твоего написать роман, относящийся к этой эпохе», — писал Толстому А. Е. Берс (см.: 16, 24).

² Майорова О. Война и миф: память о победе над Наполеоном в годы Польского восстания (1863-1864) // Новое

войны» и «польской измены» оказывались катализатором национального самосознания, «подпитываясь» за счет исторических прецедентов и мифологем.

Ассоциации между французским внешним нашествием и попытками поляков обрести независимость покоились, в частности, на том, что во время войны 1812 г. поляки связывали надежды на национальное освобождение с Наполеоном и воевали вместе с Францией против России. Отказ России от Польши в 1863 г. означал бы, по утверждению «Московских Ведомостей», готовность «пренебречь единственным осязательным результатом достославной борьбы, которую Россия выдержала в 1812 г. против всех полчищ Наполеона»¹, поскольку после победы над Францией большая часть Варшавского Герцогства² оказалась в руках России. «Московские Ведомости» сравнивали 1812 г. и 1863 г. и в плане настроения общественного мнения, которое, по мнению Каткова, во время польского восстания было более единодушным. Катков утверждал даже, что если «в 1812 г. многие могли ещё сомневаться, не лучше ли было бы действовать в духе уступчивости и сохранить мир с Наполеоном», то «в 1863 г., кроме немногих жалких отщепенцев земли русской, вся Россия сознает необходимость войны в случае, если враги наши не откажутся от своих замыслов, которые по собственному их признанию, клонятся к конечной гибели России»³. «Общество проснулось, — писали «Московские ведомости» в мае 1863 г., — подняло голову и громогласно, тысячами голосов, провозгласило, что оно встанет и будет крепко защищаться, когда придут грабить его дом и резать его детей»⁴.

Проводимые прессой исторические аналогии между польским восстанием

литературное обозрение. 2012. № 6. С. 198. См. также: Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855-1870. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2010. С. 94-127.

¹ Московские Ведомости, 1863, 11 апреля, № 77.

² Так наз. Наполеоновская Польша, созданная Наполеоном I в 1807 г. и включавшая этнически польские земли, переданные Франции Пруссией по условиям Тильзитского мирного договора.

³ Московские Ведомости, 1863, 3 мая, № 95.

⁴ Московские Ведомости, 1863, 14 мая, № 103.

и Отечественной войной могли способствовать интересу Толстого к эпохе 1812 г., однако писатель сохранил самостоятельность при описании военных событий. Показывая в третьем томе «Войны и мира» убийство толпой Верещагина по приказу Растопчина, он дает понять, что люди могут быть подвержены своего рода гипнозу, заставляющему их под влиянием минутного раздражения или коллективных настроений замышлять или совершать основанные на насилии поступки; однако влияние пропаганды или общественного мнения на личность не может быть продолжительным, и человек быстро осознает, что насилие есть крайность, влекущая за собой муки совести. Как пишет Майорова, статьи Каткова и Аксакова «составляют важный контекст для понимания “Войны и мира”», однако эта антипольская кампания не может считаться главным стимулом начала работы Толстого над романом¹. Толстой, дважды в течение 1863 г., в моменты наибольшей общеевропейской напряженности, обдумывавший возможность участия в польских делах, в ходе творческой работы, очевидно, постепенно переходил от непосредственно-эмоциональной реакции на публикации газет к их критической рецепции, почему и смог предложить читателю «Войны и мира» гораздо более взвешенный и миролюбивый взгляд на отношения между народами.

Поэтому нам кажется более важным обратить внимание на другую возможную взаимосвязь между польским восстанием и созданием «Войны и мира». Нельзя исключать, что причинно-следственные связи в данном случае имели иную направленность: первые подступы Толстого к роману о войне и взаимоотношениях народов, их перемещениях в пространстве и историческом развитии могли сами спровоцировать намерение (по крайней мере, осеннее) отправиться на войну. Напомним, что и его служба на Кавказе и в Крыму объяснялась скорее «репортерским» или писательским интересом к тому, что

¹ См.: Maiorova O. *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855—1870*. Madison, Wisconsin, 2010. С. 145.

происходит в таких чрезвычайных обстоятельствах, как война, чем желанием «тянуть лямку». Как писал он в черновиках к рассказу «Набег», «война всегда интересовала меня. Но война не в смысле комбинаций великих полководцев — воображение мое отказывалось следить за такими громадными действиями: я не понимал их — а интересовал меня самый факт войны — убийство. Мне интереснее знать: каким образом и под влиянием какого чувства убил один солдат другого, чем расположение войск при Аустерлицкой или Бородинской битве» (3, 228). Как мы полагаем, некоторый интерес к польскому делу мог пробудиться в Толстом даже не столько под влиянием идеологической солидарности с Катковым, Боткиным и Фетом, сколько вследствие близости польского вопроса тем философским проблемам, которые стали центральными в его романе. Это предположение может объяснять и то, почему в письме 1865 г. к А.А. Толстой писатель высказывался о судьбах поляков с подчеркнутым равнодушием.

В эпилоге «Войны и мира» Толстой, заявляя о своем неверии в научные способы изучения истории, пишет: «Представляется ли мне благом сохранение в 12-м году дома моего отца в Москве, или слава русских войск, или процветание Петербургского или других университетов, или свобода Польши, или могущество России, или равновесие Европы, или известного рода европейское просвещение — прогресс, я должен признать, что деятельность всякого исторического лица имела, кроме этих целей, еще другие, более общие и недоступные мне цели»¹. Здесь он высказывает ключевую для его книги мысль о том, что человеку не дано познать путей Провидения, хотя действия политических лидеров вроде Александра I или Наполеона и народов в целом предопределены именно провиденциально, свыше. У каждого человека есть свои желания, и ему свойственно объяснять все происходящее с ним, исходя из своей личной перспективы; однако каждый вступает во взаимодействие с другими людьми, у которых тоже есть свои соображения и цели. Поэтому могут

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 томах. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981. С. 248.

быть тысячи объяснений того, почему произошла война 1812 г., в ходе которой происходили многочисленные убийства, разрушались города, менялась карта Европы. Но Толстой оценивает происходящее не только с моральной точки зрения (исходя из которой он осуждает то насилие, которое несет с собой армия Наполеона), но и с философской, в рамках которой моральные оценки представляются неважными, поскольку не объясняют высших целей Провидения (так, смерть Платона Каратаева вызывает скорбь у Пьера, но она по-своему целесообразна). Оно может пролагать свою дорогу через войну и насилие, даже если человек не в силах этого постичь и принять. Поэтому Толстой и говорит о том, что отдельные события - слава русских войск или свобода Польши – могут представляться и благом, и злом; все зависит от того, кто оценивает эти явления; в свете же высшей истины мы не можем ограничиться какой-либо субъективной оценкой, выражающей мнение отдельного человека или социальной или национальной группы (русских, поляков, дворян и др.).

Эта философская позиция Толстого в целом хорошо изучена¹, и мы хотим обратить внимание скорее на то обстоятельство, что в качестве подтверждения амбивалентности истории и ее оценок Толстой не раз приводит польский вопрос. В «Войне и мире» есть и другие аналогичные примеры – ср.: «Мало того, одновременно мы находим в истории совершенно противоположные взгляды на то, что было зло и что было благо: одни данную Польшу конституцию и Священный Союз ставят в заслугу, другие в укор Александру»². То, что данная идея у Толстого традиционно иллюстрируется примером судеб Польши, подтверждается тем фактом, что даже существенно позднее, в дневнике 1906 г., он приводит в пример субъективности человеческих причинно-следственных построений опять-таки суждения о Польше: «То, что

¹ См.: Орвин Д.Т. Искусство и мысль Толстого, 1847-1880. СПб.: Акад. проект, 2006. 303 с.; Лурье Я.С. После Льва Толстого: Ист. воззрения Толстого и пробл. XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. 166 с.; Love J. The Overcoming of History in «War and Peace». Amsterdam: Editions Rodopi, 2004. 211 pp.

² Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 томах. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981. С. 248.

мы называем причиной и следствием, есть ничто иное, как причина — прежде раскрывшееся, в известном направлении мысли, состояние предмета; следствие — имеющее раскрыться, тоже в известн[ом] направлении мысл[и], или раскрывшееся уже состояние предмета. Например: у меня болит живот. Причина в одном направлении мысли: съел неудобоваримое; в другом: не подумал, что надо воздержаться; в третьем: нахожусь в условиях соблазна роскошной пищи; в 4-м — испортил свои пищеварительные органы прежним невоздержанием; в 5-м — это наследственно, и т.д. Польская революция произошла от революцион[ного] духа времени, от характера Поляков, от двуличности Алек[сандра] I, от жестоко[сти] Николая, от раздела Польши Екат[ериной] и Фридрихом. Тоже и с последствиями. [...] Причины одной какого бы то ни б[ыло] явления никогда не может быть. Причин безчисленное количество — все предшествующее может рассматриваться как причина. Называем же мы причиной то состояние, которое при известном направлении мысли предшествовало раскрывшемуся явлению» (55, 201-202).

Мы полагаем, что такая устойчивая корреляция (возможность смотреть на происходящее в Польше с разных сторон соотносится с человеческой неспособностью познать истину) сложилась в сознании писателя под влиянием и его окружения в молодости, и тех дискуссий, свидетелем которых он стал в 1860-е гг. Если обратиться к суждениям Толстого о его отношении к Польше до религиозного переворота, то они на самом деле кажутся противоречивыми: с одной стороны, мы уже приводили его воспоминание о том, что его с детства приучали ненавидеть все польское; даже в «Войне и мире» чувствуется подчас скептическое отношение к героям-полякам. С другой, Толстому принадлежит и такое высказывание: «Разделение и угнетение Польши всегда возбуждало во мне величайшее негодование» (38, 327). В дневнике 1853 г. Толстой описывал историю раздела Польши, что подтверждает, что он уже в молодости интересовался историческим генезисом польского вопроса: «Самая Польша предлагала свою корону Иоанну V, его сыну, и при Петре до такой степени

зависела от России, что только по ее воле Август II 2 раза был признан королем, и при Анне Иоанновне — Август III. При Екатерине II, чтобы успокоить Австрию насчет занятия нами Молдавии и Валахии, Прусским Правительством в 1-й раз был предложен вопрос о разделении ее между 3 державами. — Во время Французской революции, при Костюшке, Польша хотела возвратить потерянные земли и снова была разделена. При Александре, 1807, Польша была переименована Наполеоном в Герцогство. Но в 14 году по венскому договору отдана России. В 1830 уничтожены после бунта ее хлопецкие права, и она окончательно присоединена к Империи» (46, 213). Позднее Толстой стал свидетелем того, как русское общество раскололось из-за Польши: вышеприведенные суждения русских публицистов подтверждают, что позиция многих из них была достаточно бескомпромиссной и неизменной. Толстой же, как мы видим, в своих суждениях о Польше склонен колебаться, и, видимо, эта неопределенность и сложность польского вопроса и сделали его для автора «Войны и мира» хорошим подтверждением человеческой неспособности познать, как устроены события и факты «на самом деле». Поэтому есть основания объяснить толстовское нарочитое игнорирование страданий поляков от имперской власти («Я и не сочувствую тому, что запрещают полякам говорить по-польски, и не сержусь на них за это, и не обвиняю Муравьевых и Черкасских, а мне совершенно все равно, кто бы ни душил поляков») попыткой автора «Войны и мира» как бы возвыситься над обыкновенной логикой суждений о вещах, абстрагироваться от моральных оценок враждующих сторон, взирать на события мировой истории как бы «сверху», как свойственно высшим силам.

Эйхенбаум указывал на то, что с 1865 г. философский вопрос о законах движения народов оказывается первостепенным для Толстого, оттесняя на задний план более традиционные «романные» сюжетные линии¹. К этому же

¹ См.: Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 490-491.

времени относится и рассуждение в записной книжке о том, как изменение государственных границ связано с исполнением народами своего «назначения»: «История. — Исполняют семьи назначение: продолжение рода человек[еского]. Столкновения. Каждое хочет всемирного владычества. Зачем? Столкновения переселения с менее на более плодородные. Остановка морей. С юга никогда не завоевывают севера» (48, 108). Однако эти вопросы попадали в поле зрения Толстого и раньше, еще на рубеже 1850-60-х гг., когда его занятия педагогикой подтолкнули его к размышлениям о национальной специфике и предназначении русского и других народов¹. Заметим, что даже о русском народе осенью 1863 г. Толстой высказывается с нарочитой холодностью. В письме А.А. Толстой от 17-31(?) октября 1863 г. он сообщает не только о том, что работает над новым романом, но и о том, что его увлечение школьным преподаванием существенно ослабло: «Я должен признаться, что взгляд мой на жизнь, на народ и на общество теперь совсем другой, чем тот, к[отор]ый у меня был в последний раз, как мы с вами виделись. Их можно жалеть, но любить, мне трудно понять, как я мог так сильно» (61, 23-24). Начиная с Эйхенбаума, это охлаждение к народу (школе) понимают как возвращение Толстого к основному – литературному – труду². Однако здесь можно видеть проявление и той же индифферентности к «земным» интересам и ценностям, которая проявилась в оценке польского восстания. Толстой равнодушен к полякам почти так же, как и к русскому народу, поскольку старается воспринимать их не эмпирически, а философски, как «исполняющих назначение».

Таким образом, неопределенность толстовской позиции по отношению к польскому восстанию – выражение теоретического желания отправиться в войну без каких-либо, очевидно, практических приготовлений к такому шагу –

¹ См.: Красносельская Ю.И. Общество это составляю я один: генезис и рецепция педагогического проекта Л.Н. Толстого в свете дискуссий начала 1860-х годов о законах общественного развития // Институты литературы в Российской империи: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков. Монографии ВШЭ: Гуманитарные науки. Издательский дом Высшей школы экономики Москва: 2023. С. 349–396.

² См.: Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 410.

должна интерпретироваться, на наш взгляд, как во внешнеполитическом и публицистическом контексте 1863 г. (ср. раздел 1.3), так и в философском: польский вопрос мог стать предметом повышенного интереса для Толстого в свете его философских раздумий о субъективном и объективном началах истории, и в то же время - сам мог направлять мысль Толстого в сторону признания произвольности однозначных политических суждений и оценок, столь ярко выразившегося в «Войне и мире».

Глава 2. Генезис мотива австрийской измены в «Войне и мире»

2.1. Мотив австрийской измены в «Войне и мире»: ключевые эпизоды и их функции

В этой главе будет проанализирован, главным образом, генезис мотива австрийской измены в «Войне и мире» Толстого. Мы покажем, что этот мотив отображает не только исторические реалии начала XIX в., но и внешнеполитическую ситуацию 1850-60-х гг., когда Толстой обдумывал и писал роман. Для этого мы вновь построим интересующий нас литературный мотив в исторический и публицистический контекст эпохи создания «Войны и мира». Но для начала мы опишем сам указанный мотив, играющий особенно важную роль в первом томе книги, в котором описываются заграничные походы русской армии 1805 г., закончившиеся поражением при Аустерлице.

Мотив австрийской измены входит в роман с первых же глав: во время разговора с князем Василием о внешней политике Анна Павловна Шерер упоминает Австрию как предателя русских интересов: «Ах, не говорите мне про Австрию! Я ничего не понимаю, может быть, но Австрия никогда не хотела и не хочет войны. Она предает нас»¹. Официально Австрию и Россию в 1805 г. связывали союзнические отношения: во 2-й части первого тома Толстой описывает, как русская армия под начальством Кутузова занимает села и города эрцгерцогства Австрийского, чтобы объединиться с австрийскими войсками для совместной борьбы против армии Наполеона Бонапарта. И все же Кутузов медлит идти на соединение с армией эрцгерцога Фердинанда, поскольку не вполне доверяет своим союзникам. В этот момент к Кутузову приезжает раненый генерал Мак, подтвердивший слухи о сдаче французам австрийской армии под Ульмом. С учетом более раннего письма Мака, в котором выражалась

¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1979. С. 9.

уверенность в победе австрийских войск, приезд незадачливого полководца дает русским повод для насмешек. Шутка Жеркова над австрийскими генералами подтверждает скептическое отношение русской армии к своим союзникам, хотя князь Андрей видит и трагическую сторону происходящего – гибель союзной армии. В результате поражения Мака страдает и русская армия, которая начинает поспешное отступление, «преследуемая стотысячною французской армией под начальством Бонапарта, встречаемая враждебно расположенными жителями, не доверяя более своим союзникам, испытывая недостаток продовольствия и принужденная действовать вне всех предвиденных условий войны»¹.

Тем не менее, русским удастся одержать победу над дивизией Мортье, в связи с чем князь Андрей отправляется к австрийскому двору для передачи известия о победе. Он останавливается в Брюнне у дипломата Билибина, разговор с которым подтверждает «общее русское отвращение» к австрийцам, в том числе и Болконского, при всем желании того сохранять объективность². При приеме князя Андрея австрийскими сановниками показано их равнодушное отношение к князю. Даже император Франц не слишком интересуется его ответами. Правда, холодность австрийцев получает свое объяснение в последующем разговоре между князем Андреем и Билибиным. Во-первых, поскольку австрийские провинции разорены проходившими через них русскими войсками, Австрия чувствует себя «оставшейся в дурах»³ и намеревается заключить тайный сепаратный мир с Францией. Во-вторых, выясняется, что французы уже заняли столицу Австрии Вену, а затем, обманув австрийцев, устремились в сторону Брюнна.

Билибин смакует подробности «прелестной» истории о переходе французов через Таборский мост, который охранялся австрийцами как раз затем, чтобы не допустить сдачи Брюнна. Австрийский фельдмаршал князь Аэурсберг,

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1979. С. 189.

² См.: там же. С. 194.

³ Там же. С. 198.

поверив словам французских военачальников Мюрата и Ланна о заключенном перемирии, позволил французам перейти мост, не истратив ни одного солдата или патрона¹. В «Войне и мире» в эту сцену добавлены реплики австрийского сержанта, который пытается предупредить Аэурсберга об обмане: «Сержант, который, видно, был умнее своего генерала, подходит к Ауэрспергу и говорит: «Князь, вас обманывают, вот французы...» Князь Ауэрсперг оскорбляется и приказывает арестовать сержанта»². Так история с Таборским мостом приобретает еще более образный и анекдотический характер, выражая легкомысленность австрийского командования. Чуть позднее австрийцы вновь поддаются на тот же обман: «Успех того обмана, который без боя отдал венский мост в руки французов, побудил Мюрата попытаться обмануть так же и Кутузова. /.../ Мюрат уверял, что уже идут переговоры о мире и что потому, избегая бесполезного пролития крови, он предлагает перемирие. Австрийский генерал граф Ностиц, стоявший на аванпостах, поверил словам парламентаря Мюрата и отступил, открыв отряд Багратиона»³. Как Багратион ни убеждал Ностица в невозможности мира, последний отказался действовать совместно с русскими⁴. Таким образом, доверчивость австрийцев по отношению скорее к противнику – французам, чем к союзнику – русским, не только привела к потере своей территории, но и поставила в сложнейшие условия отряд Багратиона, сдерживающий наступление французской армии и прикрывавший армию Кутузова. В черновых редакциях «Войны и мира» Толстой подробно описывал диалог Багратиона, Ностица и князя Андрея, который только что вернулся из Брюнна и объяснил, что мост взят обманом (13, 364-366). Однако, как и в реальности, никакие слова не действуют на Ностица.

Эти происшествия демонстрируют слабость и ненадежность Австрии как

¹ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб.: В типографии Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1844. С. 114-115.

² Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1979. С. 206.

³ Там же. С. 215.

⁴ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб.: В типографии Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1844. С. 123.

союзника; более того, с точки зрения кн. Андрея, они могут быть поняты как измена. Мотив австрийского предательства достигает кульминации в конце первого тома «Войны и мира» при описании сражения при Аустерлице, расположенном в Моравии, т.е. также на территории Австрийской империи. Толстой показывает, что сражение было проиграно союзническими русской и австрийской армиями во многом потому, что русское командование было вынуждено подчиниться распоряжениям австрийского генерала Вейротера, составившего такую громоздкую и запутанную диспозицию, что на практике ей невозможно было следовать. Кроме того, русские солдаты, не видевшие смысла воевать на чужой земле, были склонны винить австрийцев в неразберихе и не доверяли им. Перед сражением в рядах русских войск начинается беспорядок, который списывают на «бестолковых» немцев (под которыми понимаются и австрийцы): «То-то торопили выступать, а выступили — стали без толку посередине поля, — всё немцы проклятые путают. Эки черти бестолковые!»; «-Эх, немцы проклятые, своей земли не знают!»¹. Русские и австрийские войска не только не спланированы для борьбы с Наполеоном, но, более того, в какой-то момент по ошибке начинают стрелять друг в друга: «Стрельба затихла, и, как потом узнал Ростов, стреляли друг в друга русские и австрийские солдаты»². Стоит отметить, что у Михайловского-Данилевского³ отсутствует подобный эпизод; у него, напротив, описывалось, что австрийская батарея приняла французов, шедших в обход русских, за русскую армию и перестала стрелять⁴. С учетом этого нельзя исключать, что Толстой намеренно усиливает мотив

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1979. С. 342.

² Там же. С. 359.

³ Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1789–1848) – военный историк и писатель, автор «Описания первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году, по высочайшему повелению сочиненного», «Описания второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806—1807 годах, по высочайшему повелению сочиненного», «Описания Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненного», «Описания похода во Францию в 1814 году», а также работы «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца». Они входят в список книг, которыми пользовался Толстой во время написания «Войны и мира» (См. 16, 140-145). Михайловский-Данилевский много упомянут в черновых вариантах «Войны и мира» (См. 13, 125, 126; 14, 52; 15, 86, 88; 16, 20, 24, 40, 140).

⁴ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб.: В типографии Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1844. С. 185.

взаимного озлобления русских и австрийцев.

Неудивительно, что в Аустерлицком сражении русские и австрийские войска потерпели неудачу. В черновиках «Войны и мира» Толстой с негодованием описывал виновников – австрийских генералов: «Те, которые были причиною этого, австрийские колонновожатые, на другой день чистили себе ногти и отпускали немецкие вицы, и умерли в почестях и своей смертью, и никто не позаботился вытянуть из них кишки за то, что по их оплошности погибло двадцать тысяч русских людей и русская армия надолго не только потеряла свою прежнюю славу, но была опозорена» (13, 145). Когда известие о поражении русской армии достигло Москвы, ее жители отыскивали разные причины поражения, среди которых «измена австрийцев, дурное продовольствие войска, измена поляка Пржибышевского и француза Ланжерона, неспособность Кутузова и (потихоньку говорили) молодость и неопытность государя, вверившегося дурным и ничтожным людям»¹. Как видим, первым делом москвичам приходит мысль об измене австрийцев. Такие трактовки соответствуют оценкам Михайловского-Данилевского, по мнению которого, главная причина неудачи заключалась в действиях австрийцев и их самоуверенности². После Аустерлицкого сражения во всех комнатах Английского клуба также говорили об Австрии с изрядной долей пренебрежения, вспоминая Суворова: «В третьем кружке Нарышкин говорил о заседании австрийского военного совета, в котором Суворов закричал петухом в ответ на глупость австрийских генералов»³.

Хотя в следующих томах «Войны и мира» австрийская тема утрачивает остроту, она сохраняет прежнюю направленность. В «Войне и мире» Толстой превозносит стойкость и доблесть русского народа в 1812 г., по сути противопоставляя их покорности австрийцев перед Наполеоном. В третьей

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1980. С. 19.

² См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб.: В типографии Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1844. С. 153-156.

³ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1980. С. 21.

части третьего тома «Войны и мира» говорится о различии между русскими, которые не смиряются с жизнью под французским управлением, и австрийцами, не проявляющими сопротивления французскому господству: «Уезжали, и первые уехали богатые, образованные люди, знавшие очень хорошо, что Вена и Берлин остались целы и что там, во время занятия их Наполеоном, жители весело проводили время с обворожительными французами»¹; «Москва, занятая неприятелем, не осталась цела, как Берлин, Вена и другие города только вследствие того, что жители ее не подносили хлеба-соли и ключей французам, а выехали из нее»².

В первой части четвертого тома описывается также, как на вечере Анны Павловны в кружке Билибина обсуждают австрийские знамена, взятые П.Х. Витгенштейном и отосланные в Вену: «Император отправляет австрийские знамена, дружеские и заблудшиеся знамена, которые он нашел вне настоящей дороги) — докончил Бибиллин, распуская кожу»³. Это отсылка к битве под Клястицами в июле 1812 г. между армиями Российской империи и Французской империи. Австрия в это время была союзником Наполеона, так что Витгенштейн разбил недавних союзников России - австрийцев. То, что Билибин характеризует австрийские знамёна как «дружелюбные», отдаёт большой иронией, поскольку он намекает и на прошлые связи русских с австрийцами, и одновременно на то, что в этот период Австрия находилась в союзе с Наполеоном. Таким образом, положение австрийцев более чем двусмысленно. Толстой и от собственного лица проявляет явное презрение к австрийцам, говоря об их трусости, о том, что они сдавались без сопротивления: «Мы не можем верно судить о его [Наполеона – С.Ц.] гениальности в Австрии и Пруссии, так как сведения о его деятельности там должны черпать из французских и немецких источников; а непостижимая сдача в плен корпусов без сражений и крепостей без осады должна склонять немцев к признанию

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1980. С. 289.

² Там же. С. 370.

³ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981. С. 10.

гениальности как к единственному объяснению той войны, которая велась в Германии»¹; «Случайность делает то, что он [Наполеон – С.Ц.] напрягает все силы на экспедицию в Англию, которая, очевидно, погубила бы его, и никогда не исполняет этого намерения, а нечаянно нападает на Мака с австрийцами, которые сдаются без сражения»². В целом все эти цитаты ярко свидетельствуют не только об отношении русского общества начала века к Австрии, но и о восприятии ее автором «Войны и мира».

2.2. Исторический генезис мотива австрийской измены: русско-австрийские взаимоотношения в XIX в. и внешняя политика Австрийской Империи в 1850-1860 гг.

При рассмотрении интересующего нас мотива следует, конечно, учитывать, что взаимоотношения европейских государств в эпоху наполеоновских войн вообще были неустойчивыми, и межгосударственные союзы могли быстро и резко сменяться боестолкновениями между теми же государствами. В 1806 г. Франция действительно образует альянс с Пруссией и Австрией, что едва ли можно воспринимать как предательство Австрией интересов России, поскольку сама Россия в 1809 г. заключает Тильзитский мир с Францией и начинает воевать с Австрией, своим бывшим союзником. Тактический характер подобных договоренностей подтверждает история сватовства Наполеона. В 1809 г. «в высшем свете говорили о возможности брака между Наполеоном и одной из сестер императора Александра»³, а, когда этот брак не состоялся, Наполеон обратился к Австрии, и последняя тотчас согласилась на брачный союз Наполеона с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой⁴. Но несмотря на

¹ Там же. С. 92.

² Там же. С. 254.

³ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1979. С. 159.

⁴ См.: Михайловский-Данилевский, А.И. Описание Отечественной войны 1812 года, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи. Ч. 1. 1840. С. 15.

то, что альянсы и компромиссы составляют суть дипломатии и не слишком поддаются нравственной оценке, в русском общественно-политическом сознании прочно закрепляется и развивается на протяжении XIX в. представление об Австрии как ненадежном союзнике, склонном к измене. Возвращаясь к Толстому, обратим внимание на то, что он тоже касался сюжета со сватовством Наполеона. В письме издававшему «Войну и мир» П.И. Бартеневу от 14 ноября 1867 г. Толстой сначала предлагал следующий вариант текста первой главы пятой части второго тома: «Императоры спорят о том, кто предложит Наполеону свою дочь в незаконные жены», а затем внес во фразу изменение, оттеняющее австрийскую уступчивость и льстивость: «Император Австрийский считает себя счастливым, что успел прежде других предложить свою дочь в незаконную жену» (61, 182). Несмотря на то, что эта фраза была в итоге удалена, Толстой выразил ту же мысль в первой части эпилога: «Император Австрии считает за милость то, что человек этот принимает в свое ложе дочь Кесарей»¹. В этих однотипных высказываниях явно выражается признание низкопоклонства и слабости императора Австрии перед Наполеоном.

Ощущение, что Австрии нельзя доверять, закладывается в русском обществе еще во время знаменитого итальянского похода А.В. Суворова 1799 г., который чуть было не закончился гибелью русской армии в Альпах вследствие намеренного нарушения австрийцами договоренностей о снабжении русской армии и прочей помощи ей, хотя именно Австрия и просила тогда Россию о совместном противодействии Наполеону. Иными словами, ситуация 1805 г. с участием армии Кутузова могла казаться дурным повторением того, что произошло несколькими годами ранее с суворовской армией.

В целом в XIX в. взаимоотношения России и Австрии отличаются тесными внешнеполитическими связями и столкновением интересов одновременно, что и рождает ощущение, что Австрия — не столько изначально враждебное государство, сколько именно неверный союзник России.

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981. С. 254.

Важным этапом в укреплении отношений двух стран после окончания наполеоновских войн стало создание Священного союза, направленного на подавление революционных движений в Европе. Россия и Австрия объединяются в рамках Союза в том числе для подавления восстаний в Италии и Греции. С 1830-х гг. их отношения все более обременяются «восточным вопросом». В XIX в. этот вопрос становится ключевым в их отношениях, что в итоге стало катализатором распада, казалось бы, прочного международного альянса двух европейских империй. Истоки этой проблемы возвращают нас в конец XVIII столетия, когда ослабление Османской империи вывело на повестку дня вопрос о будущем разделе её территорий среди главных европейских держав¹. Россия и Австрия были основными интересантами в событиях на Балканах, видя возможность получить территориальные приобретения после ухода Османской империи из этого региона². Согласно мирному договору, завершившему русско-турецкую войну 1828-1829 гг., Россия получила территории в устье Дуная, Бессарабию и части Восточной Анатолии³. Это значительно расширило влияние Российской империи на Балканах и в Черноморском регионе, что очень беспокоило Вену, которая не могла относиться равнодушно к возрастающему могуществу России на Балканах.

Позднее, в 1849 г., Россия оказала Австрии прямую военную помощь в подавлении революции в Венгрии и фактически спасла Австрийскую империю от распада. Однако затем австро-русские отношения вновь осложняются вследствие русско-турецкого конфликта на Балканском полуострове. Особое беспокойство у европейских держав, особенно у Австрии, вызвало занятие русской армией в 1853-54 гг. Дунайских княжеств, которые находились и в

¹ См.: История международных отношений: В трех томах: Т. I: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 116.

² См.: там же. С. 116.

³ См.: там же. С. 207.

сфере влияния Австрии¹. Император Франц Иосиф I уже не мог оставаться безучастным к действиям Николая I. В начале октября 1854 г. он пишет матери: «Ведь на Востоке лежит наше будущее, и мы ограничим здесь влияние России. Это жестоко, выступать против прежних друзей, но в политике невозможно иначе, а на Востоке Россия всегда наш естественный враг»². Это представление сыграет важную роль в формировании внешнеполитического курса Австрии в годы Крымской войны, когда она окончательно превратилась, с точки зрения Российской империи, из союзника во врага и предателя.

Правда, во время Крымской войны Австрия не могла открыто принять сторону Англии, Франции и Турции. Дело в том, что не меньше балканского вопроса ее беспокоил итальянский, актуальный со времен суворовских походов. В состав Австрийской империи входили земли северо-восточной Италии, что служило главным препятствием объединения последней. Усиление Сардинского королевства (Пьемонта) при поддержке французского императора Наполеона III создавало реальную угрозу для Вены, поскольку могло ускорить создание единой Италии. Французский император во время Восточной войны использовал эту карту, чтобы заставить Австрию перейти на свою сторону. Однако, поскольку французская военная активность также создавала угрозу отторжения от Австрии итальянских владений, Австрия не смела выступить решительно ни против Франции, ни против России. Поэтому в начале Восточной войны она пыталась занять позицию посредника между ними и вела двойственную политику.

Крымская война способствовала дальнейшему охлаждению в австро-русских отношениях. Когда Франция и Англия оказали военную помощь Турции, Россия оказалась в затруднительном положении. Император Николай,

¹ См.: Сироткина Е.В. Восточный вопрос, Крымская война и конец «Священного альянса» в австрийско-русских отношениях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2018. Т. 18, выпуск 1. С. 78.

² Цит. по: Котова Е.В. Политика Австрии накануне и в период Крымской войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 8 (94). URL: <https://history.jes.su/s207987840011044-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840011044-7. [Дата обращения: 10.05.2024].

десятилетием ранее спасший Австрийскую империю, рассчитывал на союз с ней, ибо, по его мнению, «австрийского императора прочно связывают с ним узы личной дружбы и признательности»¹. Однако, как мы уже видели, в дипломатической борьбе Австрия встала скорее на сторону Франции и Англии, предполагая, что Россия обречена на поражение. Впрочем, реально Австрия не вступила в войну, поскольку после революции 1849 г. ее финансовое положение было тяжелым.

Когда Николай узнал о позиции Австрии, он якобы написал на оборотной стороне портрета императора Франца Иосифа: «Du Undankbare» (неблагодарный)². Неблагодарность Австрии оскорбила императора, который выразил чувство враждебности к Австрии в письме генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому И.Ф. Паскевичу от 1 (13) июня 1854 г.: «Настало время готовиться бороться уже не с турками и их союзниками, но обратить все наши усилия против вероломной Австрии и горько покарать ее за бесстыдную неблагодарность»³.

В 1855 г. Австрия предъявила России ультиматум с такими тяжелыми для России требованиями, как запрещение держать флот и военно-морские базы на Черном море и отказ от покровительства православным поданным османского султана⁴. Очередная «австрийская измена» шокировала не только Петербург, но и все российское общество, полагавшее, что позиция Австрии и привела к столь досадному для России поражению. Однако и положение Австрии было непростым. Вопреки ожиданиям, на Парижском конгрессе, который подвел итоги Восточной войне, Австрия не добилась своих целей, не получив территорий на Востоке и не обеспечив себе безопасности в Италии. Фактически после Крымской войны она оказалась в международной изоляции. В довершение ко всему обострился итальянский вопрос: в 1859 г. Сардинское

¹ Цит. по: Катаев И.М. Россия и Австрия. М.: Т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1914. С. 34.

² Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. С. 194.

³ Цит. по: Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. С. 119.

⁴ См.: История дипломатии: Сборник под ред. В. П. Потемкина. 3 т. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1941. С. 441-442.

королевство (Пьемонт) с целью объединения итальянских территорий начало войну с Австрией при поддержке Франции, которая не интересовалась объединением Италии, но пыталась ослабить позиции Австрии¹. Россия, чувствуя себя оскорбленной позицией Австрии в Крымской войне, заняла нейтральную позицию. В результате поражения в этой войне Австрия отказалась от Ломбардии, но сохранила Венецианскую область.

В целом Австрия к этому времени уже рассматривалась как самое слабое звено в системе европейских государств. В силу неустойчивости своего положения она была вынуждена вступать в союзы с другими государствами. Как было упомянуто в первой главе, во время польского восстания 1863-64 гг. Австрия действовала против России совместно с Францией и Англией, хотя ее отношение к польскому вопросу было сложным.

1863 г. обострил дипломатическую борьбу в Европе не только в связи с польскими делами, но и в связи со шлезвиг-гольштейнским вопросом. В конце 1863 г., после того, как польское восстание было подавлено, этот конфликт оказался в центре внимания русской и европейской общественности. Именно он послужил причиной датско-немецкой войны 1864 г., в которой армия Австрии объединилась с армией Пруссии, заняв датские герцогства Шлезвиг и Гольштейн². Датские войска не смогли противостоять мощным союзным войскам, и Дания была вынуждена капитулировать и отказаться от Шлезвига и Гольштейна. Однако Австрия в этом альянсе находилась в пассивном положении, не имея особых интересов в Шлезвиг-Гольштейне. Но она не могла также оставаться в стороне и спокойно взирать на то, как Пруссия захватит герцогства, потому что это угрожало ее преобладающему положению в Германии³.

¹ См.: Королев П.И. Борьба Пруссии и Австрии за гегемонию в немецком мире в 1850-1860-х и позиции А.М. Горчакова // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований», 2011. Вып. 7. С. 43.

² См.: Козлов Н.О. Шлезвиг-Гольштейнский вопрос в трудах российских историков второй половины XIX столетия // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19(1). С. 256.

³ См.: Роотс Л.К. Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863-1864. Таллин, 1957. С.

После войны 1864 г. напряженность между Пруссией и Австрией росла с каждым днем, поскольку герцогства перешли в совместное владение Пруссией и Австрией, что не могло удовлетворить все более крепнущую под властью Бисмарка Пруссию, целью которой была аннексия герцогств. В связи с внутренними затруднениями Австрия пошла на компромисс, подписав 14 августа 1865 г. Гаштейнскую конвенцию. По ее условиям, Австрия получила управление Гольштейном, а Пруссия - Шлезвигом, а герцогство Лауэнбург было отдано Пруссии в личную собственность короля Вильгельма I¹. Однако подписание конвенции осложнило отношения Австрии с другими германскими государствами: конвенция рассматривалась как предательство Австрией интересов Германского союза². Наконец, заключение военного союза 8 апреля 1866 г. между Пруссией и Италией сделало положение Австрии на европейской политической арене совсем невыгодным. Кроме того, финансовое положение в стране было тяжелым, что повлекло за собой отставание Австрии от Пруссии в военном отношении. Тем не менее, правительственные круги Австрии стремились к восстановлению финансового благосостояния через войну с Пруссией, будучи убеждены в том, что первоочередной задачей страны является предотвращение банкротства³.

17 июня 1866 г. императорский манифест Франца Иосифа возвестил о начале внутригерманской – австро-прусской - войны. Хотя официальным поводом начала конфликта был Шлезвиг-Гольштейн, настоящая цель войны заключалась в достижении одной из сторон политического доминирования в Германии. Главное сражение, определившее исход войны, произошло при Кёниггреце (также известен как Садова) 3 июля 1866 г., когда прусские войска нанесли решающее поражение австрийским. Этот поражение практически

71.

¹ См.: Котова Е.В. Германский вопрос во внешней политике Австрийской империи в 1850—1866 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016050-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840016050-4. [Дата доступа: 10 января 2024 г.]

² См.: там же.

³ См.: там же.

решило судьбу войны, открыв путь прусским войскам к Вене и заставив Австрию заключить мирное соглашение. Согласно Пражскому договору, подписанному 23 августа 1866 г., Австрия была вынуждена отказаться от своих прав на Венецию и передать Пруссии в полное владение Шлезвиг-Гольштейн. Поражение в австро-прусской войне стало серьезным ударом для Австрии, значительно уменьшив ее влияние в Германии.

Итак, при рассмотрении русско-австрийских отношений в XIX в. и австрийской внешней политики мы убедились, что позиции Австрийской империи в Европе были нестабильны, что заставляло ее маневрировать, уступать другим, сохраняя при этом видимость своей влиятельности. Такая политика закрепила репутацию Австрии в России как внутренне слабого, но коварного предателя интересов последней. В следующем разделе мы рассмотрим, какой образ Австрии оказался запечатлён в творчестве русских публицистов и писателей того времени, что приблизит нас к лучшему пониманию «австрийского сюжета» в «Войне и мире».

2.3. Образ Австрии в русской публицистике середины XIX в.

Вследствие рассмотренных политических веяний в российском обществе предсказуемо формируется и активно обсуждается достаточно негативный образ Австрии. 17 июля 1854 г. А.Ф. Тютчева – дочь известного русского поэта и дипломата Ф.И. Тютчева - оставила запись в дневнике: «Австрия всегда действовала коварно по отношению к России. Между ней и нами антагонизм, какой существует между собачьей и кошачьей природой. Мы глупы, когда даем себя обмануть лживыми уверениями дружбы»¹.

Еще до начала Восточной войны, в конце 1840-х гг., неприязнь к австрийцам пробуждалась в русском обществе стараниями не столько дипломатов, сколько публицистов, прежде всего славянофильской и

¹ Тютчева А.Ф. Воспоминания: при дворе двух императоров. Дневник. М.: Захаров, 2016. С. 173.

панславистской ориентации, озабоченных тяжелым положением славянских народов под властью Габсбургов. М.П. Погодин в «Письме к министру народного просвещения по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году» подробно освещает угнетённое положение австрийских славян и указывает на цель, которую преследует Австрия: «вырвать язык из уст славян, затмить им их Историю и превратить их в немцев»¹. Он подчеркивал, что «Австрия похожа на гроб повапленный, на старое дерево, гниющее внутри, хотя и одетое снаружи листьями, такое дерево, которое один порыв ветра может исторгнуть с корнем вон»². В 1842 г. Погодин отмечал, что Австрия становится всё более слабой и предполагал, что при первом конфликте она может распасться на части³. В «Историко-политических письмах и записках в продолжение Крымской войны (1853-1856)» Погодин неоднократно выражал надежду на распад Австрии и последующее создание славянского федеративного государства⁴. В 1866 г. он писал, что Австрия подстрекает поляков к неприязни в отношении русских. Он констатировал, что Австрия является «предателем не только русского, но и всего славянского дела»⁵.

С 1861 по 1865 гг. И.С. Аксаков, как уже отмечалось, редактировал еженедельную газету «День», в которой уделял внимание и отношениям России и Австрии. Аксаков выступает категорически против их сближения. По его мнению, Австрия – «злейший враг освобождения Славян»⁶, и союз с ней только отвращает от России симпатии единоплеменных братьев. К тому же, сближение с Австрией может «накликать на нас [Россию – С.Ц.] вновь восточную войну и

¹ Погодин М.П. Письмо к министру народного просвещения по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году (1861) // Погодин М.П. Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 441.

² Погодин М.П. Политическое обозрение 1866 года (1867) // Погодин М.П. Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 104.

³ См.: там же. С. 105.

⁴ См.: Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны (1853-1856). М.: Типография В. М. Фриш, 1874. 380 с.

⁵ Погодин М.П. Политическое обозрение 1866 года (1867) // Погодин М.П. Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 106.

⁶ Аксаков И.С. Без назв. (1864) // Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860-1886: Т. 1-7. Т. 1: Славянский вопрос: статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси»; речи в Славянском комитете в 1876, 1877 и 1878. М.: тип. М. Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886. С. 29. Опубликовано в передовице «Дня» от 28 марта 1864 г.

заставить нас вновь испытать предательство Австрии»¹. В 1865 г. в «Дне» вышла статья Аксакова под заголовком «Почему Австрия не может сделаться Славянскою державой», в которой описываются различные славянские племена, живущие в Австрии. Указав, что у них не достаёт высшего духовного объединяющего начала и единоверия, Аксаков пришел к выводу, что «у Австрийских Славян нет общего Славянского знамени»².

Отношение Достоевского к Австрии было в основном предубежденным и отрицательным. Он напоминал, что Австрия не проявила благодарности России, которая спасла ее от распада в 1849 г. Кроме того, Достоевский не мог примириться с изменением политического курса Вены после войн Наполеона Бонапарта: «Пруссия и Австрия (которых Россия освободила от Наполеона I) сразу же после войны приписали всю честь побед, а после и вовсе заявили, что победили сами, а Россия лишь мешала»³. Политика канцлера Меттерниха⁴ вызывала у писателя особенно сильное отвращение. Согласно Достоевскому, все действия Австрии под руководством Меттерниха подчинены государственным интересам, в то время как настоящая политика великой страны должна базироваться на принципах «чести, великодушия и справедливости, даже, по-видимому, и в ущерб ее интересам»⁵.

Достоевский полагал, что Австрия, находящаяся под покровительством Пруссии, со временем войдет в ее состав, как ранее Шлезвиг и Гольштейн⁶. 19 августа 1864 г. Достоевский делает запись о сообщении в «Голосе» под заглавием «Искренность и прочность австро-прусского союза». Здесь была

¹ Там же. С. 32.

² Аксаков И.С. Почему Австрия не может сделаться Славянскою державой (1865) // Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860-1886: Т. 1-7. Т. 7: Общевропейская политика: статьи разного содержания. Из «Дня», «Москвы», «Руси» и других изданий, и некоторые не бывшие в печати. М.: тип. М. Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1887. С. 86. Опубликовано в: День, 1865, 11 ноября, № 43.

³ Достоевский Ф.М. Нечто о политических вопросах (1876) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 22. Дневник писателя за 1876 год. Январь-апрель. Л.: Наука, 1981. С. 122.

⁴ Князь К.Л. Меттерних – министр иностранных дел Австрии в 1809—1848 гг., известен своими крайне консервативными взглядами, его политику называли «меттерниховским абсолютизмом».

⁵ Достоевский Ф.М. Идеалисты и циники (1876) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 23: Дневник писателя за 1876 год. Май-октябрь. Л.: Наука, 1981. С. 65.

⁶ См.: Достоевский Ф.М. Записная тетрадь 1864 — 1865 гг. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 20. Статьи и заметки, 1862-1865. Л.: Наука, 1980. С. 190.

перепечатана заметка пражской газеты «Politik», которая сомневалась в искренности и прочности союза Австрии с Пруссией и отмечала, что «как Пруссия оттесняет Австрию от торгового договора, так же она постарается ограничить и ее политические притязания»¹.

Позднее, в «Дневнике писателя» 1876 г. Достоевский отмечает попытки Австрии «онемечить» славянские земли, «даже потеряв уже свои немецкие владения!»² С точки зрения Достоевского, Австрия является одной из основных стран, которые могут исчезнуть³. Писатель указывает на раздоры внутри Австрии: «Это образец всевозможных дуализмов, всевозможных внутри себя враждебных соединений, народностей, идей, всевозможных несогласий и противоречивых направлений»⁴.

Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа», впервые опубликованной в 1869 г., представил свою теорию культурно-исторических цивилизаций, придавая особенно большое значение славянской. Высказывая мнение о том, что славянские народы издавна являлись преданными поданными Австрийской империи, Данилевский признает несправедливость их положения в пределах этого государства: «Славяне составляют половину всего разнородного населения империи, а из всех ее народов пользуются наименьшими правами и беспрестанно приносятся в жертву немцам и мадьярам»⁵. Он подчеркивает, что в 1849 г. австрийские славяне при поддержке неавстрийских спасли Австрию от неминуемой опасности, но их неоценимый вклад был несправедливо забыт: «В 1848 и 1849 годах славяне, входившие в состав Венгерского королевства, спасли Австрию от мадьярского возмущения, а теперь, в награду за то, лишены значительной доли своей самостоятельности и подчинены мадьярам»⁶.

¹ Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. С. 273.

² Достоевский Ф.М. Нечто о политических вопросах (1876) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 22. Дневник писателя за 1876 год. Январь-апрель. Л.: Наука, 1981. С. 121.

³ См.: Достоевский Ф.М. Никогда Россия не была столь могущественною, как теперь (1877) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь-август. Л.: Наука, 1983. С. 148.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 419.

⁶ Там же. С. 416.

Как и Данилевский, славянофил А.Ф. Гильфердинг подчеркивал неблагодарность Австрии, хотя, несмотря на жестокие действия австрийского правительства, славяне в 1848-1849 гг. продолжали оставаться его защитниками¹. Однако после покорения Венгрии славянам «не только не дали никаких новых прав, но даже отняли все те, какие они имели прежде»². Славянские народы в Австрии испытывают правовые ограничения, каких они никогда прежде не ощущали: им запрещено писать и общаться даже по вопросам книг. Учебные заведения организованы так, чтобы славянские дети забывали свой язык и становились немцами³.

В целом, в славянофильских и почвеннических публикациях на эту тему повторялись, как правило, следующие мотивы: неблагодарность Австрии к заслугам России и славян, угнетённое положение славянских народов в Австрии, австрийское предательство во время Крымской войны и сепаратизм внутри страны, который неизбежно приведет ее к гибели.

Либеральные и демократические издания также активно освещали ситуацию в Австрии. Антипатия А.И. Герцена к Австрии отражена в статье «Война и мир» 1859 г., которую Толстой внимательно читал, собирая материал для романа о декабристе. В этой статье публицист отзывался об Австрии как о государственной фикции: «Австрия не народ. Австрия — полицейская мера, сводная администрация, она ни к чему живому не примыкает, не покоится на себе: без частей ее нет, это величайший исторический призрак, который когда-либо существовал. Тут все ложь»⁴. Соответственно, Герцен питал надежду на разрушение Австрийской империи: «Если же Австрия уничтожится

¹ См.: Гильфердинг А.Ф. Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 41.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 44.

⁴ Герцен А.И. Война и мир (1859) // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 томах. Том 14. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859-1860 годов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С.19. Опубликовано в газете «Колокол», 1859, 15 января, № 34.

как сводное государство, то тогда, какие бы судьбы романского мира ни были, мы всеми парусами входим в новую эпоху»¹.

Консервативные «Московские ведомости» Каткова, в свою очередь, отмечали «двусмысленную роль» Австрии в польском вопросе². По мнению газеты, цель Австрии заключается в ослаблении России и разрушении её сотрудничества с Пруссией, получении преобладания над последней³. Что касается славянского вопроса, то «Московские ведомости» также полагали, что Австрия с презрением относится к своим православным подданным⁴. С 1864 г. Катков часто обсуждал шлезвиг-гольштейнский вопрос, объясняя неожиданную солидарность Пруссии и Австрии следующим образом: Австрия согласится на союз с Пруссией с тем, чтобы последняя помогла ей в итальянском вопросе, хотя такая вероятность очень мала⁵. В датском вопросе Австрия считалась в то же время неравноправным партнером Пруссии. «Она в руках ее [Пруссии – С.Ц.] только орудие, почти жертва»⁶, - иронично оценивала газета позицию Австрии. После австро-прусской войны 1866 г. «Московские Ведомости» писали, что Австрия имеет искусственный состав, в ней нет национального единства⁷. Существование Австрийской империи оценивалось как «аномалия», «анахронизм»⁸.

Итак, можно прийти к выводу о том, что во второй половине XIX в. русские публицисты самых различных идеологических ориентаций относились к Австрии с предубеждением (прежде всего из-за ее отношения к славянам вообще и Российской империи, в частности) и предрекали ей скорую гибель. Подчас они проводили параллели между политикой Австрии в прошлом и настоящем, касались развития Австрии на протяжении XIX в. Так, Данилевский

¹ Там же. С. 101.

² Московские ведомости, 25 февраля 1863 г., № 43.

³ См.: там же, 14 апреля 1863 г., № 84.

⁴ См.: там же, 29 июня 1863 г., № 142.

⁵ См.: там же, 3 мая 1864 г., № 98.

⁶ Там же, 24 мая 1864 г., № 115.

⁷ См.: там же, 13 июля 1866 г. № 146.

⁸ Там же.

отмечал, что еще во второй половине XVIII в. Австрия начала испытывать признаки распада: внутри страны отсутствовало внутреннее единство, и она представляла собой лишь «сброд племен и народов, соединенных случайными обстоятельствами и внешней необходимостью»¹. Однако с приходом к власти Меттерниха Австрии удалось избежать распада, поскольку его основной целью было сохранение стабильности и спокойствия в государстве. В свою очередь, И.С. Аксаков утверждал, что Австрия с начала XIX в. непрестанно сталкивалась с вопросом, «чем ей быть»². Таким образом, стремление воспринимать австрийский вопрос в его динамике и в то же время констатировать устойчивость политического поведения этой империи было достаточно привычным для русских публицистов.

2.4. Австрия и австрийская политика в осмыслении Л.Н. Толстого

Вышесказанное дает некоторые основания полагать, что рассуждения об австрийской измене в «Войне и мире» должны были вызывать в читателе 1860-х гг. ощущение неустаревающей значимости описываемого, напоминая о злободневных событиях и обстоятельствах. В этом разделе мы разовьем эту мысль, подробно охарактеризовав восприятие Толстым австрийского вопроса в разные десятилетия. Наша гипотеза состоит в том, что интерес Толстого к австрийской измене мог быть вызван не только его стремлением исторически достоверно изобразить внешнеполитическую ситуацию времен наполеоновских войн, но и его представлениями о политике современной Австрии. Иными словами, описывая в «Войне и мире» внешнеполитические процессы полувековой давности, Толстой думал об их подобии современным политическим обстоятельствам и, более того, об обусловленности последних

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 404.

² Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860-1886: Т. 1-7. Т. 1: Славянский вопрос: статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси»; речи в Славянском комитете в 1876, 1877 и 1878. М.: тип. М. Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886. С. 414.

первыми, что, в том числе, и делало историю наполеоновских войн интересным для него объектом изучения.

Принцип мышления, основанный на проведении параллелей между эпохами, в целом был характерен для автора «Войны и мира». События современные часто давали стимул его творческому воображению, поскольку вызывали у него более сильные личные эмоции. Как показала в своей книге Фойер, первоначально «Война и мир» была задумана как историческая хроника: сопоставление нескольких эпох, подобных между собой в определенных отношениях (1812/1825/1856 гг.), позволяло Толстому выразить идею о том, что происходившие в эпоху создания романа социально-политические преобразования (Великие реформы Александра II) исторически подобны, а в какой-то степени и генетически обусловлены теми революционными веяниями, которые характеризовали Европу начала XIX в. и ассоциировались прежде всего с деятельностью Наполеона Бонапарта¹. В черновиках к роману Толстой проводил параллели между деятельностью Александра I и Александра II, а также Наполеона I и Наполеона III². Через обращение к прошлому писатель пытался понять современность, причем этот интерес поначалу носил преимущественно политический характер. Поэтому его книга поначалу задумывалась скорее как роман политический, нежели исторический.

Сопоставляя австрийские эпизоды «Войны и мира» с реальными историческими событиями, следует признать, что представление об Австрии как ненадежном союзнике в эпоху наполеоновских войн подтверждается, как мы уже показали, документальными свидетельствами и историками, обращавшимися к этому периоду. Толстой с соответствующими работами был знаком. Выше мы уже цитировали Михайловского-Данилевского и в то же время видели, что, основываясь на исторических фактах, Толстой мог добавлять в повествование элементы, которые придавали его описанию

¹ См.: Фойер К.Б. Генезис «Войны и мир». СПб.: Акад. проект, 2002. С. 210-212.

² См.: там же. С. 212.

австрийцев более ироничный оттенок. Почерпнуть сведения об Австрии он мог и из иностранных источников. Так, в работе Г.Т. Фабера «Примечания о французской армии последних времен с 1792 по 1807 год», которой Толстой пользовался во время написания «Войны и мира»¹, говорится, что австрийские солдаты и генералы, сбитые с толку после каждого своего поражения, не могли понять причину поражения и предпочитали слагать вину на свою несчастную судьбу². Однако, как отмечается в книге, корень поражений австрийцев кроется на самом деле не в неблагоприятности судьбы, а в их «собственном ослеплении, которое мешало им постигнуть планы высокой тактики»³. Кроме того, автор подчеркивает, что австрийцам не хватало смелости. Фабер противопоставляет им Суворова, который не только владел высочайшей военной стратегией, но и обладал безграничной смелостью, что в итоге привело к его победам над французскими войсками⁴.

Однако характерно, что в «Войне и мире» Толстой касается и современных событий с участием Австрии, которые не связаны со временем действия в романе. Так, говоря во второй части эпилога «Войны и мира» о связи между необходимостью и свободой, автор упоминает австро-прусскую войну 1866 г., окончившуюся, как мы помним, разгромом Австрии: «Австро-прусская война представляется нам несомненным последствием действий хитрого Бисмарка и т.п.»⁵; «Прусский король и Бисмарк предписывают, и войска идут в Богемию»⁶. В эпилоге писатель уже не связан сюжетом и размышляет о занимающих его теоретических вопросах, отталкиваясь от более близкого по времени, а потому более знакомого материала. Учитывая тот факт, что, как показали классики толстоведения, Толстой в ходе работы над «Войной и миром» отталкивался от

¹ См.: Список книг, которыми пользовался Л.Н. Толстой во время писания «Войны и мира» (16, 140-145).

² См.: Фабер Г.Т. Примечания о французской армии последних времен, с 1792 по 1807 год. (Перевод с французского). СПб.: В Медицинской типографии, 1808. С. 34.

³ Там же. С. 35.

⁴ См.: там же. С. 37.

⁵ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981. С. 344.

⁶ Там же. С. 328. Речь идет о прусско-австрийской войне 1866 г., одной из захватнических войн, которые вело прусское правительство, возглавлявшееся с 1862 г. О. Бисмарком (1815—1898).

злободневных политических проблем и дискуссий¹, есть основания полагать, что и мотив австрийской измены мог быть в немалой степени навеян реальностью 1860-х гг., а затем уже подкреплён документами и воспоминаниями начала XIX в. Являясь художником слова, а не историком, Толстой в своей творческой работе свободно соединял собственные представления с историческими свидетельствами; разрабатываемый им мотив австрийской измены позволял органично синтезировать одно с другим при создании проанализированных эпизодов книги.

От анализа художественных примеров перейдем к биографическим, также подтверждающим нашу мысль. По мнению Фойер, замысел «Войны и мира» складывается около 1856 г., когда Толстой пытается осмыслить итоги проигрыша России в Крымской войне, который он не мог не принимать близко к сердцу как ее непосредственный участник². Это, в свою очередь, предполагало размышление и о роли Австрии в этой войне, что придавало отношению писателя к австрийской теме непосредственный, даже пристрастный характер.

Напомним, что в 1854 г., когда молодой Толстой служит в армии, он переводится с Кавказа в Дунайскую армию и становится свидетелем осады крепости Силистрия. Под нажимом Австрии русские войска были выведены из Дунайских княжеств, а штурм Силистрии отменен, что вызвало ропот в русской армии. Толстой также воспринимал это как «настоящее несчастье» (59, 275). Соображение о том, что причиной военного поражения может быть «измена», не было ему в принципе чуждо: так, после проигрыша Инкерманского сражения осенью 1854 г. он намекал на возможную измену главнокомандующего князя Меншикова как на причину поражения (47, 270).

Как мы полагаем, недоверие Толстого к Австрии, сформировавшееся во

¹ См.: Фойер К.Б. Генезис «Войны и мир». СПб.: Акад. проект, 2002. 332с; Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.; Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855-1870. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2010. С. 94-154.

² См.: Фойер К.Б. Генезис «Войны и мир». СПб.: Акад. проект, 2002. С. 195.

время службы в армии, должно было усилиться в 1860-е гг. под влиянием его круга чтения и общения. В середине 1860-х гг., во время работы над «Войной и миром», он много общается с публицистами славянофильской ориентации – вышеупомянутыми И.С. Аксаковым, Самариным, Погодиным¹. Хотя кажется, что тема положения славян в Австрии не слишком интересовала писателя, мы имеем подтверждение того, что он ориентировался и в этом вопросе. Очень интересным кажется его письмо жене от 4 декабря 1864 г., в котором Толстой говорит о желании встретиться с Н.А. Поповым – молодым активным историком (и одним из ухажеров С.А. Берс до ее замужества²), который провел два года за границей, изучая, главным образом, быт австрийских славян. Именно об Австрии и собирался поговорить с ним Толстой: «Аксаков напомнил мне, приехал за сведениями об Австрии, сказал мне, что лучше всего обратиться к Нилу Попову, который только оттуда приехал. Я непременно постараюсь увидеть его» (83, 78). Н.Н. Гусев в материалах к биографии Толстого отмечал, что в декабре 1864 г. во время пребывания в Москве Толстой усиленно собирал материалы для своей работы и доставал книги у профессора истории Н.А. Попова, т.е. полагал, что такие встречи состоялись³.

В своих статьях и книгах Попов касался в основном вопросов языка и культуры славян, но иногда высказывался об австрийской политике в целом. Например, в «России и Сербии» он отмечал, что Австрия не желает единства славян и опасается русского влияния на австрийских славян⁴. В более поздней работе «Австрийская публицистика перед введением дуализма (1865-1866)» Попов обращался к более широкому политическому контексту. Он

¹ См.: Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 499.

² Летом 1862 г. Попов ухаживал за Соней Берс (Софьей Андреевной Толстой), вызвав чувство ревности у Толстого. См.: Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Научная, педагогическая и общественная деятельность. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С. 320; Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1938. Т. 83. С. 77-78; Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: воспоминания. Ленинград: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. С. 101.

³ См.: Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 634.

⁴ См.: Попов Н.А. Россия и Сербия: Историч. очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. Ч. 1-2. М.: К. Солдатенков, 1869. Ч. 2. С. 337.

солидаризировался с мнением чешского аристократа графа Гарраха, автора брошюры под заглавием «Спасение Австрии», который отмечал, что русские усилия удержали Австрию от падения, однако после 1850 г. эта услуга была забыта. Славяне не пользуются должным уважением в Австрии, а «о славянах было забыто, России отплатили черною неблагодарностью: страшилище панславизма снова заставило возвышать Магьяр, Немцев и Итальянцев в ущерб Славянам»¹.

В черновиках первого тома «Войны и мира» Толстой также касается вопросов быта и языка славян, в том числе австрийских, описывая, как русские войска проходили Галицию и Польшу: «Проходили больше сорока верст в сутки, было много отсталых и порядок уже не был таков, каков он был, когда они только выступили за границу и проходили Галицию. В войске ходили разные слухи. Одни говорили, что Бонапарт уж на границах Австрии, что началась война, что австрийцы разбиты, что русские войска, одни говорили, идут в Вену, другие — в Париж, но слухи ходили, никто им не верил. Одно понимал каждый до последнего солдата, что коли везут на подводах и по сорока верст в сутки, то не для парадов, а что скоро каждому придется понюхать пороху и выставить свой лоб под ядро или пулю. Такая мысль всегда придает веселое настроение армии, и армия была весела, несмотря на осеннее, ненастное время и скверные, грязные дороги и беспрестанные болезни, которые заставляли оставлять людей в австрийских гошпиталях. Проходили с русскими песнями, русским говором, русскими мыслями и русскими привычками сначала польские деревни, города, стояли у жителей, как будто по дружески обращаясь с ними, но в сущности глядя на них, как на немножко завоеванный уже народ; ломали с ним русский и польский язык на средний, который бы должен был быть непонятен никому, но который, как будто, понимали и те и другие; принимали фураж и провиант от немцев чиновников, подтрунивая над колбасниками [...] Проходили потом, так

¹ Попов Н.А. Австрийская публицистика перед введением дуализма. 1865-1866. Киев: изд. Н.П. Задерацкого, 1878. С. 35-36.

же с собой пронося везде русской дух, Богемию, в которой иначе надо было ломать язык, за что солдаты постоянно упрекали богемцев («наладились было, опять ломай язык», говорили они), и, чем дальше уходили, тем плотнее сжимался этот, точно кусок России, который оторвался от нее и пошел с штыками и песнями, пешком и верхом ходить по разным землям и, чем дальше, тем беззаботнее, и веселее, и русее казался этот оторванный кусок России» (13, 303).

Наконец, в поздние годы Толстой неоднократно высказывался об Австрии и о положении славян под властью Австрийской империи. В августе 1894 г. в Ясной Поляне впервые появился словак Д.П. Маковицкий, чей рассказ об Австрии, очевидно, заинтересовал Толстого: «... Очень интересный доктор славянин. Много интересного рассказывал о том зловредном влиянии, которое производит патриотизм в маленьких народностях Австрии. Они грызутся между собой и с верховной властью, и им кажется, что они заняты очень важными делами» (52, 134). Незадолго до смерти, в 1908 г., Толстой откликнулся на аннексию Боснии и Герцеговины Австрией и угрозу войны последней с Сербией, написав статью «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии». Здесь, правда, Толстой рассматривает проблему не под политическим, а под религиозным углом зрения, подчеркивая, как и в других своих поздних работах, что народы должны отрешиться как от насилия, так и от патриотизма: «Боснякам, и герцеговинцам, и вам, сербам, и всем славянским народам, при теперешних событиях, прежде всего нужно уже никак не готовиться к войне, то есть к тем самым преступлениям... а нужно перестать разжигать в себе отсталый от веры грубый сербский и всеславянский патриотизм, то есть тот самый обман и отступление от сознания своего единства со всем человечеством» (37, 229). Поэтому он не одобряет ни имперских притязаний Австрии, которую называет «разбойничьим гнездом», ни «раздражения» славянских народов, готовых к войне с ней за свободу. Как же следует поступать славянам, каким образом противостоять Австрии и её

деспотичному правительству? В своей статье Толстой дает свой совет на этот счёт: «Освободиться всеми силами от губительного суеверия патриотизма, государства и сознать каждому человеку свое человеческое достоинство» (37, 241).

Впрочем, иногда поздний Толстой комментирует австрийский вопрос и с политической точки зрения. В связи с присоединением Боснии и Герцеговины к Австрии он размышляет о том, «что было бы интересно спросить австрийского государственного человека, чем они объясняют жестокое обращение со славянами»¹. Толстой и Маковицкий неоднократно рассуждают о смертных казнях, совершавшихся в Австрии. Маковицкий отмечает, что в Австрии больше приговоров, так как «в Австрии законы старее и более драконовские»².

При этом, некоторые толстовские суждения об Австрии явно делаются на основе наблюдений прошлого времени. Так, однажды писатель заявляет, что «Австрия — это образец государственной нелепости, потому что даже одной нации нет (как во Франции, Италии), а странная амальгама»³. Нельзя исключать, что такое мнение сложилось еще тогда, когда Толстой писал «Войну и мир». Как мы уже видели, в 1860-е гг. такое мнение разделялось и Герценом, и «Московскими Ведомостями». Та же мысль была выражена Толстым в 1904 г., когда он удивился тому, как еще «держится Австрия, страна, где столько наций и земель со столькими противоположными интересами. Ей уж в начале девятнадцатого века сулили конец»⁴. Таким образом, суждения и прогнозы начала века, которые Толстой мог знать по историческим документам, как бы подхватывались публицистикой середины века, что придавало австрийскому вопросу устойчивость в общественном сознании. В то же время процитированная только что фраза подтверждает, что Толстой был склонен

¹ Цит. по: Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904—1910: Яснополянские записки: В 5 кн. Кн. 3: 1908—1909 (январь — июнь). М.: Наука, 1979. С. 254.

² Там же. С. 293.

³ Цит. по: там же. С. 227.

⁴ Цит. по: Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904—1910: Яснополянские записки: В 5 кн. Кн. 1. 1904—1905. М.: Наука, 1979. С. 158.

воспринимать австрийский вопрос в его динамике, детерминистски прослеживая его развитие от начала XIX в. (событиям которого посвящена «Война и мир») к концу.

Дневниковые записи Маковицкого содержат и другие высказывания писателя об Австрии. 5 ноября 1905 г. М.С. Сухотин в разговоре с Толстым упомянул о Польше, где, по слухам, разразилась революция, и стал говорить о том, на поддержку какой державы могут рассчитывать поляки. Толстой ответил: «Франция боится, уступает перед Пруссией. А Австрия, как всегда, будет балансировать, где выгоднее»¹. Здесь интересно то, что уклончивость или переменчивость австрийской политики заявлена как ее характерное (несомненное для Толстого) свойство. Далее Толстой возвращается к своей любимой теме, отмечая, что организация венгров, изначально созданная для борьбы за освобождение от австрийского владычества, со временем сама превратилась в орудие насилия: «Венгерцы организовались для насильственного избавления от немцев-австрийцев, а теперь эта создавшаяся власть сама угнетает других»².

Наконец, у Маковицкого можно найти высказывания Толстого непосредственно об австрийской внешней политике 1850-60-х гг. В 1905 г. Толстой вспоминал сражение у Сольферино 1859 г., которое, напомним, ускорило поражение Австрии в ходе итальянско-французско-австрийской войны³. Интересно, что во время своих заграничных путешествий Толстой не посещал Австрию, хотя в 1857 г. видел, как вооружаются швейцарцы, опасаясь войны с Пруссией при участии Австрии (47, 138-139).

Таким образом, во время работы Толстого над «Войной и миром» в его сознании уже должен был сложиться политический образ Австрии, который подкреплялся также историческими документами и исследованиями. Поэтому

¹ Цит. по: там же. С. 447.

² Цит. по: Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904—1910: Яснополянские записки: В 5 кн. Кн. 2. 1906—1907. М.: Наука, 1979. С. 31.

³ См.: Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904—1910: Яснополянские записки: В 5 кн. Кн. 1. 1904—1905. М.: Наука, 1979. С. 357.

можно сделать вывод о том, что мотив австрийской измены в романе является результатом синтеза личных впечатлений, изучения источников (как 1800-1810-х, так и 1850-60-х гг.) и художественных обобщений писателя.

Глава 3. Фигуры Бисмарка и Наполеона III в осмыслении Л.Н. Толстого: к проблеме «роли личности в истории» в «Войне и мире»

3.1. Наполеоновский миф в европейской культуре и политике XIX в.

В этой главе мы обратимся к прусскому и французскому вопросам и их осмыслению русской дипломатией и общественностью 1860-х гг. Обращение к этой теме позволит нам проследить генезис наполеоновской темы в «Войне и мире», лучше понять причины интереса Толстого к роли великой личности в истории. Известно, что наполеоновская тема была весьма распространена в русской литературе на протяжении XIX в. Образ Наполеона преимущественно был связан с размышлениями о героическом начале, с анализом роли индивидуальности в историческом процессе и обсуждением моральных качеств великих людей ¹. Общеευропейский интерес к Наполеону Бонапарту, усилившийся в 1860-е гг., можно объяснить историческими событиями 1840-50-х гг. С одной стороны, французская революция 1848-1849 гг. вызывала ассоциации с Великой французской революцией, которая была неразрывно связана с именем Наполеона, рассматриваемого и Толстым в качестве символа революционных перемен ². С другой стороны, Крымская война часто

¹ См.: Матюшенко Е.Г. Наполеоновский миф в России // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: «Минувшее», 2003. С. 174-195; Померанц Г.С. Наполеонов комплекс в русской литературе // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: Минувшее, 2003. С. 195-201; Смирнов А.Ю. «Наполеоновская идея»: мираж или руководство к действию? // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: «Минувшее», 2003. С. 12 – 20; Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» [пер. с фр. А. П. Бондарева]. М.: Молодая гвардия, 2009. 361с.; Черепанова Р.С. Наполеон как фигура русского национального самосознания // Наполеоновские войны на металльных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М.: Ключ-С, 2011. С. 176-192; О наполеоновском сюжете в художественной литературе см., напр.: Артамонова И.В. «Наполеоновский комплекс» в русской классике первой трети XIX века: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2018. 212 с; Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Изд-во МГУ, 1978. 294 с.; Беляев В.В. Россия и Наполеон в поэме Гоголя «Мертвые души» // Известия Саратовского университета. 2009. Т.9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 4. С. 65-70; Вольперт Л.И. Наполеоновский «миф» у Пушкина и Стендаля // Пушкинские чтения: Сборник статей / Сост. С. Г. Исаков. Таллинн, 1990. С. 88-107; Никольский Е.В. Наполеон Бонапарт между Христом и антихристом: парадоксы императора и рецепция его личности в поэзии // Россия в отечественных войнах: сб. научн. работ. Оренбург, 2012. С. 205-208.

² См.: Матюшенко Е.Г. Наполеоновский миф в России // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных

сопоставлялась с Отечественной войной 1812 г. Поражение России в Крымской войне актуализировало сравнение двух конфликтов, один из которых воплощал славу России, тогда как другой — обидное поражение¹.

В 1860-е гг. были опубликованы такие значимые литературные произведения, как «Война и мир» Толстого и «Преступление и наказание» Достоевского. Оба романа предполагают развенчание культа Наполеона и наполеоновских идей², что соответствовало общей тенденции развития наполеоновского мифа в Европе в этот период³. Сходство трактовки наполеоновской темы в осмыслении Толстого и Достоевского подчеркивал Ю.Ф. Карякин: «Неоценимая заслуга Достоевского и Толстого перед человечеством состоит еще и в том, что они развенчали "величие" мнимое: всех и всяких наполеонов как "авторов" новой и новейшей истории они сделали — персонажами литературы, поместили их души, их идеи под мощный микроскоп искусства, разоблачили их мистификацию, вскрыли чудовищность, смертоносность и в то же время — ничтожество и смехотворность их претензий, сокрушили культ всякого бонапартизма, хотя этой духовной победе, этим открытиям, на свою беду, слишком долго не верили»⁴.

Но если Достоевский уделяет больше внимания противопоставлению наполеоновских идей принципам морали, то Толстой в большей степени исследует вопрос о значении личности в исторических событиях.

конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: «Минувшее», 2003. С. 186.

¹ См.: там же. С. 187.

² См.: напр. Евнин Ф.И. Роман «Преступление и наказание» / Творчество Достоевского. ред. Н. Л. Степанов. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 152–157; Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание»). М.: Худож. лит, 1986. С. 112-113; Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807-1814. М.: РОССПЭН, 2012. 677 с.; Тамарченко Н.Д. Наполеоновская тема у Толстого и Достоевского («Преступление и наказание» и «Война и мир») // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: «Минувшее», 2003. С. 276-283; Тихомиров Б.Н. к вопросу о «прототипах образа идеи в романах Достоевского» // Достоевский: Материалы и исследования. 1992. Т. 10. С. 42–45; Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855—1870. Madison, Wisconsin, 2010. 277 с.

³ Во второй половине XIX века в европейской литературе осмысляются идеи наполеонизма, например у Виктора Гюго в романе «Отверженные» (1862), а также в работах Фридриха Ницше, Леонардо Бургера, Джорджа Байро. См.: Матюшенко Е.Г. Наполеоновский миф в России // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: «Минувшее», 2003. С. 191.

⁴ Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. М.: Сов. писатель, 1989. С. 203.

Исследователи уже не раз рассматривали эту тему в свете философских и историографических воззрений писателя: в частности, отмечались неприятие Толстым гегельянских взглядов на исторический процесс, его полемика с позитивистами, с французской школой историографии¹.

Мы же попробуем осветить тему с «внешнеполитической» стороны. На наш взгляд, образ Наполеона (и политического лидера как такового, претендующего на то, чтобы определять судьбы нации) складывается в сознании Толстого в том числе и под влиянием наблюдения за политическими карьерами европейских лидеров – прусского министра-председателя Бисмарка и французского императора Наполеона III. В это время происходит столь важный для судеб всей Европы процесс, как объединение Германии, возглавляемое Бисмарком. Предшествующая этому объединению франко-прусская война начала 1870-х гг. свидетельствовала о столкновении не просто двух держав, но и амбиций их политических руководителей – Бисмарка и Наполеона III.

Ниже мы опишем, как восприятие деятельности этих политических фигур в России создавало тот политический фон, на котором создается роман Толстого. Поскольку в целом наполеоновский сюжет «Войны и мира» хорошо изучен, мы не будем предварительно подробно его описывать, а сразу обратимся к внешнеполитическому контексту, а затем перейдем к восприятию его Толстым, сосредоточившись на его оценке деятельности вышеуказанных политических фигур и философском и художественном осмыслении этой деятельности.

¹ См.: Бендерский И.И. История между литературой и наукой: философско-методологический анализ «Войны и мира» Л.Н. Толстого: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.08. М., 2016. 137 с.; Гулин А.В. Исторические источники в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 1992. 241 с.; Орвин Д.Т. Искусство и мысль Толстого, 1847-1880. СПб.: Акад. проект, 2006. 303 с; Love J. The Overcoming of History in «War and Peace». Amsterdam: Editions Rodopi, 2004. 211 pp; Лурье Я.С. После Льва Толстого: Ист. воззрения Толстого и пробл. XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. 166 с; Tolstoy on War: Narrative art and Historical Truth in «War and Peace» / Edited by Rick McPeak and Donna Tussing Orwin. Ithaca; London: Cornell University Press, 2012. 246 с; Ungurianu D. Plotting History: The Russian Historical Novel in the Imperial Age. Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 2007. 335 с.

3.2. Исторический фон наполеоновского мифа во второй половине XIX в.: прусский вопрос и деятельность Бисмарка

В XIX в. взаимоотношения России и Пруссии прошли через несколько значимых стадий. После окончания наполеоновских войн в международных отношениях наступила эпоха, именуемая Венской системой¹. Россия, Пруссия и Австрия создали в сентябре 1815 г. Священный союз. Участие в нем стало важным этапом и в развитии отношений России с Пруссией.

Во время царствования Николая I взаимоотношения России и Пруссии отличались наибольшей близостью. Во-первых, русский двор был связан с прусским тесными родственными узами: в Берлине Николая I называли «наш зять», поскольку император женился на прусской принцессе Александре Фёдоровне²; во-вторых, между Россией и Пруссией не было прямых столкновений по восточному вопросу, которые происходили между Австрией и Россией. Более того, Пруссия не препятствовала внешнеполитическим шагам русского двора. Например, после завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Пруссия поддержала требования к Порте, выдвинутые русской стороной³.

Польское восстание 1830—1831 г. также сблизило позиции держав. Будучи участником разделов Польши, Пруссия твердо стояла на стороне России и поддерживала принимаемые Николаем I решения⁴. Однако положение изменилось в 1840-х гг., когда в Пруссии начались первые попытки умеренно-либеральных преобразований, вызвавшие беспокойство Николая⁵. В свою очередь, создание таможенного союза в 1834 г. по инициативе прусского короля привело к обострению торговых отношений между Россией и Пруссией.

¹ См.: Певнева М.В. Основные политические аспекты российско-прусских отношений: от эпохи наполеоновских войн до объединения Германии в 1871 году // Юный ученый. 2023. № 11 (74). С. 27. URL: <https://moluch.ru/young/archive/74/3954/> (дата обращения: 04.01.2024).

² См.: Кудрявцева Е.П. Россия и Пруссия во второй четверти XIX века // Новая и новейшая история. Том 63. No 4. 2019. С. 53.

³ См.: там же. С. 54.

⁴ См.: Пичета В.И. Россия и Пруссия в период польского восстания 1830–1831 гг. Ученые записки института славяноведения, т. III. М., 1951, С. 162.

⁵ См.: Нарочницкий А.Л. Международные отношения европейских государств от Июльской революции во Франции до Парижского мира. (1830-1856 гг.) М.: тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1946. С. 26.

В 1840-х гг. Николай I отменил большинство льгот для прусских товаров, что вызвало недовольство прусской буржуазии¹.

В 1848 – 1849 гг. обострилось соперничество между Австрией и Пруссией за преобладание в Германии. В конце марта 1849 г. Франкфуртское национальное собрание избрало прусского короля Фридриха Вильгельма IV императором будущей единой Германии. Он начал проводить демократичную политику, выразившуюся в том числе в создании прусско-саксонско-ганноверской унии (союзного государства), члены которой обязались даровать Германии новую конституцию и избирательный закон². Нет сомнения, что эти меры не могли вызвать симпатий российского правительства. Кроме того, Николай I более симпатизировал не Фридриху Вильгельму IV, казавшемуся либералом, а австрийскому императору Францу Иосифу, рассматривая его как своего «наследника» в силу консервативного характера последнего. Поэтому в соперничестве двух германских государств Россия встала на сторону Австрии.

В начале 1850-х гг. русско-прусские отношения осложнились Ольмюцкими соглашениями, воспринимаемыми как «унижение» Пруссии. Они стали следствием первой датско-немецкой войны 1848-1850 гг. В 1848 г. в Гольштейне и южной части Шлезвига вспыхнуло революционное национальное движение за отделение от Дании³. Прусское правительство, мечтавшее о присоединения Шлезвига, поддержало восстание. Дания не в силах была противостоять Пруссии и обратилась за помощью западных держав. 2 июля 1850 г. в Берлине был подписан мирный договор между Данией и Пруссией, согласно которому все осталось в довоенном положении⁴. Затем осенью 1850 г. из-за гессенского и шлезвиг-гольштейнского вопросов обострились уже отношения Австрии и

¹ См.: там же. С. 27.

² См.: История международных отношений: В 3 т. Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. Т. 1. С. 244.

³ См.: Роотс Л.К. Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863-1864. Таллин, 1957. С. 17.

⁴ См.: там же. С. 19.

Пруссии, что привело к их столкновению¹. Из-за боязни новой революции в Германии Николай I решил положить спору конец. Австрия и Россия заставили Пруссию подписать конвенцию в Ольмюце, согласно которой Пруссия отказалась от планов аннексии Шлезвига и Гольштейна и унии северогерманских государств².

Во время Крымской войны позиция Пруссия оказалась весьма сложной. Великобританское и австрийское правительства настаивали на ее вступлении в войну с Россией, против чего активно выступал Бисмарк, желавший сохранить для Пруссии свободу действий³. Пруссия склонялась к нейтралитету. Действия Бисмарка заложили основу для дальнейших дружественных отношений между Пруссией и Россией. Сближение России и Пруссии с 1856 по 1860 г. диктовалось и общими антиавстрийскими настроениями⁴. Позднее Россия хотела использовать Пруссию как противовес державам Крымской коалиции, чтобы преодолеть тяжелые для России статьи Парижского мира 1856 г.⁵

Польское восстание стало поворотом к полномасштабному сближению России с Пруссией, поскольку Пруссия предоставила России военную поддержку в подавлении восстания. Позиция Пруссии высоко оценивалась российским императором Александром II⁶, хотя ее не одобрял Горчаков. По мнению последнего, за сближение с Пруссией придется дорого заплатить в будущем⁷.

Действительно, вследствие этой помощи со стороны Пруссии России пришлось занять нейтральную позицию в датско-немецкой (1864),

¹ См.: там же. С. 20.

² См.: Нарочницкий А.Л. Международные отношения европейских государств от Июльской революции во Франции до Парижского мира. (1830-1856 гг.) М.: тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1946. С. 35.

³ См.: Полетика Н.П. Пруссия и Крымская война // Труды ЛОИИ. Вып. 12. Л.: «Наука», 1971. С. 265.

⁴ См.: Королев П.И. Борьба Пруссии и Австрии за гегемонию в немецком мире в 1850–1860-х гг. и позиция А.М. Горчакова // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований» Выпуск 7 - 2011 г. С. 43.

⁵ См.: Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М.: Госполитиздат, 1960. С. 14.

⁶ См.: Дударев В.С. Бисмарк: «Не вижу мотивов, чтобы увеличивать между нами и Россией трещину» // Новая и новейшая история N. 4 / Июль-Август 2016. С. 102.

⁷ См.: История дипломатии: Сборник / под ред. В. П. Потемкина. В 3 т. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1941. С. 484.

австро-прусской (1866) и франко-прусской войнах (1871). Правда, в это время Российская империя отказывается от вмешательства в европейские дела и сосредотачивается на внутренней политике¹. Все это способствовало успеху политики Бисмарка, который пытался вытеснить Австрию из Германского союза. Далее мы обратимся непосредственно к описанию внешнеполитической стратегии Бисмарка, направленной на объединение Германии.

С середины XIX в. до 1871 г. между Австрией и Пруссией шла борьба за главенство в германском мире. Эта борьба должна была определить, кто будет осуществлять объединение немецких земель. Прусское правительство во главе с Бисмарком стремилось объединить немецкие земли «сверху», т.е. под властью прусской монархии, в то время как намечался и другой путь – объединение Германии «снизу», т.е. революционным путем². В конечном итоге именно Бисмарк сыграл судьбоносную роль в объединении Германии.

11 сентября 1862 г. Отто фон Бисмарк возглавил правительство Пруссии. До этого он принял активное участие в подавлении революции 1848-1849 гг., что оказало огромное влияние на формирование его политических взглядов³. Осенью 1862 г. Бисмарк произнес знаменитые слова: «... не речами и парламентскими резолюциями решаются великие вопросы времени – в этом была крупная ошибка 1848 и 1849 гг. – а железом и кровью»⁴. Чтобы не допустить в стране революции, Бисмарк решил объединить Германию «сверху»⁵. В июне 1862 г. он посетил Лондон, где раскрыл Дизраэли свои планы: «Моя первая задача будет заключаться в том, чтобы, с помощью или без помощи ландтага, реорганизовать прусскую армию. Далее, я воспользуюсь первым удобным предлогом для того, чтобы объявить войну Австрии,

¹ См.: Лесник С. Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштейнском вопросе // Красный архив. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1939. Том 2 (93). С. 85.

² См.: Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М.: Госполитиздат, 1960. С. 7.

³ См.: Зубов В.В. Россия и Германия при министре-президенте Пруссии Отто фон Бисмарке в 60-е годы XIX века // Известия МГТУ «МАМИ». 2015. № 1(23). Т. 6. С. 10.

⁴ Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940-1941. Т. 1. С. 10.

⁵ См.: Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М.: Госполитиздат, 1960. С. 32.

уничтожить Германский союз, подчинить своему влиянию средние и мелкие государства и создать единую Германию под главенством Пруссии»¹. Однако он прекрасно понимал, что только за счет прусской силы трудно будет вытеснить Австрию из Германского союза, ибо последняя еще имеет немалое влияние в германском мире. Как дальновидный дипломат, Бисмарк чувствовал, что поддержка со стороны России жизненно важна для осуществления его внешнеполитических планов. Бисмарк выражал свою позицию достаточно ясно: «У нас нет политических интересов на Востоке»², т.е. нет отношений конкуренции с Россией. Политический расчет подсказал ему, что дружба с Россией необходима, и он делал серьезные и обдуманые шаги по сближению с ней.

Первый шаг был сделан во время польского восстания 1863 г. Пруссия решила вступить на путь сотрудничества с Россией только после того, как получила информацию о военной ситуации в Польше, узнав о слабости повстанцев и невозможности их победы³. Посредством Альвенслебенской конвенции о сотрудничестве между Россией и Пруссией для совместного подавления польского восстания Бисмарку удалось укрепить связи с Россией и разрушить русско-французские отношения, перспективы которых его тревожили.

С обострением в 1860-е гг. шлезвиг-гольштейнского вопроса общественный подъем охватил буржуазию и интеллигенцию Пруссии, требовавших национального единства и либеральных реформ⁴. Германская буржуазия надеялась на включение Шлезвига и Гольштейна в Германский союз. Бисмарк прекрасно понимал стратегическое значение герцогств для Пруссии и не мог пропустить такой шанс ее усиления. В своих «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк высказал свой план решения шлезвиг-гольштейнского

¹ Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940-1941. Т. 1. С. 15.

² Там же. С. 32.

³ См.: История дипломатии: Сборник / под ред. В. П. Потемкина. 3 т. М.: Соцэкгиз, 1941, Т. 1. С. 484.

⁴ См.: Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М.: Госполитиздат, 1960. С. 33.

вопроса: «Из всех возможных вариантов урегулирования датского вопроса, которые сулили герцогствам некоторое облегчение по сравнению с наличными условиями, я считал наилучшим присоединение к Пруссии»¹. Для прикрытия своих целей Бисмарк решил использовать сотрудничество с Австрией. С одной стороны, «пока Австрия была с нами, отпадала вероятность коалиции других держав против нас»²; с другой – Бисмарк пытался воспользоваться обстановкой, чтобы подорвать статус Австрии в Германском союзе.

В России намерения Бисмарка объясняли желанием подавления революционных движений в герцогствах, которые (движения) вызывали обеспокоенность и Александра II. Вышеописанной войной с Данией 1864 г. закончился первый этап объединения Германии под властью прусских помещиков-юнкеров. Уверенная победа позволила Пруссии значительно укрепить свои позиции в Германском союзе и Европе в целом. Кроме того, война стала предлогом для развязывания войны с Австрией. Напомним, что посредством молниеносной и победной военной кампании 1866 г. Пруссия аннексировала несколько северонемецких территорий и укрепила лидерство в регионе.

Войны 1864 и 1866 гг. стали важным этапом на пути объединения немецких территорий и непосредственно предшествовали созданию Германского рейха в 1871 г. В свою очередь, консолидация немецких земель в имперское государство постепенно приведет к выработке новых принципов взаимодействия европейских государств, т.е. происходящее в Германии окажет влияние на расклад сил в Европе в целом. Вследствие появления нового сильного «игрока» на европейской арене другие государства будут вынуждены объединяться в альянсы, дабы отвлечь от себя возможность поражения наподобие того, которое потерпела Франция в ходе франко-прусской войны 1870-71 гг. (о ней см. ниже). После этого поражения и произойдет объединение

¹ Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940-1941. Т. 2. С. 8-9.

² Там же.

Германии, которая все больше будет верить в свое будущее мировое господство. Стремясь избежать новых столкновений с ней, Франция в 1890-е гг. вступит в союз с Россией, а позднее и Англией, в то время как союзниками Германии будут Италия и Австро-Венгрия. Этот новый «блоковый» порядок будет восприниматься и как способ поддержания стабильности в мире, и одновременно как потенциальный катализатор общемировых конфликтов, что подтвердят события XX в.¹ Таким образом, деятельность Бисмарка в самом деле будет иметь огромное влияние на судьбы Европы не только во второй половине XIX в., но и в следующем столетии.

3.3. Исторический фон наполеоновского мифа во второй половине XIX в.: деятельность Наполеона III

В то время как отношения России и Пруссии были на протяжении XIX в. скорее дружественными, отношения России и Франции были неустойчивыми. Моменты напряженности сменялись периодами сотрудничества, что влияло на общеевропейскую политическую картину. Начало века было ознаменовано наполеоновскими войнами, на смену которым пришла Венская система. Она предусматривала возвращение Франции к границам 1792 г. и обеспечение равновесия сил между европейскими монархиями. В последующие десятилетия Франция прилагала усилия к возвращению своего статуса на европейской арене и к отмене наложенных на нее ограничений². Россия, рассматривая Францию как противовес Австрии и Англии, также была заинтересована в ее восстановлении. Александр I пытался привлечь Францию к разрешению восточного вопроса, чтобы нейтрализовать ее антирусскую направленность³. Поэтому в 1820-е гг. начинается русско-французское сближение.

¹ См.: Hobsbawm E.J. The Age of Empire, 1875—1914. New York: Pantheon Books, 1987. 315 pp.

² См.: Игнатченко И.В. Франция в Венской системе международных отношений (первая половина XIX в.). // Вестник МГИМО-Университета. 2015; № 6 (45). С. 10.

³ См.: Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918 гг. М.: РОССПЭН, 2004. С. 185.

В 1830 г. во Франции произошла Июльская революция, которая ухудшила отношения между Францией и рядом европейских монархий, включая Россию. Николай I в качестве сторонника сильного монархического порядка воспринял изменение политического режима во Франции как личную угрозу. Высокомерная политика России в отношении новой Франции вызвала недовольство французского общества. Кроме того, это время в Европе было ознаменовано рядом кризисов и войн (например, Бельгийской революцией 1830 г. и войной за независимость Греции (1821-1832)), в которых интересы России и Франции иногда совпадали, а иногда были противоположны¹. В общем отношения между странами оставались напряженными, но контролируемые. Однако в середине XIX в., особенно с началом Крымской войны, ситуация изменилась в худшую сторону.

После государственного переворота 2 декабря 1851 г. племянник Наполеона Бонапарта Луи-Наполеон, ранее избранный президентом, упрочил свою власть, объявив себя императором французов. Во Франции наступила эпоха Второй империи, или бонапартизма². Под руководством Наполеона III Франция пережила экономический расцвет, который содействовал формированию и укреплению промышленного капитализма³. Наполеон III стремился к отвлечению внимания общественности от внутренних проблем и к укреплению позиций Франции на международной арене, проводя активную внешнюю политику. Потребность в ресурсах и новых рынках сбыта для французских товаров побуждала страну к колониальной экспансии. Стоит отметить, что незадолго до того, как Наполеон провозгласил себя императором, в октябре 1852 г., он произнес известную фразу: «Империя — это мир»⁴. На практике его внешняя политика часто противоречила этому утверждению.

¹ См.: Жидкова О.В., Попова Е.А. Дипломатия России и Франции и урегулирование греко-турецкого конфликта в 1820-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 1 (43). С. 46.

² См.: История Франции: в трех томах. Т. 2. М.: Наука, 1973. С. 335.

³ Там же. С. 343.

⁴ Цит. по: Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856-1870) М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2015. С. 29.

В начале 1850-х гг. обострился восточный вопрос, что отвечало намерениям французского императора ослабить влияние России на Востоке. Используя противоречия между Англией, Австрией и Россией, Франция вступила в войну в 1854 г. Война завершилась подписанием Парижского мирного договора 30 марта 1856 г., согласно которому Россия была вынуждена пойти на ограничения своих действий на Балканах и Черном море. Крымская война усилила позиции Франции и Великобритании, однако надежды Наполеона III на отмену трактатов 1815 г. не оправдались.

После Крымской войны французское влияние на Балканах и Ближнем Востоке усилилось. Несмотря на союзные отношения с Австрией во время Крымской войны, Франция в 1859 г., поддерживая стремление Италии к объединению, вступает в войну с Австрией. На самом деле поддержка Италии со стороны Франции была обусловлена даже не заинтересованностью в единстве Италии, а желанием Наполеона III ослабить Австрию, которая в то время была серьезным конкурентом Франции на континенте¹. По окончании войны Франция получила от королевства Пьемонт-Сардинии Савойю и Ниццу в обмен на поддержку в вопросе итальянского национального объединения.

В это время новый министр иностранных дел России А.М. Горчаков предпринимал усилия по сближению с Францией, надеясь на пересмотр Парижского трактата 1856 г. Это стало одной из главных целей внешней политики Российской империи. Заключение секретного договора от 3 марта 1859 г. по итальянскому вопросу символизировало восстановление сотрудничества между Францией и Россией. Согласно договору, Россия обязалась занять нейтральные позиции в конфликте между Францией и Австрией. Однако несмотря на то, что французский император на словах обещал помочь России пересмотреть Парижский трактат, он не намеревался реально идти на это, поскольку не желал восстановления влияния России на

¹ См.: Королев П.И. Борьба Пруссии и Австрии за гегемонию в немецком мире в 1850-1860-х и позиции А.М. Горчакова // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2011. Вып. 7. С. 43.

Черном море¹.

Польское восстание 1863 г. также воспрепятствовало дальнейшему сближению двух стран. В начале восстания Франция выразила недовольство мятежом и заняла позицию невмешательства². Однако военное вмешательство Пруссии в польское дело положило конец нейтралитету Франции. Наполеон III стремился обратить польский вопрос на службу воплощению собственных амбиций по перестройке карты Европы. Однако общеевропейская война тогда так и не началась, и масштабные планы императора рухнули.

Нельзя не вспомнить и мексиканскую операцию, упомянутую в «Войне и мире». В 1862 г. Наполеон III направил войска на завоевание Мексики, чтобы превратить последнюю в колонию Франции и восстановить французское доминирование в регионе³. Однако экспансия столкнулась с сильным национальным сопротивлением и противодействием со стороны других стран, в особенности Североамериканских штатов. К 1867 г. Франция была вынуждена отозвать свои войска, а смерть Максимилиана I из дома Габсбургов, «поставленного» во главе Мексики для того, чтобы создать империю под протекторатом Франции, положила конец французской интервенции. Захват Мексики отражал амбиции Наполеона III по расширению влияния Франции уже в Новом Свете, однако провал кампании нанес огромный удар Второй империи и вызвал острые конфликты внутри страны⁴. Итогом кризиса наполеоновского правления стала франко-прусская война.

Увлечшись авантюрными проектами завоеваний, Наполеон III проигнорировал решающие стадии объединения германских государств⁵. Победа Пруссии над Австрией в 1866 г. изменила расстановку сил в Европе, свидетельствуя о том, что период преобладания Франции в Европе закончился⁶.

¹ См.: Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. С. 27.

² См.: там же. С. 146.

³ См.: История Франции: В 3 т. /Ред. коллегия А.З. Манфред (отв. ред.). Т. 2. М.: Наука, 1973. С. 356.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М.: Госполитиздат, 1960. С. 115.

Будучи недовольным возвышением Пруссии, 19 июля 1870 г. Наполеон III официально объявил ей войну, что стало катастрофой для Франции и лично для ее императора. Он был взят в плен, а Вторая империя свергнута, открыв путь к установлению Третьей Республики.

3.4. Образы Бисмарка и Наполеона III в русской литературе второй половины XIX в.

На страницах русской печати 1860-х гг. активно обсуждалась не только политика, но и личность вышеупомянутых политиков. Среди большого количества трудов, посвященных различным аспектам жизни и деятельности Бисмарка¹, наибольший интерес представляет диссертационное исследование А.М. Ипатова «Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX века»². Автор анализирует личность и деятельность Бисмарка в оценках государственных деятелей Российской империи и российских ученых, а также в творчестве российских писателей и публицистов. Ипатов отмечает, что образ Бисмарка в оценках его российских современников был неоднозначен. Он обращается и к осмыслению образа Бисмарка Толстым, цитируя высказывания того из интервью А.Н. Молчанову от 2 июля 1890 г.³ Однако он не анализирует творческого переосмысления образа Бисмарка в литературных

⁶ См.: там же. С. 114.

¹ См.: Ерусалимский А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М.: Наука, 1968. 284 с.; Он же. Бисмарк, как дипломат. М.: Соцэкгиз, 1940. 52 с.; Ладыгин А.В. Образ Германии в сознании российского общества в 1870–1890 гг.: по материалам прессы: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 238 с.; Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах за объединение Германии «сверху». М.: Госполитиздат, 1960. 287 с.; Оболенская С.В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М.: Наука, 1977. 336 с.; Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г и европейская дипломатия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 358 с.; Роотс Л.К. Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 годах. Таллин: Эстгосиздат, 1957. 241 с.; Чубинский В.В. Бисмарк: политическая биография. М.: Мысль, 1988. 414 с.; Юртаев С.А. Внешняя политика О. фон Бисмарка в 1871–1890 годах в отражении общественного мнения России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 175 с.

² См.: Ипатов А.М. Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 237с.

³ См.: там же. С. 167.

произведениях Толстого, не сравнивает характер восприятия Бисмарка Толстым и его современниками и не вписывает толстовские суждения о германском политике в контекст философских размышлений писателя о принципах взаимоотношения личности и народа, роли индивидуума в истории, о чем мы будем говорить в следующем разделе нашего исследования.

Бисмарк воспринимался в России как умный, решительный, а также хитрый и жестокий человек. Как сообщают «Московские Ведомости», это «оригинальный человек, развивающий все большую отвагу по мере того, как возрастают окружающие его трудности»¹. «Голос» опасался, что датско-немецкая война приведёт к территориальным изменениям и нарушит европейское равновесие². Следя за той же войной, «Современник» отмечал, что Бисмарк обманывал всю Европу, захватив герцогства «посредством самого наглого обмана»³. Такую точку зрения разделял и Катков: по его мнению, Бисмарк принадлежит к числу весьма изворотливых и изобретательных политиков⁴.

После австро-прусской войны русских публицистов волновало также усиление германизма в Остзейском крае Российской империи, где исторически было сильно немецкое дворянство. По мнению И.С. Аксакова, это привело бы к росту сепаратистских настроений внутри империи⁵. Достоевский опасался, что Австрия войдет в состав Пруссии так же, как ранее Шлезвиг и Гольштейн⁶, и по мере распространения прусского милитаризма изменится политическая ситуация в Европе: «Силой она /Пруссия – С.Ц./ соберет Германию, в то время когда Австрия будет разлагаться. Западная Германия частью примкнет к

¹ Московские ведомости, 1864 г. 1 февраля. № 26.

² См.: Голос. 1864. 8(20) мая. №126.

³ Современник. 1864. № 6. С. 241.

⁴ См.: Московские ведомости. 1865. 30 июля. № 165.

⁵ См.: Михайлова Ю.Л. Балтийский вопрос в российской прессе и публицистике накануне и во время франко-прусской войны (вторая половина 1860-х – 1871 г.) // Европа: междунар. альманах. Вып. 6. 2006. С. 78.

⁶ См.: Достоевский Ф.М. Записная тетрадь 1864 -1865 гг. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 20: Статьи и заметки. 1862-1865. Л.: Наука, 1980. С. 190.

Пруссии, частью к Франции: тогда изменится карта Европы»¹. Итак, уже в середине 1860-х гг. русские публицисты понимали, что свершения Бисмарка демонстрируют высокую степень агрессивности и потенциально опасны не только для его непосредственных «жертв», но и для других государств, включая Российскую империю. Эти свершения могли сильно изменить политическую карту Европы и ее будущее.

Заметим, что Достоевский также отрефлексировал эти события в художественном творчестве. В романе «Преступление и наказание» обнаруживается не только наполеоновский сюжет, но и сравнение с Наполеоном Бисмарка. Работая над романом, Достоевский много говорил о последних политических событиях, в том числе войне за Шлезвиг и Гольштейн. Можно вспомнить характеристику Дуни в романе: «Ведь она хлеб черный один будет есть да водой запивать, а уж душу свою не продаст, а уж нравственную свободу свою не отдаст за комфорт; за весь Шлезвиг-Гольштейн не отдаст, не то что за господина Лужина»². В.Я. Кирпотин указывал, что посредством шлезвиг-гольштейнских аллюзий и происходит латентное сближение Наполеона и Бисмарка: «Наполеон сам по себе – это только что-то вроде Бисмарка, предшественник Бисмарка. Параллель Наполеона с Бисмарком дана в тексте "Преступления и наказания". Она звучит в скрытом виде уже тогда, когда Раскольников думает о Дуне, что он душу свою не продаст “за весь Шлезвиг-Гольштейн”»³.

Этот конфликт упоминался писателем и несколькими годами ранее. В «Записках из подполья» (1864) герой рассуждает о том, что человечество не делается гуманнее в ходе развития цивилизации, ибо и по сей день «кровь рекою льется»: «Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское. Вот вам всё наше девятнадцатое столетие

¹ Там же. С. 203.

² Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 6. Преступление и наказание. Л.: Наука, 1973. С. 37.

³ Кирпотин В.Я. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1978. С. 123.

[...] Вот вам Наполеон - и великий, и теперешний. [...] Вот вам, наконец, карикатурный Шлезвиг-Гольштейн... И что такое смягчает в нас цивилизация? Цивилизация вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и.. решительно ничего больше»¹. Сразу обратим внимание и на то, что здесь ставятся в один ряд свершения «великого» Наполеона и его племянника Наполеона III (этой параллели у Достоевского мы еще коснемся ниже), что как бы подтверждает идею сомнительности исторического прогресса. В то же время упоминание Шлезвиг-Гольштейна имплицитно вводит в этот пассаж и фигуру Бисмарка, уравнивая его с Наполеонами.

В 1870-е гг. Бисмарк по-прежнему будет занимать особое место в произведениях Достоевского. В «Дневнике писателя» за 1873 г. в главе «Нечто о вранье» Достоевский подчеркивал, что русские преклонились перед гением Бисмарка и в то же время ставят себя вровень с ним: «Но зато тот же самый русский человек, хотя бы и преклонился пред гением в моде даже и без анализа, все-таки ни за что и никогда не признает себя глупее этого гения, пред которым сам сейчас преклонился, будь он разьевропейский. “Ну Гёте, ну Либих, ну Бисмарк, ну положим... а все-таки и я тоже”, – представляется каждому русскому непременно, даже из самых плюгавеньких, если только дойдет до того...»². Таким образом, Бисмарк как своего рода «немецкий Наполеон» во второй половине столетия вновь разжег в человеческих душах пламя самолюбия, зародившееся в период Наполеона I, пусть и в меньших размерах³. Наконец, в романе «Подросток» (1875) главный герой Аркадий Долгорукий выражает скепсис по отношению к молниеносным успехам и славе «гениального» Бисмарка: «Идея Бисмарка вмиг стала гениальной, а сам Бисмарк - гением; но именно подозрительна эта быстрота: я жду Бисмарка

¹ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 5. Повести и рассказы. 1862-1866. Л.: Наука, 1973. С. 112.

² Достоевский Ф.М. Нечто о вранье (1873) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 21. Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873-1878. Л.: Наука, 1980. С. 121.

³ См.: Подосокорский Н.Н. Идея и образ Бисмарка в творчестве Ф.М. Достоевского // Литературоведческий журнал. 2011. N. 28. С. 89.

через десять лет, и увидим тогда, что останется от его идеи, а может и от самого господина канцлера»¹. Эту точку зрения разделял сам Достоевский, призывая к осторожности в оценках достижений «железного канцлера». Для писателя падение его системы есть вопрос времени, хотя сейчас Бисмарка и объявляют великим, гением человечества.

Подобно Достоевскому, Герцен встраивал политические события 1860-х гг. в контекст философских соображений об истории и роли личности в ней. В целом поддерживая национальные движения и симпатизируя идее единства Германии, он в то же время выступал с резкой критикой агрессивных планов Пруссии². Он подчеркивал, что объединение Германии носит завоевательный характер: «Она [Пруссия – С.Ц.] не имеет в виду сплотиться с Германией в одно либеральное тело, ... распуститься в ней во имя национальности и свободы. Нет, она просто хочет завоевать Германию»³.

Как отметила Л.Я. Гинзбург, заключительный отрывок восьмой части «Былого и дум» — «После набега» — известен как пророчество бисмарковской реакции⁴ - ср.: «Граф Бисмарк, теперь ваше дело!.. А! господа консерваторы, вы не хотели даже и такой бледной республики, как февральская, не хотели подслащенной демократии, которую вам подносил кондитер Ламартин... Вы хотели порядка. — Будет вам за то война семилетняя, тридцатилетняя... Вы боялись социальных реформ, — вот вам фениане с бочкой пороха и зажженным фитилем. Кто в дураках?»⁵. Этот отрывок заставляет вспомнить высказывания Бисмарка о том, как он принимал решения, стремясь к установлению порядка и стабильности посредством силы и жестких мер.

Герцен опасался, что Пруссия может использовать объединение для расширения сферы своего влияния и за пределами Германии. В статье «Порядок

¹ Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 13. Подросток. Л.: Наука, 1975. С. 77.

² См.: Голос. 1864. № 132, № 140.

³ Голос. 1865. 23 окт. (4 нояб.) № 293.

⁴ См.: Гинзбург Л. Я. «Былое и думы» Герцена. М.: Гослитиздат, 1957. С. 361.

⁵ Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 11: Былое и думы. 1852-1856. Ч. 6-8. М.: Академия наук СССР, 1955. С. 512-513.

торжествует» (1866) Герцен говорит о том, что Бисмарк воплощает идею реакции, которая приходит на смену революционным брожениям прошлого и слабым правительствам настоящего. Герцен смотрит на проблему, что вообще свойственно этому писателю, под философским углом: за практическими свершениями Бисмарка он прозревает смену исторических вех, фиксируя установление новых политических тенденций в мире и предрекая европейцам смену привычного образа жизни. «Разложение *старого* мира не пустая фраза», - пишет он, - «от всех этих недоконченных революций и передрыг в крови старой Европы бродит столько волнений, страхов и беспокойств, что она не может заснуть, а ей этого хочется»¹. По его мнению, Бисмарк воплощает идею прочности, равновесия и покоя, равно как и французский император Наполеон III. Недаром Герцен использует такой собирательный термин для обозначения реакции, как «пруссский бонапартизм»: «На каком основании Наполеон и Бисмарк ведут Европу? Что они поняли? Наполеон понял, что Франция изменила революции, что она остановилась, что она испугалась; он понял ее скупость и то, что все остальное подчинено ей... С своей стороны и Бисмарк не хуже Наполеона оценил своих филистеров; на лавках франкфуртского парламента ему был досуг их раскусить...»².

Итак, в двух крупнейших европейских державах, Пруссии и Франции, торжествуют консервативные идеалы, вследствие чего неизбежны новые межгосударственные конфликты с участием государств, воплощающих иные политические принципы: «Франция и Пруссия не могут, не должны терпеть на европейском континенте без явной опасности для себя, без вопиющей непоследовательности, — терпеть на ином основании республик или свободных государств»³. Кроме того, уверен Герцен, стремление Бисмарка соединить немцев в единое национальное государство ударит и по самим «филистерам» из

¹ Герцен А.И. Порядок торжествует (1866) // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 19. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1866-1867 годов. М.: Академия наук СССР, 1960. С. 168.

² Там же. С. 174.

³ Там же. С. 171.

разных немецких земель, которые предали революционные идеалы во имя житейского комфорта, но падут жертвой прусской централизации: «Человек завел сад и жену, развел цветы и детей, обманул всех соседей, продавая им втридорога всякую дрянь, обобрал всю мышечную силу окрестных бедняков за кусок хлеба и, благодаря прочному, законами утвержденному порядку, лег спать вольным франкфуртским купцом, а на другой день проснулся подданным прусского короля, которого всю жизнь ненавидел и которого должен любить больше жены и цветов, больше детей и денег. В доме его бражничают прусские драгуны, цветы его съели лошади, детей съест рекрутчина...»¹. Итак, идея национального государства, которую проводит Бисмарк и которая пользуется все большей популярностью в современной Европе, все же кажется Герцену опасной в той степени, в какой уничтожает универсальные идеалы человечества, ассоциирующиеся с французским революционным лозунгом «свободы, равенства, братства».

Если у Достоевского свершения Наполеонов и Бисмарка демонстрируют неизменность истории и человека, то у Герцена Бисмарк и Наполеон III открывают новую страницу в политической истории современной Европы, как бы разрывая ее связь с эпохой Великой французской революции. Однако Герцен в отличие от Толстого не склонен воспринимать как символ Французской революции и первого Наполеона Бонапарта. В «Былом и думах» он осуждает французов за то, что те «любят Бонапартов»². Таким образом, он все же иногда уравнивает французов начала века, так и не понявших, что такое подлинная свобода и республика, с современными жителями Франции, которые не смогли в 1848 г. воплотить республиканские идеалы в жизнь и в итоге отдали власть Луи Наполеону. Иными словами, Герцен констатирует не только то, что политика Наполеона I, Бисмарка или Наполеона III меняет жизнь обывателя, но и то, что сам обыватель способствует приходу к власти таких политиков. Они

¹ Там же. С. 168.

² Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. С того берега. М.: Академия наук СССР, 1955. С. 83.

могут руководствоваться разными политическими лозунгами, но одинаково равнодушны к тем, кто их привел к власти или поддерживал. В этом смысле философия истории Герцена может показаться столь же пессимистичной, как философия Подпольного человека Достоевского; однако как политический публицист Герцен все-таки надеялся на то, что рано или поздно на смену военному деспотизму придет справедливый социальный порядок.

Л.З. Слонимский в либеральном «Вестнике Европы» позднее утверждал, что время рождения Бисмарка оказало значительное влияние на формирование его мировоззренческих принципов, благодаря которым позднее он и стал известен как «железный канцлер». Бисмарк (1815-1898) родился в тот самый момент, когда Европа была взволнована возвращением Наполеона из ссылки на остров Эльбу. Мир, в который пришел Бисмарк, был наполнен рассказами о битвах, героизме, разрушениях и переворотах, что, безусловно, оставило отпечаток на его мировосприятии¹. Сам Бисмарк называл Наполеона I «гордостью французов» и, опираясь на его пример, утверждал: «Мысленно восстанавливая историю европейских народов, я не нахожу ни одного примера, когда честная и самоотверженная забота о мирном преуспевании народов оказывала бы на эти народы большее впечатление, чем военная слава, выигранные сражения и завоевания наиболее упорно сопротивлявшихся земель»². Даже борясь с революцией, символом которой подчас считали Наполеона, Бисмарк оказывается подобен Бонапарту по своей готовности не считаться ни с какими жертвами для достижения своих целей.

Военный министр Д.А. Милютин в дневнике за 1873-1875 гг. отмечал, что с Наполеоном I Бисмарка сравнивал даже император Александр II: «Государь смущен этими слухами»³ и, говоря об образе действий Бисмарка, сравнивает его с Наполеоном I, который по окончании каждой войны сейчас же искал предлога

¹ См.: Слонимский Л.З. Литература о Бисмарке // Вестник Европы. 1911. № 10. С. 317.

² Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940-1941. Т. 3. С. 98.

³ Слухи о том, что Пруссия намеревается снова разгромить Францию.

к начатию новой»¹. Здесь подчеркивается не только стремление определенного типа политиков к постоянным военным действиям, но и их уверенность в том, что цель оправдывает средства.

В цикле статей «Бисмарк в своих и чужих воспоминаниях» В. Тимирязев называл Бисмарка «величайшим после Наполеона применителем в XIX веке теории силы, господствующей над правом»². Сходное мнение выражается в работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» 1888 г. К.Н. Леонтьева, где указывается на переход доминирующего политического и военного влияния в Европе, вследствие действий Бисмарка, от Франции к Пруссии: «Двадцатилетней только деятельностью Наполеон I, представитель централизованной демократии, обусловил дальнейшую историю XIX в., в течение 20 тоже лет перенес центр политической тяжести на европейском материке из Парижа в Берлин и граф Бисмарк»³.

Итак, деятельность министра-председателя Пруссии, а позднее канцлера Германии сопоставлялась по ее размаху, неотделимому от нередко бесчеловечных средств реализации политики, с деятельностью властителя дум начала века – Наполеона Бонапарта. Точнее было бы сказать, что обоих воспринимали как воплощение (более архаичное и более современное) одной модели поведения. Как отмечает в своей диссертации Ипатов, «Бисмарк являлся в XIX веке вторым после Наполеона Бонапарта человеком, воплотившим в своей натуре черты, описанные Макиавелли в бессмертном произведении «Государь»⁴.

Однако в середине XIX в., как мы уже показали выше, значительную роль в европейской политике играл и Наполеон III – фигура, может быть, не столь масштабная, но очень влиятельная до своего падения. Недаром позднее Д.А.

¹ Милютин Д.А. Дневник. 1873—1875. М.: РОССПЭН, 2008. С.12.

² Тимирязев В. Бисмарк в своих и чужих воспоминаниях // Исторический вестник. 1899. № 4. С. 282.

³ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения (1888) // Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 8, кн. 1: Публицистика 1881-1891 годов. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2007. С. 228.

⁴ См.: Ипатов А.М. Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX - начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. С. 77.

Милютин напишет: «Вся Европа в то время следила с крайним недоверием за каждым словом Наполеона III; ему приписывали самые баснословные замыслы и все смуты, какие происходили где-либо в целом свете. Наш вице-канцлер [А.М. Горчаков – С. Ц.] в одной своей записке ко мне в то время выразился так: “Политический горизонт мрачен и темнеет даже на Востоке. Вся беда от сфинкса, что на Сене”»¹.

В 1865 г. была опубликована книга Наполеона III «История Юлия Цезаря», в которой автор исследовал политические и военные достижения Цезаря, а также проводил параллели между его реформами и периодом Второй империи во Франции. Таким образом, и здесь мы видим опору современного политика на героический архетип, следование которому предполагает осуществление активной внешнеполитической экспансии. При этом, как это сочинение, так и политические действия Наполеона III способствовали возрастанию интереса к личности его дяди - Наполеона I².

В самом деле, русские литераторы не только размышляли о деятельности Наполеона III, но и сопоставляли его с дядей, встраивая деятельность обоих в широкий исторический контекст. Предсказуемым образом, как уже отмечалось. во время Крымской войны русское общество вспоминало о триумфе над Великой армией Наполеона и проводило сравнение между двумя военными конфликтами и двумя Наполеонами. Ф.И. Тютчев в ноябре 1853 г. писал о Крымской войне как о возрождении эпохи 1812 г.: «В сущности, ведь это для России возобновление 1812 г., и нападение на нее направленное, будет, может быть, также грозно, даром, что оно не воплощается в одном человеке, и таком великом человеке, каков был первый Наполеон»³. Князь П.А. Вяземский, который был участником Бородинской битвы, предостерегал «племянника» от

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867. М.: РОССПЭН, 2005. С. 268.

² См.: Коган Г.Ф. Наполеон и великий и теперешний. Отзвуки газетной полемики 1860 - х гг. вокруг имени Наполеона в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: «Минувшее», 2003. С. 311.

³ Цит. по: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения: дис. ... док. ист. наук. М., 1980 С. 230.

повторения судьбы дяди, «кем полна была земля, кто взлетел на пирамиды, кто низвергнут был с Кремля, не стерпевшего обиды!»¹. Как пишет Е.Г. Матюшенко, «тень Наполеона I часто встречается в русской карикатуре на французскую армию и Наполеона III...»².

Еще более интересны те суждения современников Толстого о Наполеоне III, которые касаются отношений последнего с народными массами и нацией в целом. В «Письмах из Франции и Италии» (1847-1852) Герцен отмечает, что свойства Наполеона I не только оставили след в политической истории Франции, но и, по всей видимости, передались Наполеону III: «Постоянно изучая жизнь своего дяди, он в ней не мог найти ничего, кроме беспредельного презрения к французам и к людям вообще»³. Между тем, рассматривая французскую революцию 1848 г. под философским углом, Герцен, повторим, обращал внимание не только на действия ее политических вожаков, но и на ту роль, которую сыграл в этих исторических процессах обыватель. Тот был не просто пассивным наблюдателем, но и активным участником политической жизни, чьи действия и выборы способствовали приходу к власти конкретных фигур: «Парижский народ, хорошо понимая это, не защищал баррикад, потому что он был рад перемене»⁴.

Такую точку зрения разделял и Н.Г. Чернышевский. В статье «Франция при Людовике-Наполеоне» (1860) он подчеркивал, что «крестьяне буквально стекались взволнованными, возбужденными массами, чтобы подать голоса свои в пользу племянника того императора в сером сюртуке... а все их сословие одушевлено было самыми нелепыми надеждами, что с помощью его непогрешительного содействия наступит золотой век, явится во всем изобилие,

¹ Тарле Е.В. Крымская война: В 2 т. М.: АСТ, 2003. Т. 2. С. 122.

² Матюшенко Е.Г. Наполеоновский миф в России // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: «Минувшее», 2003. С. 187.

³ Герцен А.И. Письмах из Франции и Италии (1847-1852) // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Письма из Франции и Италии. 1847-1852. М.: Академия наук СССР, 1955. С. 214.

⁴ Там же.

все будут благоденствовать»¹. Иначе говоря, народ видел в Луи-Наполеоне спасителя, который выведет его из тяжелого положения, и отдал ему власть.

Итак, хотя многим казалось, что Наполеон III развязывает войны в силу своей амбициозности, Чернышевский и Герцен подчеркивают, что в 1848 г. посредством плебисцита французы сами отдали ему власть. Тем самым они давали понять, что каждый человек является участником исторического процесса.

Широкое отражение на страницах российской периодической печати начала 1870-х гг. нашла франко-прусская война, завершившаяся триумфом Бисмарка и крахом Наполеона. Это дало возможность публицистам подвести итоги двадцатилетнего правления последнего. В то время еще были живы воспоминания о поражении в Крымской войне, поэтому в периодике нетрудно найти критику Наполеона III и бонапартизма, что подтверждает либеральный «Вестник Европы»: «Нынешняя война — это лучшее доказательство того, что бонапартизм не может править Францией путем свободы и мира, что он не может ужиться со свободой и что всю свою будущность, самое существование он готов поставить в зависимость от случайностей войны, лишь бы удержать в своих руках личный произвол»². И.С. Тургенев радуется победе Пруссии, которая, по его мнению, сможет спасти цивилизацию и способствовать развитию свободных учреждений в Европе³. Точнее, испытывая симпатию к Франции, Тургенев рассматривает ее поражение как урок французам, увлекшимся бонапартизмом. М.Е. Салтыков-Щедрин также глубоко презирал Наполеона III, неоднократно употребляя по отношению к тому эпитет «бандит»: «В 1870 году Франция опять напомнила о себе, но и тут между ею и людьми, симпатизирующими ей, стоял тот же позорный бандит. Дилемма была такова:

¹ Чернышевский Н.Г. Франция при Людовике-Наполеоне (1860) // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. Статьи. 1858-1859. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 398.

² Б.п. // Вестник Европы. 1870. № 8. Иностранное обозрение. С. 801.

³ См.: Тургенев И.С. Письма о франко-прусской войне (1870) // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 10. Повести и рассказы 1881-1883; Стихотворения в прозе, 1878-1883; Произведения разных годов. М.: Наука, 1982. С. 310.

если восторжествует Франция, то, вместе с нею, восторжествует и бандит... Наконец, однако ж, бандит пал»¹.

Внимание Достоевского, как мы уже убедились, также привлекали оба императора Наполеона. В подготовительных материалах к «Преступлению и наказанию» фигурирует и Наполеон III: в записной книжке Достоевского, датированной 1865–1866 гг., наряду с записями имен «Napoleon», «Bonaparte» и «Buonaparte», найдено карикатурное изображение человека². К.А. Баршт отождествляет этот портрет с Наполеоном III, указывая, что связь между Наполеоном I и Наполеоном III имеет сходство с отношениями Раскольникова и Свидригайлова: «Если в основе кредо Раскольникова лежит жизнь и деятельность “первого консула Республики” Наполеона Бонапарта I, то за спиной Свидригайлова маячит уже лишенная всяких трагически-величественных черт фигура Наполеона Бонапарта III»³. Роман «Идиот» также содержит отсылки к современной французской политике: работая над образом Гани, Достоевский черпал для него черты из образа Наполеона III⁴.

3.5. Бисмарк и Наполеон III в творческом воображении Толстого

Мы уже говорили в начале главы, что в «Войне и мире» Толстого французский император Наполеон Бонапарт представлен в непривлекательном, почти карикатурном виде; но в то же время на его примере писатель исследует сложные вопросы философии истории, размышляя о том, почему воле столь ничтожной личности подчиняются народы (или считают, что подчиняются этой воле) и как вообще складываются репутации «героев» и «гениев» человечества.

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 томах. Т. 14. За рубежом. Письма к тетеньке. 1881—1882. М.: Художественная литература, 1972. С. 116.

² См.: Кравчук И.А. Тень племянника: Наполеон III в «Бесах» Ф. М. Достоевского // The Dostoevsky Journal. 2021. Volume 22. С. 165.

³ Баршт К.А. Рисунки и каллиграфия Достоевского. Бергамо: Lemma-Press, 2016. С. 154.

⁴ См.: Подосокорский Н.Н. Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Дисс. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009. С. 92.

Особую значимость для него имеет вопрос о перемещении народов в пространстве, который, будучи спроецирован в политическую плоскость, приобретает форму размышлений о границах государств, их изменчивости, о войнах и межнациональных конфликтах. Этот вопрос важен для Толстого постольку, поскольку позволяет отразить проблему не только взаимоотношений власти и народа, но и национальной миссии и принципов «размещения» народов.

Выше мы уже цитировали его размышление в записной книжке 1865 г.: «*История.* — Исполняют семьи назначение: продолжение рода человек[еского]. Столкновения. Каждое хочет всемирного владычества. Зачем? Столкновения переселения с менее на более плодородные. Остановка морей. С юга никогда не завоевывают севера» (48, 108). Перечисляя европейские столкновения и войны, Толстой указывает на движение народов с северо-запада на юго-восток: «В нам известном мире — стремление с северо-запада на юго-восток, умеряемое только плотностью населения и противудавлением других сил. Россия завоевывает Кавказ, Крым, Грузию и т. д. Франция удержала только Африку. Испания только Мексику. Сардиния Италию. Пруссия Германию. Северо-американские штаты юг. Англия весь запад. Швеция завоевала бы Европу, но давление России...» (48, 109). Вследствие подобных соображений Толстой приходит к выводу о том, что «размещение есть вся задача истории» (48, 110). Эти философские вопросы и должны были, как мы полагаем, сделать для него интересным предметом изучения внешнеполитическую проблематику, в том числе современную. Наполеон Бонапарт и развязанные им войны — это лишь отдельный пример общих тенденций развития человеческой цивилизации, отдельный пример глобального перемещения народов в пространстве. Недаром в эпилоге своей книги Толстой «забывает» о ее героях и начинает рассуждать об истории в общефилософском ключе, привлекая в подтверждение своих воззрений различные примеры, в том числе современные. Заметим, что и в его записной книжке говорится, в частности, о современных взаимоотношениях

Пруссии и Германии.

Толстой подчеркивает, что современная перспектива дает даже более точное видение того, как устроены народные и межнациональные движения и «какая сила движет народами». По его мнению, «когда дело идет о переселении народов, никому уже в наше время не приходит в голову, чтобы от произвола Атиллы зависело обновить европейский мир»¹. Эту мысль понял Н.Н. Страхов (в целом критически воспринявший толстовскую философию истории), писавший: «Где же искать героической жизни? Конечно, в истории. Мы привыкли думать, что люди, от которых зависит история, которые совершают историю, -- суть герои. Поэтому мысль художника остановилась на 1812 годе и войнах, ему предшествовавших, как на эпохе по преимуществу героической. Если Наполеон, Кутузов, Багратион - не герои, то кто же после того герой? Гр. Л.Н. Толстой взял громадные исторические события, страшную борьбу и напряжение народных сил, для того чтобы уловить высшие проявления того, что мы называем героизмом»². Толстой показывает, что на самом деле «героем» в той или иной степени является каждый участник события.

И все же, будучи уверен в том, что представление о роли великой личности в истории изжило себя, Толстой вынужден признать, что в массовом сознании оно еще проявляет себя. В другом фрагменте текста книги есть такая фраза: «Древние оставили нам образцы героических поэм, в которых герои составляют весь интерес истории, и мы всё еще не можем привыкнуть к тому, что для нашего человеческого времени история такого рода не имеет смысла»³. Отсутствие «привычки» правильно интерпретировать факты политической или культурной жизни приводит к обоготворению или возвеличиванию современных «Атилл», к объяснению народного волеизъявления через их слова или поступки.

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 7. С. 345.

² Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862--1885). Киев: И.П. Матченко, 1901. С. 248.

³ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981. С. 193.

Поэтому Толстой и обращается в «Войне и мире» к примерам из современности, которые его читателю могли говорить больше, чем примеры из древней истории или даже эпохи 1812 г. Чтобы подтвердить свои историко-философские воззрения, он использует материал, знакомый ему по газетам и журналам, устным выступлениям и коллективным беседам. Так в поле его зрения оказываются Бисмарк и Наполеон III как современные подобию Наполеона Бонапарта. Будучи исторически его «преемниками», типологически они оказываются сходными фигурами, претендующими на судьбоносную роль, благодаря действиям той же прессы, круга почитателей, нередко и массовой поддержке, приобретающей характер коллективного гипноза.

Выше мы уже цитировали фрагмент второй части эпилога «Войны и мира», в котором Толстой дважды упоминает Бисмарка. О нем заходит речь в связи с современными австро-прусскими отношениями, точнее, австро-прусской войной 1866 г.: «Австро-прусская война представляется нам несомненным последствием действий хитрого Бисмарка и т.п.»¹; «Прусский король и Бисмарк предписывают, и войска идут в Богемию»². Датско-немецкая война и австро-прусская война, как мы уже видели, разгорелись в момент создания романа-эпопеи. Пример Бисмарка нужен Толстому для того, чтобы сначала проиллюстрировать все еще распространенные представления о том, что исторические свершения зависят от распоряжений сильной личности, а затем опровергнуть это мнение. Он не верит в то, что столь недостойные личности могут представлять народы. Этот пример носит риторический характер: Толстой уже неоднократно выразил в романе свою мысль, но ему нужно свежее, более красноречивое для публики 1860-х гг. свидетельство, придающее этому пассажиру «Войны и мира» публицистический характер.

В том же самом фрагменте второй части эпилога появляется и другой герой современности – Наполеон III. Более пространная цитата из соответствующего

¹ Там же. С. 344.

² Там же. С. 328.

места романа выглядит так: «Всегда, когда совершается событие, является человек, или люди, по воле которых событие представляется совершившимся. Наполеон III предписывает, и французы идут в Мексику. Прусский король и Бисмарк предписывают, и войска идут в Богемию. Наполеон I приказывает, и войска идут в Россию»¹. Итак, действия всех трех (даже четырех) руководителей государств оказываются подобны друг другу. При этом, в качестве первого примера, подтверждающего определенную историческую тенденцию, приводится организованная Наполеоном III интервенция в Мексику 1862-1866 гг. Толстой отталкивается от наиболее близких к его времени событий, а затем переходит к историческим аналогиям. Такой ход мысли облегчает восприятие текста читателем, который лучше ориентируется в современной повестке дня. В другом фрагменте эпилога Толстой обращается к раннему периоду политической карьеры Луи-Наполеона, когда он не только еще не был избран президентом, но и потерпел провал при попытке захватить власть. Описывая сущность политической власти и устанавливая гомологию между Наполеоном I и Наполеоном III, Толстой вспоминает эпизод 1840 г., когда Луи-Наполеон был арестован в Булонском лесу: «Если власть есть перенесенная на правителя совокупность воли, то Пугачев есть ли представитель воли масс? Если не есть, то почему Наполеон I есть представитель? Почему Наполеон III, когда его поймали в Булони, был преступник, а потом были преступники те, которых он поймал?»². «Множественность» Наполеонов хорошо помогает Толстому подчеркнуть внутреннее сходство явлений, повторяющихся в мировой истории: в сущности подобные «герои» хотя и претендуют на исключительность, мало отличаются друг от друга. Переменчивая политическая карьера дяди и племянника, то возносившая их во главу государства, то оборачивающаяся потерей власти, подтверждает отсутствие их подлинной поддержки со стороны масс. Рассуждая

¹ Там же.

² Там же. С. 321.

о том, служит ли деятельность исторических лиц выражением воли масс, Толстой пишет, что «если вся деятельность исторических лиц служит выражением воли масс, как то и думают некоторые, то биографии Наполеонов, Екатерин, со всеми подробностями придворной сплетни, служат выражением жизни народов...»¹. Здесь он даже не видит смысла сравнивать Наполеонов, а использует их собирательное обозначение, выражающее его презрение к подобным – по его мнению, заурядным и предсказуемым - личностям.

Такое насыщение художественного текста злободневными примерами подтверждает неплохую осведомленность Толстого относительно происходящего в «большом» мире. Мы уже отмечали во введении, что во время написания «Войны и мира» он культивировал образ себя как человека, далекого от злобы дня и погруженного в «домашние», частные заботы. Тем не менее, сама его пренебрежительная оценка современных конфликтов («Мне совершенно все равно, кто бы ни душил поляков или ни взял Шлезвиг--Голшт[ейн] (61, 115)) свидетельствует о том, что он прекрасно знает «новости дня». Этому способствовала не только пресса и круг общения, но и жизненный опыт.

В 1857 г. Толстой прибыл в Париж, который произвел на него глубокое впечатление. С одной стороны, Толстого поразили многообразие жизни и развлечений парижан, и он был восхищён их национальным характером: «Забавны французики ужасно, — писал Толстой сестре, — и чрезвычайно милы своей искренней веселостью, доходящей здесь до невероятных размеров...» (61, 375). С другой стороны, роскошь и формы досуга, порождённые бурно развивающимся капитализмом, вызывали у Толстого отвращение, поскольку он считал алчность и хищность буржуа несовместимым с нравственностью, душевным благородством и честным трудом². Толстой отрицательно относился к биржам и железным дорогам, рассматривая их как средства, служащие

¹ Там же. С. 324.

² См.: Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 189.

исключительно для обогащения финансовых спекулянтов. Неудивительно, что отношение Толстого к политическому курсу Луи-Наполеона, который как раз активно поддерживал индустриализацию страны и развитие буржуазии, было негативным. Напомним также, что Толстой был участником Крымской войны, так что не приходится удивляться, что к Наполеону III, одному из главных зачинщиков этой военной кампании, у него было глубоко личное и при этом неприязненное отношение. В старости он пренебрежительно выскажется и об избрании Наполеона президентом посредством всеобщего избирательного права¹: «Suffrage universel? Это самое мошенническое, можно подделать его. Подкупы. Им был избран Наполеон III...»².

16 февраля 1857 г. Наполеон III на церемонии открытия Законодательного корпуса гордо подчеркнул свою роль в достижениях Франции. Он заявил, что его главное стремление – действовать в интересах человечества и цивилизации, его цель – в просвещении нации, а источник его силы – привязанность народа³. В дневнике февраля 1857 г. Толстой выразил свое отрицательное отношение к самодовольству и самоуверенности Наполеона: «Читал речь Наполеона с неописанным отвращением» (47, 114). Кроме того, он излагает свое впечатление от этой речи: «Никто так не понял, как французы, что нахальство покоряет людей. Прямо кулаком в нос; только решительно, всякий посторонится и еще почувствует себя виноватым. На эту мысль навела меня речь Наполеона» (47, 201).

Неудивительно, что во время пребывания в Париже Толстой испытал отвращение и к широко распространённому во Франции культу Наполеона I. Осмотрев гробницу Наполеона, увидев её величественное убранство, Толстой в дневнике записывает: «Обоготворение злодея ужасно» (47, 118). Таким образом Толстой выражает свое отношение не только к Наполеону Бонапарту, но и к тем

¹ На самом деле выборы не были всеобщими.

² Цит. по: Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904—1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. Кн. 1: 1904-1905. М.: Наука, 1979. С. 436.

³ Русский перевод речи Наполеона III был напечатан 13 февраля 1857 г. в «Северной пчеле», «Петербургских ведомостях» и других газетах.

современным деятелям, которые превозносят его как бессмертного героя.

После того, как Толстой стал свидетелем публичной смертной казни в Париже, его перестала занимать политика. В письме Боткину от 5-6 апреля 1857 г. Толстой писал: «Есть другие люди, Наполеон III, например, которым, потому что они умнее или глупее меня, в этой путанице всё кажется ясным, они верят, что в этой лжи может быть более или менее зла, и действуют сообразно с этим. И прекрасно, верно нужно такие люди. Я же во всей этой отвратительной лжи вижу одну мерзость, зло и не хочу и не могу разбирать, где ее больше, где меньше. Я понимаю законы нравственные, законы морали и религии, необязательные ни для кого, ведущие вперед и обещающие гармоническую будущность, я чувствую законы искусства, дающие счастье всегда; но политические законы для меня такая ужасная ложь, что я не вижу в них ни лучшего, ни худшего. Здесь на-днях сделано пропасть арестаций, открыт заговор, хотели убить Наполеона в театре; тоже будут убивать на-днях, но уже верно с нынешнего дня я не только никогда не пойду смотреть этого, никогда не буду служить нигде никакому правительству» (60, 167).

Примерно в это же время Толстой в рассказе «Люцерн» использует злободневный материал из газет, сообщая о том, что «что французы убили еще тысячу кабиллов за то, что хлеб хорошо родится <...> и что император Наполеон гуляет пешком в Plombières и печатно уверяет народ, что он царствует только по воле народа» (5, 22). По мнению писателя, и колониальная политика европейцев, маскирующаяся под лозунги распространения цивилизации и христианства, и лицемерное заявление Наполеона III о том, что он «правит по воле народа», являются обманом.

Позднее он будет следить за ходом франко-прусской войны¹, хотя в целом в 1870—1872 гг. Толстой не интересуется политическими событиями и не

¹ Ср. воспоминания И.Л. Толстого: «Потом я помню, как в балконной комнате у старинного столика красного дерева стоял папа и с кем-то спорил о франко-прусской войне. Он был на стороне французов и верил, что они победят». Видимо, противник Толстого в этом споре - Иван Петрович Борисов (родственник Фета, приятель Толстого и Тургенева), ярый защитник Пруссии в этом конфликте. См.: Толстой И.Л. Мои воспоминания. М.: Мир, 1933. С. 23.

выписывает ни одной русской газеты или журнала¹. В письме Тургенева И.П. Борису от 24 августа 1870 г. описана позиция Толстого по поводу этого конфликта: «Я очень хорошо понимаю, почему Толстой держит сторону французов. Французская фраза ему противна, но он еще более ненавидит рассудительность, систему, науку, одним словом, немцев...»². Толстой поддерживает французов, однако ненавидит «фразу», т.е. то красноречивое лицемерие, к которому был склонен и французский император. В «Анне Карениной» также найдут отражение размышления Толстого об этой войне. Старый князь Щербацкий, явно транслируя точку зрения автора, делится своими впечатлениями о поездке по Германии, указывая на зарождение шовинистических настроений среди немцев после войны: «Все они довольны, — говорит князь, — как медные гроши; всех победили» (18, 246). Более того, в черновиках говорится, что Николай Левин был недоволен огромным налогом, который Германия наложила на Францию после победы: «Ограбить одного нельзя, а целый народ, как немцы французов, можно» (20, 614). Еще позже, в трактате «В чем моя вера?» (1883—1884) Толстой будет уже упрекать самих французов в произошедшем, давая, впрочем, понять, что он винит скорее правительство, губящее простых людей: «Французы, — писал он, — вооружаются, чтобы обеспечить свою жизнь в 70-м году, и от этого обеспечения гибнут сотни тысяч французов» (23, 426). В октябре 1904 г., когда шла русско-японская война, Толстой вновь вспомнил о франко-прусском противостоянии, концентрируясь теперь на деятельности прусского лидера - Бисмарка: «Что Германия сделала с Францией? 30 лет ее топтала. Бисмарк хотел ее еще раз разгромить; жалел, что не взял Шампань и 15 миллиардов»³. Согласно мнению Толстого, до войны Франция была центром мирового

¹ См.: Гусев Н.Н. Л.Н. Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 19.

² Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. Т. 10. Письма. 1869-1870. М.: Наука, 1994. С. 228.

³ Цит. по: Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904—1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. Кн. 1: 1904-1905. М.: Наука, 1979. С. 127.

внимания, и вся Европа вращалась вокруг нее. Однако Бисмарк сумел разрушить это представление, стремясь добиться для Германии такой же славы. Как сформулировал Толстой, «как мир движется! 50 лет тому назад для французов существовал один город (Париж) и одна нация (своя). Немцы их копируют со времен Бисмарка»¹. Идея такой «копировки» вновь подтверждает, что большой разницы между лидерами двух наций Толстой не видит. При этом, очевидно, что уверенность французов в своем превосходстве над прочими нациями во многом основывалась на кампаниях Наполеона Бонапарта, вызывавшего восхищение даже у тех, с кем он воевал².

В интервью корреспонденту «Нового времени» А.Н. Молчанову в 1890 г. Толстой прямо сопоставлял Бисмарка и Наполеона III и заявлял, что никогда не считал их великими: «- О, я никогда-никогда не признавал Бисмарка великим человеком, - с живостью возразил граф, - пришло историческое время для объединения немцев; в этот момент стояли во главе Вильгельм и Бисмарк, вот и будут повторять эти два имени... Я пережил интересную эпоху Наполеона III; его ведь тоже признавали гением. Все держатся известных привычек, известных приличий; вдруг среди них является нахал, ничего не признает, и при успехе его немедленно провозглашают великим...»³. Итак, по логике Толстого, Бисмарк (как и прусский император Вильгельм) приписывают себе заслугу в том, что исторически детерминировано, предопределено обстоятельствами времени. Объединение Германии было не результатом действий одной личности или нескольких человек, но естественным следствием социально-исторических тенденций 1870-х гг.

Подчеркнем, что и в 1860-е гг., во время работы над «Войной и миром», Толстой высказывался по интересующим нас внешнеполитическим поводам. В письме Ю.Ф. Самарину от 10 января 1867 г. он писал: «Бисмарк думает, что он

¹ Цит. по: там же. С. 173.

² О становлении идеи Парижа как мировой столицы и французской культуры как первостепенной. См.: Казанова П. Мировая республика литературы. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 413с.

³ Молчанов А.Н. В Ясной Поляне // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1978. С. 471.

перехитрил всю Европу, а он только содействовал в числе 1000 др. причин необходимому в 1866 году кровопусканию Германии» (61, 158). Хотя и может показаться, что в 1860-е гг. Толстой еще не мог предугадать глобальных последствий локальных, вроде бы, побед Пруссии над Данией и Австрией (а значит, наше сравнение его с Наполеоном, осуществлявшим масштабные походы и завоевания, не вполне убедительно), эти слова дают понять, что уже в это время Толстому, как и его современникам, была очевидна амбициозность прусского политика и его «виды на будущее»: деятельность Бисмарка ясно давала основания полагать, что на достигнутом он не остановится и границы европейских государств могут в будущем существенно измениться.

Но, как мы уже отмечали, во время создания «Войны и мира» Толстой не только воспринимал информацию, полученную из русской прессы, но и одновременно развивал на ее основе свои философские идеи, «важнейшей из которых стала проблема движущих сил и закономерностей истории»¹. Прочитанное суждение о Бисмарке из письма Самарину заставляет вспомнить следующее высказывание о Наполеоне Бонапарте в «Войне и мире»: «Он, предназначенный провидением на печальную, несвободную роль палача народов, уверял себя, что цель его поступков была благо народов и что он мог руководить судьбами миллионов и путем власти делать благодеяния!»². Писателю крайне важно подчеркнуть несвободу политиков и администраторов, их зависимость от высших сил. Именно судьба предназначила Наполеону «быть бичом, карою и орудием унижения этих устарелых и гордых династических владык» (13, 524). Полагая, что «влияние Наполеонов на ход таких мировых событий есть только внешнее и фиктивное»³, Толстой обращает свой взор на народ, играющий ключевую роль в событиях прошлого и настоящего⁴.

Исследователи не раз отмечали сходство историко-философских

¹ Евлампиев И.И. Влияние философии А. Шопенгауэра на исторические воззрения Л.Н. Толстого в романе «Война и мир» // Вече: Ежегодник русской философии и культуры, 2019, № 31. С. 16.

² Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 6. М., Художественная литература. 1980. С. 271.

³ Там же. С. 229.

⁴ См.: Лукач Г. К истории реализма. М.: Гослитиздат, 1939. С. 243-332.

построений Толстого и Герцена¹. Обоих интересовала роль личности в истории, и оба – особенно Толстой – полагали, что личность сама по себе не в силах направлять историю по своей воле. Центральная идея Толстого состоит в том, что в реальности событие обусловлено волей всех его участников, даже если историки и современники предпочитают связывать событие с деятельностью царя или военачальника. Как мы полагаем, появление на политической арене Европы таких амбициозных, но не считающихся с чужой жизнью персонажей, как Бисмарк и Наполеон III, должно было актуализировать коллективную рефлексию о том, насколько политические лидеры представляют волю народа или, напротив, формируют ее. Математик Ф.Е. Орлов, упоминая Бисмарка и Гамбетту в своем дневнике 1871 г., приходил к выводу, что индивидуальность имеет мало значения в потоке истории: «Как не убедиться, что все это совершается помимо воли человека, что судьба управляет всеми его действиями и ведет его непременно к назначенной цели, что и Бисмарк, и Гамбетта действуют не по своей воле, что вся эта ожесточенная борьба между нациями есть неперенный результат исторического хода вещей»².

Иными словами, неудивительно, что в вышеприведенных суждениях разных мыслителей этой эпохи – Толстого, Герцена, Достоевского – обнаруживается нечто общее: все они, реагируя на межгосударственные столкновения и конфликты своей эпохи, пытаются не только выносить нравственную оценку Бисмарку, Наполеону или другим политическим акторам, но и решать вопрос о том, насколько эти деятели типичны для своей страны или современного человечества в целом, насколько они ведут нацию или человечество за собой или являются своего рода самозванцами. Они отвечали на эти вопросы по-разному, но сама проблема взаимоотношений личности и народа, массы, класса была чрезвычайно актуальной для всех в эпоху

¹ См.: Гинзбург Л.Я. «Былое и думы» Герцена. М.: Гослитиздат, 1957. 374 с; Розанова С.А. Герцен и Толстой. М.: Худож. лит., 1972. 303 с.

² Орлов Ф.Е. Дневник заграничной командировки 1869-1872 годов. М.: типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898. С. 175.

стремительного развития по всей Европе капиталистических практик¹.

Парадокс состоит в том, что, не веря в роль личности в истории, Толстой не мог не выделять из числа современных европейских политиков тех, кто считался наиболее влиятельным, и тем самым косвенно, через художественный текст, как бы способствовал закреплению за Бисмарком или Наполеоном III высокого статуса. Однако в то же время образы этих политиков не были в творчестве Толстого абсолютно застывшими; у позднего Толстого мы находим некоторую их переоценку, связанную и с развитием его собственных взглядов, и с накоплением данных, позволяющих оценивать этих политиков более рельефно и всесторонне, и с изменением политического климата в Европе конца XIX в. Если для Толстого 1860-х гг. важна была идея подобия исторических эпох и неизменности человеческой природы, что объясняет его интерес к жанру хроники (ср. сопоставление эпох в «Декабристах», где говорится о «состоянии, два раза повторившемся для России в XIX-м столетии: в первый раз, когда в 12-м году мы отшлепали Наполеона I, и во второй раз, когда в 56-м году нас отшлепал Наполеон III» (17, 8)), то после религиозного переворота он скорее интересовался случаями серьезной моральной эволюции личности и часто писал о том, что каждый человек способен на перерождение, обращение от греха к покаянию.

Фигура Бисмарка приобретает у Толстого в свете этих новых воззрений интересную переоценку: точнее, германский политик как бы раскрывается в это время для русского писателя с новой стороны. В этой связи хочется вспомнить работу «К вопросу о роли личности в истории» (1898) Г.В. Плеханова, в которой тот изложил точку зрения, на первый взгляд, созвучную философскому взгляду Толстого, но в то же время корректирующую этот взгляд. Плеханов также обращается к деятельности Бисмарка, но обращает внимание на то, что тот был не чужд фатализма: «Бисмарк, проявлявший подчас поистине железную энергию, считал себя совершенно бессильным перед естественным ходом

¹ См. об этом: Лукач Г. К истории реализма. М.: Гослитиздат, 1939. 372 с.

вещей, очевидно смотря на себя, как на простое орудие исторического развития»¹. По мнению самого «железного канцлера», невозможно утверждать, что он вершил историю, ибо ни отдельные личности, ни группы людей не обладали и не смогут обладать абсолютной властью: «Мы не можем, господа, ни игнорировать историю прошлого, ни творить будущее... Обыкновенно очень преувеличивают мое влияние на те события, на которые я опирался, но все-таки никому не придет в голову требовать от меня, чтобы я *делал* историю. Это было бы невозможно для меня даже в соединении с вами, хотя, соединившись вместе, мы могли бы сопротивляться целому миру. [...] Мы не ускорим созревания плодов тем, что поставим под них лампу; а если мы будем срывать их незрелыми, то только помешаем их росту и испортим их» (из речи в рейхстаге 16 апреля 1869 г.)². Таким образом, Бисмарк не только признавал свою зависимость от каких-то внешних сил, но и подчеркивал, что нечто возможно осуществить тогда, когда уже сформировались определенные условия для события или есть общая солидарность в плане его необходимости.

Нельзя сказать, что Толстой пришел к аналогичному пониманию личности Бисмарка, однако он признал, что эта личность могла быть более сложной, чем ему представлялось ранее. С одной стороны, он в поздние годы продолжает развивать прежние мысли и даже чаще, как мы показали в первой главе, высказывается на тему аморальности любого политического режима. Поэтому кажется, что отношение его к Бисмарку, как и Наполеону III, делается в поздние годы еще более негативным. Оба рассматриваются как воплощение милитаризма, препятствующего развитию пацифистских идей на уровне национальных правительств и обществ. В письме шведской интеллигенции от 7-9 января 1899 г. Толстой писал, что «точно также не могут согласиться и державы на то, чтобы уменьшить войска, потому что они никогда не могут быть уверены в том, что не явится вновь Наполеон или новый Бисмарк, который,

¹ Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории. М.: Госполитиздат, 1948. С. 17.

² Цит. по: Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории. М.: Госполитиздат, 1948. С. 16.

наплевав на все условия, увеличит свои войска и побьет тех, которые будут так глупы, что будут держаться условия уменьшать их» (72, 9). В статье «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (1905) сказано: «Нравственность всё больше и больше понижается, и героями времени становятся самые безнравственные люди: Дантоны, Мараты, Наполеоны, Талейраны, Бисмарки» (36, 309).

Все большее неверие Толстого в целесообразность исторического процесса, основанного на военной силе и/или реализации национальных интересов, все большая критика им политических режимов, прибегающих к военной силе, были связаны со все большим развитием средств вооружений к концу века и с уже описанным выше созданием межгосударственных альянсов, что грозило привести к глобальным войнам и противостояниям. Для противодействия угрозе, исходящей со стороны созданной Бисмарком Германской империи, в 1890-е гг. Россия и Франция заключают военный союз. Прибытие русской эскадры во французский Тулон в 1893 г. стало подтверждением этого нового альянса. Толстой откликнулся на него в работе «Христианство и патриотизм», критически оценивая возможность сохранения мира посредством военных средств. По его мнению, союз французского и русского народов, направленный против немцев, противоречит христианским гуманистическим идеалам, разобщает человечество, так что его следует рассматривать не как шаг к миру, а как свидетельство нарастания международной напряженности¹. Безусловно, эти события явились непосредственным следствием франко-прусской войны, а значит, и деятельности Бисмарка и Наполеона III. Поэтому о них Толстой по-прежнему высказывается как о жестоких людях, неразборчивых в выборе средств. Согласно Маковицкому, о людях, которые захватывают власть, Толстой сказал: «Картуш, Бисмарк, Наполеон и подобные им жестокие люди это

¹ См.: Красносельская Ю.И. Непротивление злу в эпоху военных альянсов: (франко - русские торжества 1893 года в оценке Л. Н. Толстого и его сподвижников) // Новое литературное обозрение, 2023. № 6 (184). С. 160-169.

умеют»¹. Интересно, что здесь даже не очень понятно, о каком Наполеоне идет речь, но в сущности, это и не столь важно.

Но с другой стороны, в конце жизни Толстой будет высказываться о Бисмарке и в другом ключе. Это произойдет после того, как Д.П. Маковицкий 8 января 1905 г. передаст ему предсмертные слова Бисмарка, выражающие сожаление того о пролитой по его вине крови: «Тяжело у меня на душе. Во всю свою долгую жизнь никого не сделал я счастливым: ни своих друзей, ни семьи, ни даже себя самого. Много, много наделал я зла... Я был виновником трех больших войн. Из-за меня погибло более 800 000 людей на полях сражений; их теперь оплакивают матери, братья, сестры, вдовы... И всё это стоит между мною и богом»². Эти слова произвели столь сильное впечатление на Толстого, что он решил включить их в свой сборник «Круг чтения» (41: 534; 42, 567), где цитировались максимы мыслителей разных эпох, с которыми следовало ознакомиться всякому человеку. Высказывание Бисмарка вошло в раздел книги «Покаяние» как наглядная иллюстрация способности политического деятеля признавать свои ошибки (по сути, ошибкой Бисмарк готов признать всю свою деятельность). В вариантах к статье «О значении русской революции» (1906) Толстой, обращаясь к представителям российской власти, также приводит им в пример Бисмарка (см: 36, 535). Таким образом, не столько благодаря своему фатализму, сколько благодаря своему раскаянию Бисмарк наконец-то обретает в сознании Толстого статус подлинно великого человека, достойного стоять рядом не с Наполеоном I или Наполеоном III, а с такими авторитетными для писателя мыслителями, цитируемыми в его календарных сборниках, как Лао-Цзе, Сенека, Кант, Ламенэ и др.

В связи с восприятием Толстого предсмертных слов Бисмарка нельзя не упомянуть еще одного высказывания писателя, которое вроде бы опровергает

¹ Цит. по: Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904—1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. Кн. 1: 1904-1905. М.: Наука, 1979. С. 434.

² Цит. по: Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904—1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. Кн. 1: 1904-1905. М.: Наука, 1979. С. 491.

наши соображения о том, что прусский политик мог быть одним из прообразов Наполеона в «Войне и мире». Цитируя в очередной раз слова Бисмарка, Толстой в 1905 г. сказал А.Ф. Страхову: «Никогда я не писал о том типе людей, к которым принадлежит Бисмарк. Он был безнравственный, страстный, сильный»¹. Более того, когда Страхов поинтересовался, не был ли таким и Наполеон, писатель ответил: «Где же, у него пульс был 40. Наполеон принадлежал к разряду людей, как Мольтке, — холодный, расчетливый»².

И все же это высказывание не перечеркивает наших выкладок. Во-первых, в сознании Страхова не случайно сразу же возникает параллель Бисмарка с Наполеоном. Если Толстой подчеркивает разность темпераментов «героев», то Страхов фиксирует сходство более широкое: оба считали себя вправе повелевать людьми, распоряжаться их судьбами, претендовали на исключительность, то есть именно на «героичность» биографии. Иными словами, в целом это одна и та же модель личности, но такой тонкий психолог, как Толстой, не может не фиксировать и нюансы характеров героев. Кроме того, Толстой говорит о Бисмарке, уже учитывая факт его «покаяния», и подчеркивание его страстности, отличающей его от «холодного» Наполеона, позволяет оттенить эту способность человека к непредсказуемому поведению, к моральным колебаниям (как в «хорошую», так и в «дурную» сторону). Толстой 1860-х гг. еще мог оценивать подобный характер более однозначно, тем более что его интересовала в «Войне и мире» не «психология» Наполеона (как известно, этот герой изображен довольно «плоским», Толстой практически не использует психологический анализ при его изображении), а скорее становление его репутации гения и предводителя французов (или даже человечества), а также массовая психология, вследствие которой заурядного человека объявляют героем. Именно в этом отношении ему при работе над «Войной и миром» и могли пригодиться примеры деятельности европейских

¹ Цит. по: там же. С. 180.

² Цит. по: там же.

политических лидеров 1860-х гг., приковывавших к себе всеобщее внимание.

Заключение

В своем исследовании мы описали межгосударственные конфликты 1860-х гг. и проанализировали их освещение в русской публицистике 1860-х гг., что дало возможность реконструировать характер восприятия этих конфликтов Л.Н. Толстым. Были рассмотрены представления Толстого о таких значимых событиях европейской истории, как польское восстание 1863–1864 гг., шлезвиг-гольштейнский конфликт 1864 г., австро-прусская война 1866 г., а также другие завоевательные походы Бисмарка и Наполеона III разных лет. Мы старались показать, что злободневные политические дискуссии воздействуют на творческое воображение Толстого, прежде всего определяют генезис «Войны и мира», задают характеристики исторических деятелей в его романе, а также влияют на его философские представления о законах движения народов, о роли личности и народа в истории.

В первой главе было изучено восприятие Толстым польского вопроса и показано, как оно менялось на протяжении жизни писателя. Сравнивая взгляды Толстого с мнениями других русских литераторов этого времени, мы обнаружили, что он придерживался в целом независимого подхода к указанному вопросу. Были восстановлены причины, побудившие Толстого весной и осенью 1863 г. высказывать намерение отправиться на войну. Это намерение было связано с внешнеполитической ситуацией 1863 г., с угрозой перерастания польского восстания в общеевропейский конфликт именно в мае и сентябре, когда Толстой и подумывал «снять меч с заржавевшего гвоздя». Было показано, что сложность польского вопроса становится в творческом воображении Толстого как автора «Войны и мира» хорошим подтверждением невозможности однозначной оценки исторического события людьми как блага или зла. Споры по польскому вопросу доказывают, по мнению Толстого, что подлинный смысл события нужно искать не в политической, а в философской плоскости.

Во второй главе мы обратились к изучению австрийской темы в романе «Война и мир», сосредоточившись, главным образом, на формировании мотива австрийской измены. Этот мотив можно понимать как символ политических интриг и, опять-таки, амбивалентности, неоднозначности международных взаимоотношений. В романе он усиливает драматичность описываемых событий и оттеняет эмоциональное состояние персонажей, которые вынуждены учитывать не только опасность, исходящую от внешнего врага, но и потенциальную ненадёжность союзников. Были подробно проанализированы те эпизоды «Войны и мира» (особенно из первого тома, описывающего заграничные походы русской армии в 1805 г.), в которых значим мотив австрийской измены. Также был проведен сопоставительный анализ описания автором русских и австрийских войск. Толстой подчеркивает недостаток инициативы, а иногда и трусость австрийской армии; австрийские командиры у него оказываются недостаточно компетентными или решительными по сравнению с русскими. Такой образ австрийцев мог быть результатом как личных взглядов писателя, так и исторических представлений, на которые он опирался. Мы стремились доказать при этом, что современные созданию романа события 1860-х гг. были не менее значимы для конструирования мотива австрийского предательства, чем происходившие собственно в эпоху наполеоновских войн. Иными словами, образ Австрии в «Войне и мире» формируется не только под воздействием событий Отечественной войны 1812 г., но и под влиянием политических и общественных веяний 1850-1860-х гг. Было показано, что в это время складывается все более негативное отношение к Австрии в русском общественном мнении, особенно в славянофильских кругах, где Австрию считали предателем интересов славянских народов. Были воссозданы исторические события, которые этому способствовали: венгерская революция 1848 г., поведение Австрии в Восточной войне и во время польского восстания 1863 г. Было продемонстрировано, что во время написания «Войны и мира» Толстой часто общался со славянофилами, что, безусловно, повлияло на

его восприятие внешнеполитической ситуации. Частная и служебная жизнь Толстого, прежде всего его впечатления, полученные во время военной службы в Дунайских княжествах в 1854 г., также имела влияние на его отношение к австрийцам. Пожалуй, его взгляды на Австрию были менее самостоятельными, чем взгляды на Польшу, так что может показаться, что они раскрывают скорее политическую составляющую «Войны и мира», чем философскую. Однако неспособность спрогнозировать действия австрийцев (сегодняшний союзник завтра оказывается врагом) также могла быть осмыслена писателем как выражение маятникообразного процесса истории. Кроме того, если о событиях в Польше в 1863-1864 гг. Толстой, судя по всему, следил по газетам (почему подчас и мог увлекаться воинственным настроением, характерным для катковских изданий), то об Австрии он мог узнавать «из первых уст», общаясь с историками и общественными деятелями (такими, как Погодин или Попов), которые посещали Австрию или часто писали о ней. Может быть, поэтому Австрия изображена Толстым в более субъективистском, пристрастном ключе, отображая скорее живые дискуссии своего времени, чем более взвешенные умозаключения историка, добру и злу внимающего равнодушно.

Наконец, в третьей главе было показано, каким образом активная деятельность французского императора Наполеона III и прусского председателя правительства Бисмарка могли способствовать усилению интереса Толстого к эпохе Наполеона I и его военным кампаниям. Изучение этого вопроса позволяет прояснить, как в творчестве Толстого формируется образ «великого человека» и осмысляются его взаимоотношения с нацией. Были подробно воссозданы основания внешнеполитического курса Наполеона III и Бисмарка, проанализированы суждения Толстого об этих лицах, сделанные в разные годы, а также представления русских периодических изданий об их политике. Значительное изменение карты Европы, произошедшее вследствие деятельности этих политиков, и трансформация самих принципов международной политики и межгосударственных отношений во второй

половине XIX в. создавали, с одной стороны, ощущение, что Бисмарк и Наполеон III в самом деле предопределяют судьбы народов, превосходя «простых смертных» по своей энергии и проницательности. С другой стороны, Толстой был убежден, что оба они, подобно Наполеону I, - игрушки в руках Провидения, которое по каким-то неведомым причинам подчас осуществляет массовое «кровопускание» и находит для этой неблагоприятной задачи подходящих исполнителей. Изучение этой темы позволило, в частности, увидеть сходства между позицией Толстого и Герцена, также уверенного в том, что «обыватель» ответственен за политическую ситуацию в его стране не меньше, чем политический лидер. Оба подчеркивают роль нации, массы в исторических событиях, связанных с деятельностью обоих Наполеонов и Бисмарка. Наконец, было показано, как меняется восприятие Бисмарка у позднего Толстого в свете слухов о «покаянии» «железного канцлера».

Может показаться, что готовность Толстого повторять устоявшиеся в русской публицистике (или отдельном ее лагере) штампы вроде того, что Австрия - двуличный союзник России, на которого рискованно полагаться, или что Россия вправе усмирять поляков, характеризует его скорее как человека, не слишком активно размышляющего о современной ситуации в Европе, а потому полагающегося на чужие мнения. И все же, как показало исследование, современная внешнеполитическая почва была для него питательна, ибо развивала его философскую рефлексию и стимулировала художественные обобщения, проблематизирующие политическую однозначность чужих и даже его собственных высказываний. В этом отношении творчество Толстого 1860-х гг. подобно его позднему творчеству, социально-политическая злободневность которого сомнений не вызывает. В целом, проделанное исследование позволяет пересмотреть представление о Толстом 1860-х гг. как о мало вовлеченном в современные внешнеполитические дебаты писателе, что способствует восполнению белых пятен его биографии (см. главу 1 работы) и выявлению новых источников мотивов и образов «Войны и мира» (см. главы 2-3).

Библиография

Источники

1. Аксаков И.С. Сочинения И. С. Аксакова 1860-1886: В 7 т. Т. 1, 3, 7. М.: тип. М. Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886-1887.
2. Анненков П.В. Критические очерки. СПб: изд. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 414 с.
3. Арндт Э.М. Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпаниею и Россиею, о истреблении войск его и о важности нынешней немецкой войны: Книжка, в утешение и наставление немецкому народу сочиненная / Перевел с немецкаго языка Александр Шишков. СПб.: В типографии В. Плавильщикова, 1814. 117 с.
4. Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания: в 3 т. М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940-1941.
5. Б.п. // Вестник Европы, 1870, № 8. Иностранное обозрение.
6. Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 томах. Т. 5, 6, 11, 14, 18, 19. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954-1966.
7. Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // Собр. соч.: в 4 т. СПб.: печатня В. Головина, 1868. Т. 2. С. 289-360.
8. Голос, 1864, №1-360; 1865, № 1-360.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4, 5, 6, 13. 21, 22, 23, 25. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972-1990.
11. Драгомиров М.И. Разбор роман «Война и мир» с военной точки зрения. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 134 с.
12. Катков М.Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. 1863 г.:

- Вып. 3. М.: Унив. тип., 1887. 966 с.
13. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». 1863 г. М.: Издание С. П. Катковой, 1897. 785 с.
 14. Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: воспоминания. Ленинград: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. 180 с.
 15. Леонтьев К.Н. О романах гр. Л. Н. Толстого: Анализ, стиль и веяние: (Критический этюд). Писано в Оптиной пустыни в 1890 г. М.: тип. В.М. Саблина, 1911. 152 с.
 16. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 8, кн. 1: Публицистика 1881-1891 годов. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2007. 638 с.
 17. Маковицкий Д. П. У Толстого, 1904—1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. М.: Наука, 1979—1981. (Лит. наследство; Т. 90).
 18. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М.: Рос. фонд культуры: Студия "Тритэ" Никиты Михалкова, 1999. 558 с.
 19. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863-1864. М.: РОССПЭН, 2003. 686 с.
 20. Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867. М.: РОССПЭН, 2005. 694 с.
 21. Милютин Д.А. Дневник. 1873—1875. М.: РОССПЭН, 2008. 435 с.
 22. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским: с 96-ю картами и планами. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1840. Ч. 1. 420 с.
 23. Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб.: В типографии Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1844. 290 с.
 24. Московские ведомости, 1863, № 1-283; 1864, № 1-287; 1865, № 1-287.
 25. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860—1881 гг. / под ред. И.С. Зильберштейна, Л.М. Розенблюм. М.: Наука, 1971. 728 с.

26. Одоевский А.И. Полное собрание стихотворений Библиотека поэта. Л., Советский писатель, 1958. 244 с.
27. Орлов Ф.Е. Дневник заграничной командировки 1869-1872 годов. М.: типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898. 346 с.
28. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории. М.: Госполитиздат, 1948. 47 с.
29. Плеханов Г.В. Сочинения в 24 томах. Т. 8. М.: Гос. изд-во, 1925. 411 с.
30. Погодин М.П. Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 832 с.
31. Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение крымской войны (1853-1856). М.: Типография В. М. Фриш, 1874. 380 с.
32. Попов Н.А. Австрийская публицистика перед введением дуализма. 1865-1866. Киев.: изд. Н.П. Задерацкого, 1878. 52 с.
33. Попов Н.А. Россия и Сербия: Историч. очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. Ч. 1-2. М: К. Солдатенков, 1869. Ч. 2. 657 с.
34. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Т. 3. Стихотворения. 1827-1836. Л.: Наука, 1977. 497 с.
35. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 томах. М.: Художественная литература, 1972. Т. 14. За рубежом. 1881. Письма к тетеньке. 1881—1882. 704 с.
36. Самарин Ю.Ф. Сочинения Ю.Ф. Самарина в 12 Т. Т. 1, 7. М.: Д. Самарин, 1877-1889.
37. Санкт-Петербургские Ведомости, 1863, № 1-281.
38. Северная Почта, 1863, № 1-285.
39. Страхов Н.Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862-1885). Изд. 4-е. Киев, 1901. 387 с.
40. Страхов Н.Н. Толки о Л.Н. Толстом // Вопросы философии и психологии. 1891.
41. Страхов Н.Н. Роковой вопрос // Время 1863. № 4. Современное обозрение. С.

152-163.

42. Толстая С.А. Дневники: В 2 т. 1862-1900. М.: Художественная литература, 1978.
43. Толстой И.Л. Мои воспоминания. М.: Мир, 1933. 262 с.
44. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 томах. М.: Художественная литература, 1978-1985.
45. Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. 495 с.
46. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928-1958.
47. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 5, 10. М.: Наука, 1978-2014.
48. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений / Под редакцией П. В. Быкова. СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1913. 712 с.
49. Тютчева А.Ф. Воспоминания: при дворе двух императоров. Дневник. М.: Захаров, 2016. 592 с.
50. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. 396с.
51. Фабер Г.Т. Примечания о французской армии последних времен, с 1792 по 1807 год. СПб.: В Медицинской типографии, 1808. 178 с.
52. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. Статьи. 1858-1859. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. 1006 с.

Научная литература

53. Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2013. Т. 15: Польское восстание 1863 года. С. 7-138.
54. Апостолов Н.Н. Лев Толстой над страницами истории: историко-литературные наблюдения. М.: Комиссия по ознаменованию

- столетия со дня рождения Л. Н. Толстого, 1928. 296 с.
55. Арденс Н.Н. Творческий путь Л.Н. Толстого. М.: АН СССР, 1962. 680 с.
56. Артамонова И.В. «Наполеоновский комплекс» в русской классике первой трети XIX века: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Москва, 2018. 212 с.
57. Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Изд-во МГУ, 1978. 294 с.
58. Баршт К.А. Рисунки и каллиграфия Достоевского. Бергамо: Lemma-Press, 2016. 450 с.
59. Белов П.П. Работа Толстого над источниками сюжета и художественных образов эпопеи «Война и мир» // Некоторые вопросы народности литературы. Ростов-на-Дону, 1960. С. 63-100.
60. Беляев В.В. Россия и Наполеон в поэме Гоголя «Мертвые души» // Известия Саратовского университета. 2009. Т.9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 4. С. 65-70.
61. Бендерский И.И. История между литературой и наукой: философско-методологический анализ «Войны и мира» Л.Н. Толстого: дис. ...кандидата философских наук: 09.00.08. М., 2016. 137 с.
62. Бирюков П.И. Биография Льва Николаевича Толстого: В 2 т. М.: Посредник, 1911—1913.
63. Бороздин А.К. Работа Л.Н. Толстого над источниками сюжета и художественных образов эпопеи «Война и мир» // Минувшие годы, 1906. № 10. С. 70-92.
64. Бочаров С. Роман Л. Толстого «Война и мир». М.: Худож. лит., 1987. 158 с.
65. Бояновска Э. Был ли Толстой колониальным землевладельцем? Проблемы частной собственности и поселенческий колониализм в башкирской степи // Новое литературное обозрение. 2023. № 4 (182). С. 156–183.
66. Бялокозович Б. Толстой в Польше (1858-1962) // Литературное наследство. 1965. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской

академии наук. Т. 72. № 2. С. 249–296.

67. Вольперт Л.И. Наполеоновский «миф» у Пушкина и Стендаля // Пушкинские чтения: Сборник статей / Сост. С. Г. Исаков. Таллинн, 1990. С. 88-107.
68. Воробьёва И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Научная, педагогическая и общественная деятельность. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 191 с.
69. Вульф Д. Отто фон Бисмарк и русская пресса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. Воронеж, 2015. № 3. С. 5 - 10.
70. Гинзбург Л. Я. «Былое и думы» Герцена. М.: Гослитиздат, 1957. 374 с.
71. Громов П.П. О стиле Льва Толстого: «Диалектика души» в «Войне и мире». Л.: Худ. литература, 1977. 482 с.
72. Гудзий Н.К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк. М.: Худож. лит., 1960. 215 с.
73. Гулин А.В. Исторические источники в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. М., 1992. 241 с.
74. Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым: воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого 1907 - 1908 г. М.: Изд. Толстовского музея, 1928. 204 с.
75. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 720 с.
76. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 916 с.
77. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 695 с.
78. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М.: Наука, 1970. 560 с.
79. Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–

- 1918 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 494 с.
80. Долбилов М.Д. Жизнь творимого романа: от авантекста к контексту «Анны Карениной». М.: Новое литературное обозрение, 2023. 704 с.
81. Домбровская М. Польша и поляки в произведениях Льва Толстого // Новая Польша. 2000. № 2. С. 21-26.
82. Дорошенко С.С. Лев Толстой - воин и патриот: Воен. служба и воен. деятельность. М.: Сов. писатель, 1966. 315 с.
83. Дударев В.С. Бисмарк и Россия, 1851-1871 гг. СПб.: Алетейя, Независимый альянс, 2021. 677 с.
84. Дударев В.С. Бисмарк: «Не вижу мотивов, чтобы увеличивать между нами и Россией трещину» // Новая и новейшая история. 2016. № 4 / Июль-Август. С. 87-102.
85. Евлампиев И.И. Влияние философии А. Шопенгауэра на исторические воззрения Л. Н. Толстого в романе «Война и мир» // Вече: Ежегодник русской философии и культуры. 2019. № 31. С. 15-37.
86. Евнин Ф.И. Роман «Преступление и наказание» / Творчество Достоевского. ред. Н. Л. Степанов. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 128-172.
87. Ерусалимский А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М.: Наука, 1968. 284 с.
88. Ерусалимский А.С. Бисмарк, как дипломат. М.: Соцэкгиз, 1940. 52 с.
89. Жидкова О.В. Попова Е. А. Дипломатия России и Франции и урегулирование греко-турецкого конфликта в 1820-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 1 (43). С. 44–51.
90. Зайденшнур Э.Е. «Война и мир» Л. Н. Толстого: Создание великой книги. М.: Книга, 1966. 403 с.
91. Зорин А.Л. Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 248 с.
92. Зубов В.В. Россия и Германия при министре-президенте Пруссии Отто фон

- Бисмарке в 60-е годы XIX века // Известия МГТУ «МАМИ». 2015. № 1(23). т. 6. С.10-13.
93. Игнатченко И.В. Франция в Венской системе международных отношений (первая половина XIX в.). // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6 (45). С. 9-14.
94. Ипатов А.М. Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX - начале XX века: дис. ... кандидата исторических наук. Воронеж, 2011. 237 с.
95. История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. Пер. с фр. Е. В. Тарле. 2-е изд. Т. 1-8. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938-1939.
96. История дипломатии: Сборник под ред. В. П. Потемкина. 3 т. М.: Соцэкгиз, 1941-1945.
97. История международных отношений: В трех томах: Т. I: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 400 с.
98. История Франции: в 3 томах. /Ред. коллегия А.З. Манфред (отв. ред.), В.М. Далин, В.В. Загладин, С.Н. Павлова, С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1972-1973.
99. Калинин И.А. Севастополь в августе 1855 года. Война, фотография и хирургия: рождение поэтики модерна // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 (116). С. 32-74.
100. Кареев Н.И. Историческая философия графа Льва Николаевича Толстого в Войне и мире. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1888. 64 с.
101. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. М.: Сов. писатель, 1989. 646 с.
102. Катаев И.М. Россия и Австрия. М.: Т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1914. 48 с.
103. Квитко Д.Ю. Философия Толстого. М.: Изд-во Ком. акад., 1930. 227 с.
104. Кирпотин В.Я. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1978. 751с.

105. Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание»). М.: Худож. лит, 1986. 445 с.
106. Коган Г.Ф. Наполеон и великий и теперешний. Отзвуки газетной полемики 1860 - х гг. вокруг имени Наполеона в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: «Минувшее», 2003. С. 303-313.
107. Козлов Н.О. Шлезвиг-Гольштейнский вопрос в трудах российских историков второй половины XIX столетия // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19(1). С. 256-264.
108. Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 380 с.
109. Королев П.И. Борьба Пруссии и Австрии за гегемонию в немецком мире в 1850–1860-Х ГГ. и позиция А. М. Горчакова // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований» Выпуск 7. 2011 г. С. 39-47.
110. Котова Е.В. Германский вопрос во внешней политике Австрийской империи в 1850—1866 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016050-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840016050-4.
111. Котова Е.В. Политика Австрии накануне и в период Крымской войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 8 (94). URL: <https://history.jes.su/s207987840011044-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840011044-7.
112. Кравчук И.А. Тень племянника: Наполеон III в «Бесах» Ф. М. Достоевского // The Dostoevsky Journal. 2021. Volume 22. С. 150-183.
113. Красносельская Ю.И. «1866 год» в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: сцена

- созыва народного ополчения и ее социально-политические источники // Slověne. 2021. Vol. 10, № 2. С. 193–216.
114. Красносельская Ю.И. Каракозовское дело в «Войне и мире»: генезис мотива несостоявшегося цареубийства и репрезентация политического насилия Львом Толстым // Новое литературное обозрение. 2022. № 5 (177). С. 17–30.
115. Красносельская Ю.И. Непротивление злу в эпоху военных альянсов: (франко - русские торжества 1893 года в оценке Л. Н. Толстого и его сподвижников) // Новое литературное обозрение. 2023. № 6 (184). С. 154-170.
116. Красносельская Ю.И. Общество это составляю я один: генезис и рецепция педагогического проекта Л.Н. Толстого в свете дискуссий начала 1860-х годов о законах общественного развития // Институты литературы в Российской империи: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков. Монографии ВШЭ: Гуманитарные науки. Издательский дом Высшей школы экономики Москва: 2023. С. 349–396.
117. Красносельская Ю.И. «Тень» К.С. Аксакова в полемике Л.Н. Толстого с панславистами 1877 г. // Складчина: Сб. ст. к 50-летию проф. М.С. Макеева. М.: ОГИ, 2019. С. 137–157.
118. Кудрявцева Е.П. Россия и Пруссия во второй четверти XIX века // Новая и новейшая история. Т. 63. No 4. 2019. С. 52-66.
119. Ладыгин А.В. Образ Германии в сознании российского общества в 1870–1890 гг.: по материалам прессы: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. Екатеринбург, 2010. 238 с.
120. Лазари А. де. Поляки и русские глазами друг друга (постановка проблемы на материалах политической карикатуры) // Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context, ed. by T. Mochizuki. Sapporo: Slavic research center, Hokkaido Univ., 2008. P. 111–129.
121. Лепешинская Т.А. Роман Л.Н. Толстого «Война и Мир» как

- исторический источник в изображении событий Отечественной войны 1812 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Омск, 2006. 255 с.
122. Лесник С. Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе // Красный архив. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1939. Том 2 (93). С. 51-118.
123. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М.: Слово/Slovo, 1999.
124. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 678 с.
125. Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807-1814. М.: РОССПЭН, 2012. 677 с.
126. Ломунов К.Н. «Война и мир» Л.Н. Толстого: к столетию первого издания романа. М.: Знание, 1969. 48 с.
127. Лукач Г. К истории реализма. М.: Гослитиздат, 1939. 372 с.
128. Лурье Я.С. После Льва Толстого: Ист. воззрения Толстого и пробл. XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. 166 с.
129. Маймин Е.А. Лев Толстой: Путь писателя. М.: Наука, 1978. 191 с.
130. Майорова О. Война и миф: память о победе над Наполеоном в годы Польского восстания (1863-1864) // Новое литературное обозрение. 2012. № 6. С. 178-205.
131. Майорова О. Народная война и пчелиный улей: нация и империя в «Войне и мире» // Новое литературное обозрение. 2024. № 4 (188). С. 87 – 105.
132. Матюшенко Е.Г. Наполеоновский миф в России // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: «Минувшее», 2003. С. 174-195.
133. Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. М.: Просвещение, 2007. 463 с.
134. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение. 2008. 316с.

135. Михайлова Ю.Л. Балтийский вопрос в российской прессе и публицистике накануне и во время франко-прусской войны (вторая половина 1860-х – 1871 г.) // Европа: междунар. альманах. 2006. Вып. 6. С. 75 - 85.
136. Молчанов А.Н. В Ясной Поляне / Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1978.
137. Мухин В.В. Поэтика раннего Л.Н. Толстого и роман-эпопея «Война и мир»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1980. 220 с.
138. Назиров Р.Г. История Польши. Восстание 1830 г. // Назировский архив. 2014. №4 (6). С. 62-126.
139. Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М.: Госполитиздат, 1960. 287с.
140. Нарочницкий А.Л. Международные отношения европейских государств от Июльской революции во Франции до Парижского мира. (1830-1856 гг.) М.: тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1946. 60 с.
141. Никольский Е.В. Наполеон Бонапарт между Христом и антихристом: парадоксы императора и рецепция его личности в поэзии // Россия в отечественных войнах: сб. научн. Работ. Оренбург, 2012. С. 205-208.
142. Оболенская С.В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М.: Наука, 1977. 336 с.
143. Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М.: Наука, 1979. 287 с.
144. Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М.: Наука, 1998. 408 с.
145. Опульская Л.Д. Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир»: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1967. 176 с.
146. Орвин Д.Т. Искусство и мысль Толстого, 1847-1880. СПб.: Акад. проект, 2006. 303 с.
147. Орлова С.В. Документ в стиле романа «Война и мир» Л.Н. Толстого //

- Факт и художественный образ: Межвуз. сб. научн. трудов. Иваново, 1989. С. 53-67.
148. Певнева М.В. Основные политические аспекты российско-прусских отношений: от эпохи наполеоновских войн до объединения Германии в 1871 году // Юный ученый. 2023. № 11 (74). С. 27-30.
149. Пиотровска И. Лев Толстой в Польше: Материалы к библиографии (1990–2008) // Slavica Revalensia. 2018. Vol, 5. P. 329–351.
150. Пиотровска И. Рецепция позднего Льва Толстого в польской прессе: Процессы информационного и культурного трансфера. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. 262 pp.
151. Пиотровска И. Специфика польской рецепции Л. Н. Толстого в свете оппозиции «Россия — Европа» (на материале юбилейных откликов 1908 г.) // Slovĕne. 2019. Vol. 8, № 1. С. 352–367.
152. Пичета В.И. Россия и Пруссия в период польского восстания 1830–1831 гг. // Ученые записки института славяноведения, т. III. М., 1951. С. 136-175.
153. Подосокорский Н. Н. Наполеоновская тема в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: дис. ... канд. филол. наук.: 10.01.01. Великий Новгород, 2009. 177с.
154. Подосокорский Н.Н. Идея и образ Бисмарка в творчестве Ф. М. Достоевского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 85-93.
155. Полетика Н.П. Пруссия и Крымская война // Труды ЛОИИ. Вып. 12. Л.: «Наука», 1971. С. 255-268.
156. Померанц Г.С. Наполеонов комплекс в русской литературе // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: Минувшее, 2003. С. 195-201.
157. Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г и европейская дипломатия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 358 с.
158. Розанова С.А. Герцен и Толстой. М.: Худож. лит., 1972. 303 с.
159. Роотс Л.К. Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 годах. Таллин: Эстгосиздат, 1957. 241 с.

160. Рыкунина Ю.А. Поляки и русские в повести Л.Н. Толстого «За что?» 1860-х годов // Новый филологический вестник. 2008. № 1. С. 176-180.
161. Сироткина Е.В. Восточный вопрос, Крымская война и конец «Священного альянса» в австрийско-российских отношениях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2018. Т. 18, выпуск 1. С. 77–83.
162. Слонимский Л. Литература о Бисмарке // Вестник Европы. 1911. № 10. С. 315–322.
163. Смирнов А.Ю. «Наполеоновская идея»: мираж или руководство к действию? // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М.: «Минувшее», 2003. С. 12 – 20.
164. Тамарченко Н.Д. Наполеоновская тема у Толстого и Достоевского («Преступление и наказание» и «Война и мир») // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. С. 276-283.
165. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения.: дис. ... док. ист. наук: 07.00.09. М., 1980. 312с.
166. Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 459 с.
167. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия: (М.Н. Катков и его изд.). М.: Наука, 1978. 279 с.
168. Тимирязев В. Бисмарк в своих и чужих воспоминаниях // Исторический вестник. 1899. № 4. С. 281-297.
169. Тихомиров Б.Н. К вопросу о «прототипах образа идеи в романах Достоевского» // Достоевский: Материалы и исследования. 1992. Т. 10. С. 42–55.
170. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. / Ред. С. А.

- Макашин; Сост., подгот. текста и коммент. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1—2.
171. Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» [пер. с фр. А. П. Бондарева]. М.: Молодая гвардия, 2009. 361 с.
172. А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. / отв. ред. Т. Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
173. Франк С. Видимая и невидимая война в Крыму // Крымский текст в русской культуре: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 4-6 сентября 2006 г. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. С. 126-145.
174. Хитрова Н.И. Польское восстание 1863 года и сближение с Пруссией // История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Междунар. отношения, 1997. С. 68-73.
175. Черепанова Р.С. Наполеон как фигура русского национального самосознания // Наполеоновские войны на металлических картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М.: Ключ-С, 2011. С. 176-192.
176. Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856-1870). М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2015. 450 с.
177. Чубинский В.В. Бисмарк: политическая биография. М.: Мысль, 1988. 414 с.
178. Чудовский В.Н. Война за Шлезвиг-Гольштейн 1864 года. Санкт-Петербург: Тип. т-ва "Общественная польза", 1866. 299 с.
179. Шкловский В.Б. Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М.: Федерация, 1928. 249 с.
180. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: Работы о Льве Толстом: исследования, статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.
181. Юнусов И.Ш. Проблема национального характера в русской литературе второй половины XIX века: И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой: дис. ... док. филол. наук. СПб, 2002. 514 с.

182. Юртаев С.А. Внешняя политика О. фон Бисмарка в 1871-1890 годах в отражении общественного мнения России: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. М., 2009. 175 с.
183. Denner M. Resistance Is Futile, but Nonresistance Might Work: The East and Russia in Tolstoi's Political Imagination, 1905–10 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16, No 1. P. 42–46.
184. Durman K. The Time of the Thunderer. Mikhail Katkov, Russian Nationalist Extremism and the Failure of The Bismarckian System, 1871–1887. New York: Columbia University Press, 1988. 609 pp.
185. Grzegorzcyk P. Lew Tołstoj w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. 336 pp.
186. Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. 206 pp.
187. Hobsbawm E.J. The Age of Empire, 1875—1914. New York: Pantheon Books, 1987. 315 pp.
188. Hokanson K. Writing at Russia's border. Toronto: Univ. of Toronto press, cop. 2008. 308 pp.
189. Lednicki W. Quelques aspects du nationalisme et du christianisme chez Tolstoï (les variations tolstoïennes à l'égard de la Pologne). Cracovie: Gebethner & Wolff, 1935. 100 pp.
190. Love J. The Overcoming of History in «War and Peace». Amsterdam: Editions Rodopi, 2004. 211 pp.
191. Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855—1870. Madison, Wisconsin, 2010. 277 pp.
192. Polacy w oczach rosjan-Rosjanie w oczach Polaków: Zbior studiów. Red. Bobryk R., Faryno J. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wyd., 2000. 430 pp.
193. Renner A. Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the «invention» of national politics // *Slavonic and East European Review*. Vol, 81. № 4 (Oct 2003). P. 659-682.

194. Robolsky H. Bismarck und Russland. Enthüllungen über die Beziehungen Deutschlands und Russlands von 1859 bis heute. Bremen: Dogma Verlag, 2013. 268 pp.
195. Thompson E.M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport, CT: Greenwood Press, 2000. 240 pp.
196. Tolstoy on War: Narrative Art and Historical Truth in «War and Peace» / Edited by Rick McPeak and Donna Tussing Orwin. Ithaca; London: Cornell University Press, 2012. 246 pp.
197. Ungurianu D. Plotting History: The Russian Historical Novel in the Imperial Age. Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 2007. 335 pp.